

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1982

Идет сборка.

Комплексная бригада станочников И. Пасичнюка (на снимке второй справа).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 8 (2849)

20 ФЕВРАЛЯ 1982

Р А С
Б Р И Г

ТУТ АДЫ

С. КАЛИНИЧЕВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

«Восприняли сердцем, ответим делом!» — такой лозунг красуется на одном из корпусов киевского завода «Красный экскаватор». Передовой коллектив, делом отвечая на решения XXVI съезда КПСС, многое успел уже в стартовом году пятилетки. Весь прирост продукции получен за счет повышения производительности труда, которая значительно опередила плановые показатели.

Мы приехали на завод в морозный солнечный день. На погрузочной площадке, чуть припорошенные молодым снежком, сверкали охрой новенькие экскаваторы, готовые в дорогу — на новостройки страны, в колхозы и совхозы, по многим зарубежным адресам.

Солнечные лучи косыми столбами стояли и под сводами механического цеха № 18. Поблескивали горки свежих деталей, гигантской бахромой свисали с конвейера гидроцилиндры, приглушенно урчали станки. А людей мы сразу и не увидели. Секретарь парткома Иван Кириллович Гудзь высмотрел кого-то меж станками и жестом попросил подойти. Отирая ветошью руки, к нам вышел молодой человек небольшого роста, с очень спокойным, открытым лицом. Познакомились. Иван Пасичнюк.

— Один из лучших наших бригадиров. Готовится к вступлению в партию,— пояснил секретарь парткома.— Его бригада своим примером очень помогла нам в развитии новых форм организации труда, повышении коллективной ответственности за дисциплину.

— А что же не видно ваших товарищей?— спросил я у Пасичнюка.

— Неужели?.. За агрегатным один. Но станки-то работают! Значит, тут где-то и второй...

Оказывается, в бригаде по штату тринадцать человек, из этого расчета им и задания планируют, но фактически работают только одиннадцать, да и те разбиты на две смены. Пять человек в смену получается. А станков — два десятка! И каждый управляет одновременно двумя-тремя, хотя практически может обслуживать любой станок на своем участке.

— Мы повышаем производительность труда не за счет дополнительных усилий: на этом резерве далеко не уедешь.

— А за счет чего?— спросил я.

— Прежде всего — организация труда... Новая техника. Учеба...

И тут мне показалось, что к нашей группе направляется еще один Иван Пасичнюк!

— Не удивляйтесь,— сказал кто-то из заводчан,— это, должно быть, Леонид — брат бригадира. Они близнецы. Мы сами их часто путаем.

— Один из них по туристической путевке ездил в Болгарию, а другой — во Францию,— рассказал позже секретарь партбюро цеха Сергей Каращук.— Я обоим помогал оформлять документы, но до сих пор путаю, кто где побывал. Начнет один рассказывать о Париже, а другой его поправляет, дополняет. Или о Софии... Один рассказывает, а другой подсказывает. Кстати, на заводе и старший брат их работает, Михаил, и две сестры, и жена Михаила. Такие дружные. Они сиротами росли, но до сих пор — как одна семья. Вот этим чувством дружбы Иван тесно спаял и свою бригаду.

Тут надо сказать, что руководство завода и партийная организация еще несколько лет назад взяли курс на то, чтобы сделать рабочую бригаду основным производственным подразделением. Каждая формируется так, чтобы в ней замыкался весь цикл обработки какого-то узла или сложной детали. Для этого на ее участке устанавливаются все необходимые станки. Бригада Пасичнюка, например, полностью изготовляет корпус гидромотора. Такая практика позволила перестроить планирование. Теперь заранее составляются и доводятся до каждой бригады ее месячные задания с разбивкой по дням.

В прошлом году, например, так работали 266 бригад. Этой формой организации труда на заводе охвачено уже 80 процентов, а в основном производстве — 90 процентов рабочих-сдельщиков. В парткоме считают, что на этом количественный рост бригад, работающих по единому наряду, практически завершается. А вот рост качественный...

Бригада Пасичнюка первой взяла на себя коллективную ответственность (с применением моральных и материальных санкций) за трудовую дисциплину. Один нарушил — отвечают все! Таким образом, этот низовой коллектив стал и центром воспитательной работы. Естественно, партком всячески способствует сплочению бригад, часто устраиваются совместные туристические поездки, развивается заводская художественная самодеятельность, спорт. Кстати, на «Красном экскаваторе» отличная база отдыха, с размахом построен спортивный комплекс.

Когда бригада как одна семья, тогда легче и быстрее внедрять новую технику. На участке Ивана Пасичнюка только в прошлом году появился многопозиционный автомат, который сразу обрабатывает шесть деталей, а раньше их поочередно обрабатывали на универсальных станках. Освоен и агрегатный фрезерный станок. Поскольку все работают на один наряд, легче высвободить человека на освоение новой техники, и он не потеряет в зарплате.

И. Гудзь, секретарь парткома завода, беседует с мастером участка П. Петренко.

Кроме того, все станочники ежегодно проходят переподготовку на своих рабочих местах, а бригадиры имеют определенные дни в неделе, которые полностью посвящают занятиям в учебно-курсовом комбинате, осваивая новую технику. Многие занимаются в базовом машиностроительном техникуме. Братья Пасичнюки сейчас сдают там экзамены за второй курс, а парторг цеха фрезеровщик Сергей Каращук уже защищает диплом...

Всемерное укрепление бригадных методов труда и производственной дисциплины, повышение мастерства всех работающих и внедрение новой техники — вот главные рычаги для выполнения ответственных задач, стоящих перед коллективом завода. А они не просты. Скажем, цех № 18 в нынешнем году теми же силами должен увеличить выпуск продукции на 22,7 процента! Эти силы умножаются за счет того, что люди растут, учатся, овладевают новой техникой, активно внедряют лучшие формы организации труда.

Константин Степанович ГРУШЕВОЙ

10 февраля 1982 года после тяжелой болезни скончался видный политический работник Советских Вооруженных Сил, кандидат в члены Центрального Комитета КПСС, депутат Верховного Совета РСФСР, член Военного совета — начальник Политического управления Московского военного округа генерал-полковник Грушевой Константин Степанович. Смерть вырвала из наших рядов верного сына советского народа, отдавшего всю свою сознательную жизнь беззаветному служению социалистической Родине, делу Коммунистической партии, членом которой он состоял с 1927 года.

К. С. Грушевой родился 7 ноября 1906 года в городе Смела Киевской области в семье служащего. Пятнадцатилетним юношей начал трудовую деятельность рабочим сахарного завода. Затем учился в металлургическом техникуме, служил в армии, находился на руководящей комсомольской работе. После окончания Днепродзержинского металлургического института был сменным инженером, начальником цеха Днепродзержинского металлургического завода.

В 1938 году К. С. Грушевой избирается первым секретарем Днепродзержинского горкома партии, а затем секретарем Днепропетровского областного комитета КП(б)У. На этом посту он встретил начало Великой Отечественной войны. После завершения работы по эвакуации промышленных предприятий области в восточные районы страны он по партийной мобилизации уходит в ряды Советской Армии. Находясь в действующей армии, К. С. Грушевой последовательно занимает должности члена Военного совета армии и группы войск, члена Военного совета Волховского, Карельского и 1-го Дальневосточного фронтов. В боях с фашистскими оккупантами и японскими милитаристами проявил большие организаторские способности, личное мужество и отвагу.

В послевоенное время К. С. Грушевой работал членом Военного совета Приморского военного округа, первым секретарем Измаильского областного комитета Компартии Украины, министром автомобильного транспорта Украинской ССР, в центральном аппарате Министерства обороны СССР. После окончания Военной академии Генерального штаба занимал должности члена Военного совета Московского округа ПВО, а с 1966 года — члена Военного совета — начальника Политического управления Московского военного округа.

Всюду, куда бы ни посылала его партия, К. С. Грушевой с чувством высокой ответственности выполнял ее поручения, все свои силы, знания и богатый боевой опыт отдавая делу повышения боевой готовности войск и воспитания личного состава. Все, кто служил и работал с ним, знали его как человека большой души и кипучей энергии, чуткого и отзывчивого товарища.

К. С. Грушевой избирался кандидатом в члены Центрального Комитета КПСС на XXIII, XXIV, XXV и XXVI съездах партии, был депутатом Верховного Совета Российской Федерации.

Коммунистическая партия и Советское государство высоко оценили заслуги К. С. Грушевого перед Родиной. Он был награжден тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, Суворова и Кутузова II степени, Богдана Хмельницкого I степени, Отечественной войны II степени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также удостоен ряда наград братских социалистических стран.

Светлая память о Константине Степановиче Грушевом — верном сыне Коммунистической партии и советского народа, пламенном патриоте социалистической Родины — навсегда сохранится в наших сердцах.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, Т. Я. Киселев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, Н. А. Щелоков, М. А. Яснов, Н. В. Огарков, В. Г. Куликов, А. А. Епишев, С. Л. Соколов, Г. С. Павлов, Н. И. Савинкин, В. И. Конотоп, В. И. Петров, В. Ф. Толубко, А. И. Колдунов, П. С. Кутахов, С. Г. Горшков, К. С. Москаленко, С. К. Куркоткин, А. Т. Алтунин, В. М. Шабанов, Н. Ф. Шестопалов, И. Н. Шкадов, Г. К. Цинев, А. И. Сорокин, М. Г. Соболев, А. Д. Лизичев, П. Г. Лушев, М. Д. Попков, П. А. Горчаков, С. А. Бобылев, Л. Л. Батехин, П. Н. Медведев, Л. И. Кузнецов, А. И. Безотосов, В. В. Долгов.

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Трудящиеся столицы, воины Московского гарнизона 15 февраля проводили в последний путь видного политического работника Советских Вооруженных Сил, кандидата в члены Центрального Комитета КПСС, депутата Верховного Совета РСФСР, члена Военного совета — начальника Политического управления Московского военного округа генерал-полковника Константина Степановича Грушевого.

Центральный Дом Советской Армии имени М. В. Фрунзе, где установлен гроб с телом покойного, в траурном убранстве. На алом бархате — три ордена Ленина, другие государственные награды, которыми отмечены заслуги верного сына советского народа, отдавшего всю жизнь беззаветному служению Родине, делу Коммунистической партии.

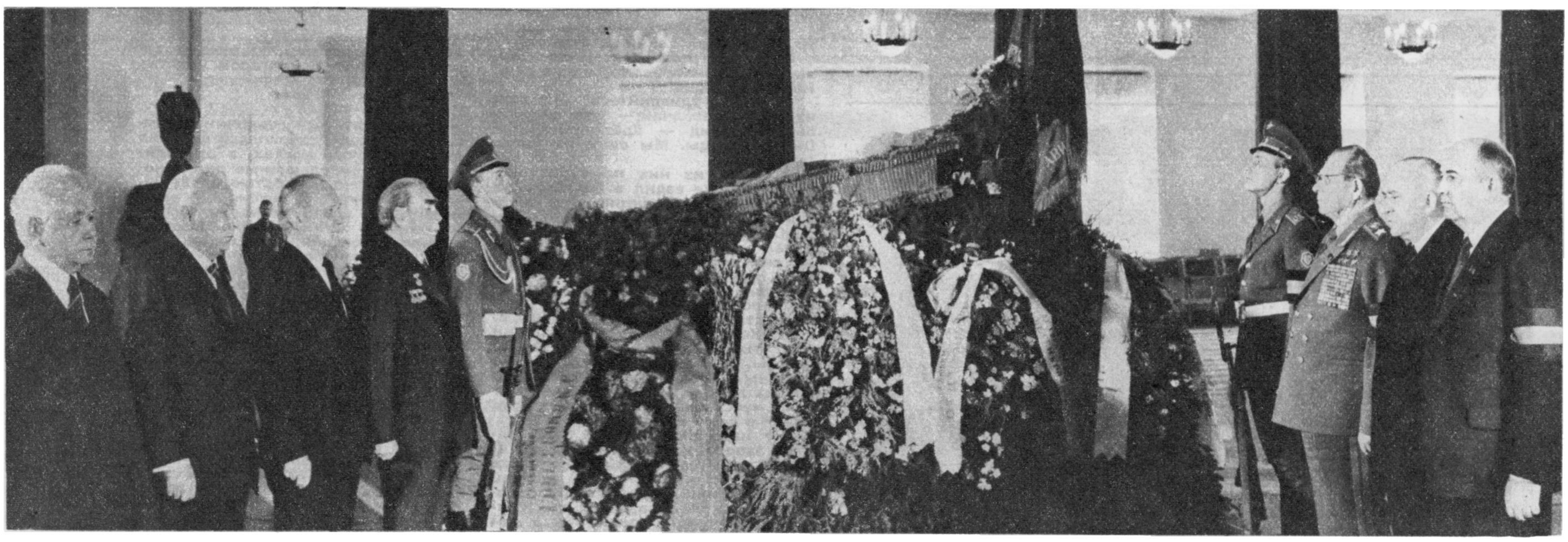
В зале множество венков. Здесь — венок от Центрального Комитета КПСС.

Траурную вахту несли товарищи Л. И. Брежнев, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин.

В почетном карауле были также ответственные работники ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, руководители ряда министерств и ведомств, видные советские военачальники, представители трудящихся.

На Новодевичьем кладбище, где похоронен К. С. Грушевой, состоялся траурный митинг.

В почетном карауле — руководители Коммунистической партии и Советского государства. Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ЕЩЕ РАЗ О СДЕЛКЕ ВЕКА

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

В № 4 журнала «Огонек» была опубликована статья заместителя председателя Госэкспертизы Госплана СССР Ю. И. Боксермана «Газ — трубы». Речь шла о контракте на поставку советского газа западноевропейским странам и об их участии в строительстве экспортного газопровода. Контракт этот в западной печати был назван сделкой века. Как известно, администрация Рейгана продолжает требовать от своих союзников расторгнуть этот контракт. В этой связи читатель «Огонька» из Ленинграда О. Кузьмин в своем письме в редакцию ставит вопрос: в какой мере наша отечественная промышленность способна сама обеспечить строительство магистральных газопроводов трубами и оборудованием!

Мы попросили автора статьи «Газ — трубы» ответить на вопрос нашего читателя.

— Вопрос поставлен закономерно. В нашей стране топливно-энергетический комплекс и такая его важная отрасль, как газовая промышленность, развивается высокими темпами.

В будущем году в Советском Союзе уровень добычи газа превысит уровень, достигнутый в США. Наша страна по добыче газа займет первое место в мире. Естественно, что такие небывало высокие темпы роста газовой промышленности потребовали значительного роста смежных отраслей, и прежде всего машиностроения и черной металлургии. И в этом направлении сделано уже немало. Прокат черных металлов в 1980 году достиг 103 миллионов тонн, а производство стальных труб — 18,2 миллиона тонн. Столько труб не производит ни одна страна в мире! И тем не менее нам пока еще труб не хватает, и мы закупаем их в странах Западной Европы в обмен на наш природный газ. Часть труб мы получаем из стран СЭВ, а также из Японии.

Пятилетним планом предусмотрено дальнейшее увеличение производства труб в Горьковской области на Выксунском металлургическом заводе. Там сооружается крупный цех, где ежегодно будут производить миллион тонн многослойных труб. Первая очередь цеха уже вступает в строй. Ведется реконструкция действующих трубных заводов с выпуском на них труб с изоляцией.

В крупных масштабах производится у нас оборудование для газовой промышленности — газоперекачивающие агрегаты различной конструкции и мощности для компрессорных станций газопроводов, стальная арматура высокого давления, холодильные установки, аппаратура для обустройства промыслов. В одиннадцатой пятилетке по сравнению с десятой пятилеткой производство газоперекачивающих агрегатов увеличится в 1,8 раза.

Важен не только количественный рост. Наша промышленность осваивает новые конструкции машин большой единичной мощности (25 тысяч киловатт вместо 10 тысяч) — об этом рассказывает ваш корреспондент из Ленинграда на страницах этого номера.

Большой интерес представляет совместная работа предприятий Министерства химического и нефтяного машиностроения и Министерства авиационной промышленности по созданию новых газоперекачивающих агрегатов мощностью 16 тысяч киловатт (вместо 6,3 тысячи киловатт, выпускаемых в настоящее время). Для них в качестве привода используются авиационные турбины, отслужившие свой срок на самолетах. Об этом, кстати, рассказано в «Огоньке» (№ 45, 1980 г.— **Ред.**). Строителям и газовикам эти агрегаты пришлись по душе, их поставляют отдельными блоками, которые монтируются на трассах газопроводов в три-четыре раза быстрее, чем при сооружении компрессорных станций со стационарными газовыми турбинами. Новый агрегат универсален, он может транспортировать газ при давлениях 75, 100 и 120 атмосфер.

В Тульской и Пензенской областях на заводах Минхиммаша организовано производство стальной арматуры высокого давления для газовой промышленности. На других предприятиях этого министерства освоен выпуск холодильных машин и технологических установок для обустройства промыслов. В Узбекистане построен и введен в действие мощный завод по извлечению из газа серы, полностью на отечественном оборудовании.

Добавим, что с самого начала развития нашей газовой промышленности были созданы конструкторские организации и построены предприятия по производству специальной строительной техники для сооружения магистральных газопроводов. Ныне Миннефтегазстрой производит мощные землеройные машины, экскаваторы, механизмы для прокладки переходов по дну рек и через другие водные препятствия. Известен наш приоритет в широком применении в строительстве трубопроводов высокоэффективных сварочных аппаратов, разработанных Институтом электросварки имени Е. О. Патона.

Как сообщалось в печати, американская фирма по требованию президента Рейгана разорвала контракт о поставке нашей стране трубоукладчиков «Катерпиллер». Но уже сейчас Стерлитамакский завод строительных машин наладил производство отечественных трубоукладчиков ТГ-502, не уступающих по мощности и удобству в работе заокеанским.

Следовательно, в стране создана мощная база для ускоренного развития газовой промышленности и мы способны обеспечить ее всем необходимым. Острота проблемы заключается в необычно больших объемах и сжатых сроках строительства. Нигде в мире да и в нашей практике не было таких масштабов — в одиннадцатом пятилетии надо построить шесть крупнейших газопроводов, в том числе один экспортный. Значит, на каждый газопровод отводится менее года. А за рубежом подобные газопроводы строят три-четыре года. Естественно, что для такой грандиозной программы требуется много материальных ресурсов, часть которых мы получим из стран Западной Европы по контракту «Газ — трубы». Как отмечалось неоднократно в нашей и зарубежной печати, контракт этот еще раз напоминает о стремлении Советского Союза к длительному мирному сотрудничеству со странами Запада.

ИЗ МЕЧТЫ — В СЕРИЮ

Честно говоря, мне давно не приходилось бывать в таких цехах. Огромный, превосходящий размерами любую футбольную арену корпус тем не менее с первых шагов поражал воображение не масштабами и перспективой, а какой-то редкостной ухоженностью: казалось, будто только что его покинула армия старательных домохозяек, до блеска надраивших каждый сантиметр чистейше отмытого пола, каждую деталь могучих сверкающих сталью станков. Серьезно потрудился и дизайнер: гармония линий и света, встречающихся лишь в рекламных проспектах, в данном случае вполне реально радовала глаз, создавая настроение какой-то праздничной приподнятости.

«Качество производства начинается с его культуры»,— вспомнил я слова доктора технических наук Л. А. Кузнецова, создателя серии газовых турбин, принесших заслуженную славу ленинградскому объединению «Невский завод» имени В. И. Ленина. Сказаны они были лет пятнадцать назад во время встречи с журналистами, на которой обычно весьма сдержанный Леонид Андреевич открылся вдруг с неожиданной, романтичной, что ли, стороны. Еще только разворачивалось, набирало силу наступление на сокровища сибирских недр, а Кузнецов, предвосхищая грядущее, увлеченно рисовал картины будущих гигантских газопроводов, которые соединят Сибирь с европейской частью страны. Этот человек всегда мечтал, если так можно выразиться, конкретно, последовательно претворяя в жизнь задуманное. Ныне более 80 процентов всех газоперекачивающих агрегатов на магистральных газопроводах страны — продукция «Невского завода». Во имя будущего был построен этот насыщенный самым современным оборудованием цех. И само оно обрело зримое очертание в виде принципиально нового газоперекачивающего агрегата ГТН-25, построенного уже при участии сына Леонида Андреевича, тоже доктора технических наук А. Л. Кузнецова, сменившего отца на посту главного конструктора.

Серийный выпуск ее скоро начнется здесь. Таково важнейшее обязательство заводчан перед ленинградцами и ленинградцев перед всей страной.

— Известно, что строители газопроводов ориентируются на использование труб большого диаметра, а это, в свою очередь, требует от машиностроителей агрегатов, способных справляться с резко возрастающими объемами транспортировки газа по мощным артериям. Этим требованиям вполне отвечает ГТН-25,— рассказывает заместитель начальника цеха В. А. Кожевников.— О его отличиях от заслуженного, немало и славно потрудившегося предшественника ГТК-10 можно рассказывать долго. При равном весе новичок в два с половиной раза мощнее, резко повышена его быстроходность, надежность, он полностью автоматизирован. Каждая такая машина заменит сразу несколько предыдущих, сэкономит народному хозяйству более шестисот тысяч рублей.

Рождение ГТН-25 стало особой вехой в биографии предприятия. В процессе работы над машиной были созданы, обрели силы первые творческие бригады, объединившие конструкторов, технологов и рабочих. Такое содружество, в частности, помогло внедрить обработку лопаток для новой турбины из жаропрочного сплава электрохимическим способом. Это снизило трудоемкость изготовления лопаток и вдвое сократило потребность в режущем инструменте.

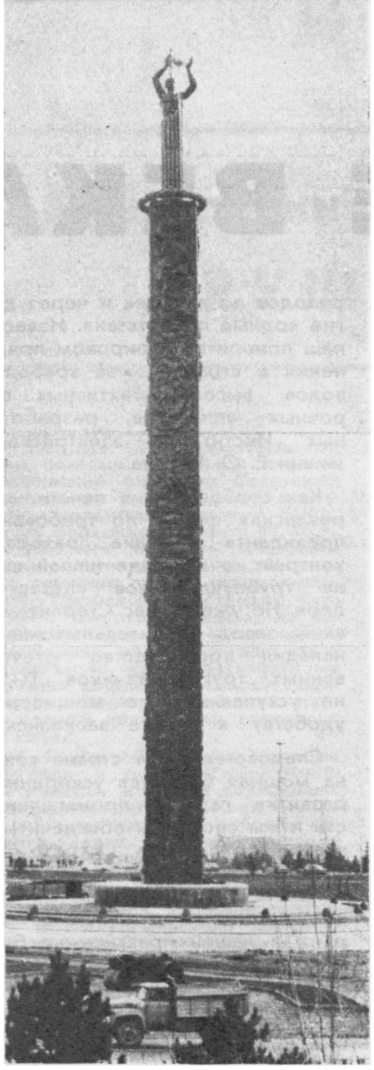
Столь же эффективным оказался и бригадный подряд. Мы встретились с руководителем одной из таких бригад — Л. Д. Бабуковым.

— Машина прекрасная,— заметил Леонид Дмитриевич.— Я на заводе с 1948 года, собирал, монтировал и нашу и импортную технику, так что есть с чем сравнивать. Но особо хочу подчеркнуть следующее — сейчас деятели администрации Рейгана утверждают, что Советскому Союзу без помощи капиталистических государств не по силам обеспечить выполнение взятых на себя обязательств по поставкам газа ФРГ, Франции и другим странам Западной Европы, что мы партнеры якобы ненадежные. ГТН-25 — наш достойный ответ всем тем, кто пытается сорвать строительство трансъевропейского газопровода, сделку века. Приятно сознавать, что мирная внешняя политика нашей страны утверждается, осуществляется и нашими рабочими руками.

О. ПЕТРИЧЕНКО,
собкор. «Огонька».

г. Ленинград.

•НОВОСТИ•ИНТЕРВЬЮ•РЕПОРТАЖ•

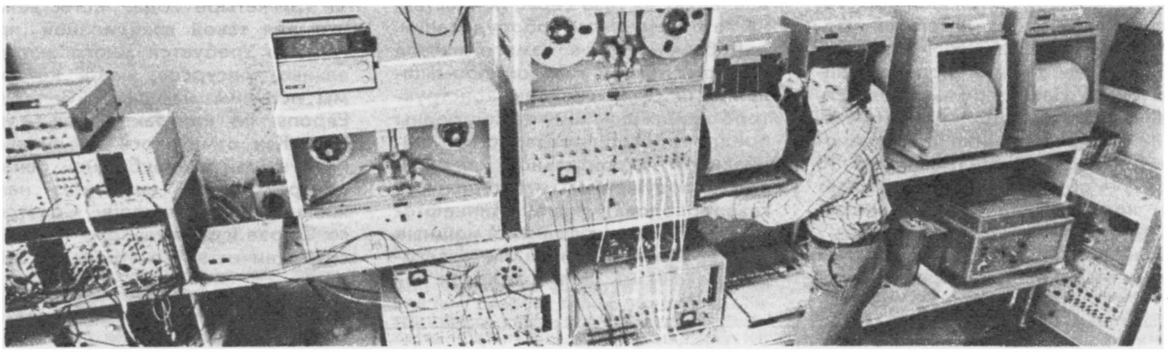
1

2

3

4

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

НА СЕМИ ВЕТРАХ

1 ТБИЛИСИ

...Взревели турбины вертолета. Командир экипажа Сергей Флягин поднимает машину в воздух. Под вертолетом на стальных тросах — огромная скульптура.

Вдоль магистрали, ведущей в Тбилисский аэропорт, медленно плывет изображение человека, держащего в руках солнце. Над 60-метровой стелой вертолет зависает, а бортоператор Рамиз Ибадуллин из застекленной рубки, встроенной под фюзеляжем, точно опускает на стальной штырь специальную воронку-уловитель. Филигранная работа!

Облегченно вздыхает народный художник СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий, член - корреспондент Академии художеств СССР Зураб Церетели, создавший в союзе с конструктором, кандидатом технических наук Нодаром Эдишерашвили монументальную композицию «Человек и Солнце». Она взметнулась ввысь у восточных ворот Тбилиси.

Горельефы на трехгранной стеле отражают дерзновение, свершения человека, его созидательный труд. В символах-скульптурах — художественный образ расцвета Грузии в братской семье советских народов. Апофеозом композиции стала фигура человека — в сильных, надежных руках он держит пылающее Солнце.

Воздвигнуть монумент помогли пилоты Ухтинского авиапредприятия. Для выполнения завершающей операции им понадобилось ровно 15 минут.

— Монумент у восточного въезда в Тбилиси,— рассказывает Н. Эдишерашвили, — воздвигнут, как говорится, «на семи ветрах», открыт со всех сторон. Мы применили специальные ветровые гасители, способные защитить конструкцию даже от урагана.

Издалека видна эта впечатляющая, парящая в синеве тбилисского неба скульптура — символ добра, грузинского гостеприимства и мира.

На снимке: Монумент «Человек и Солнце».

А. ВИГНАНСКИЙ
Фото Г. Кикквадзе

2

ПЛОВЦЫ РАДУЮТ

ЛИТЕРАТУРНОЕ

Небольшой одноэтажный дом старинной постройки на улице 7 Ноября. Это музей орловских писателей, которому на днях исполнилось четверть века.

Сколько здесь собрано, отреставрировано, возрождено уникальных, бесценных по своему значению документов, рукописей, книг, фотографий, картин и предметов быта, принадлежащих И. Тургеневу, А. Фету, Н. Лескову, Л. Андрееву, Д. Писареву, А. Апухтину, И. Бунину, М. Пришвину, И. Новикову и многим другим.

Нельзя без волнения знакомиться с экспозициями, которые делают живыми, как бы реально существующими с нами наших выдающихся русских и советских писателей.

Я наблюдал, как люди подолгу задерживались в фетовской комнате, обставленной мебелью, принадлежавшей поэту, как задумчиво стояли в бунинском кабинете, перевезенном в Орел из Парижа после

4

ПОКА

Изучением вулканизма и закономерностей его процессов занимаются у нас в стране ученые Института вулканологии.

Как известно, на глубинах в десятки, сотни километров постоянно идут физико-химические процессы. Хотя магма зарождается на недоступных глубинах, это не проходит бесследно и для живущих на Земле.

Механизм вулканизма все еще остается загадкой. Пока мы лучше знаем поверхность Луны, чем глубины земного шара. А Земля живет глубинами, «дышит» ими.

Ученые стремятся познать механику процессов, приводящих к перемещению веществ в глубинах Земли. Геодинамика является одним из главных объектов международных научных

МАШИНКА,

Много новшеств впитала за последние годы всем нам знакомая пишущая машинка... Ее сделали электрической, быстроходной, научили «запоминать» напечатанный текст и с идеальной точностью воспроизводить его. И все-таки по сути она осталась прежней: чтобы напечатать какое-то слово, надо буковка за буковкой, удар за ударом «выбить» его, это слово, на клавиатуре. Хоть и привычно, но утомительно и довольно долго.

Можно ли облегчить труд машинистки? Над этим задумался ленинградский инженер Ф. А. Коледа — ведущий конструктор научно-производственного объединения «Позитрон». Задумался поневоле: очень досаждала ему своим несовершенством и частыми поломками имевшаяся в его распоряжении портативка «Москва».

Федор Андреевич смело взялся за незнакомое дело. Смело-

Зимнее первенство СССР по плаванию, прошедшее в бассейне спорткомплекса «Олимпийский», стало большим спортивным праздником. С первого до последнего дня многочисленные зрители, заполнившие трибуны, были свидетелями выдающихся результатов во всех способах плавания. Да, после того, как наши пловцы завоевали в 1974 году шесть золотых медалей на чемпионате Европы, они продолжают успешно повышать свое мастерство. Особенно порадовал трехкратный олимпийский чемпион Владимир Сальников. Сперва он победил на дистанции 400 метров вольным стилем, а затем в последний день чемпионата блестяще выступил на своей коронной дистанции — 1500 метров. Со старта он развил рекордную скорость, как бы заявив, что намерен побить свой же мировой рекорд. И хоть ему и не удалось осуществить до конца свой график, но на дистанции 800 метров, по ходу заплыва, он мировой рекорд установил, на 4 секунды улучшив свое прежнее достижение. Теперь в таблице рекордов записано время — 7 минут 52,83 секунды.

На снимке: Владимир Сальников после заплыва.

Фото А. Бочинина

ГНЕЗДО

ОРЕЛ

3

смерти писателя, как восторженно отзывались о картинах Леонида Андреева...

Большой интерес вызывает у посетителей и рабочий кабинет Михаила Михайловича Пришвина, полученный недавно музеем по наследственному завещанию вдовы писателя Валерии Дмитриевны Пришвиной. Центральное место в кабинете занимает резной дубовый стол. Стены украшают многочисленные авторские фотографии и прижизненные портреты певца русской природы, выполненные художниками В. Фаворским, Г. Верейским, А. Кирилловым. Особенно удачным сам Пришвин считал портрет Г. С. Верейского. Вот одна из дневниковых записей Михаила Михайловича: «Портрет Верейского дает меня в рисунке без моего привлекающего художников «цвета лица». Но он дает единство моего образа, то, что называют душой». Удачно вписывается в интерьер экспозиции и скульптурная работа С. Лонка, выполненная из дерева по фотографиям писателя уже после его смерти.

Большое место в пришвинской комнате уделено жизненному и творческому пути писателя-земляка.

— В настоящее время создается и готовится к открытию ряд новых экспозиций,— говорит В. В. Софронова, заместитель директора Государственного музея И. С. Тургенева, филиалом которого является музей «Орловские писатели».— Они будут посвящены известным орловским фольклористам П. В. Киреевскому, П. И. Якушкину, ученому-историку Т. Н. Грановскому, критику Д. И. Писареву.

Николай ЛАЛАКИН

На снимке: в рабочем кабинете М. М. Пришвина.

Фото Л. Тучнина

МОЛЧАТ ВУЛКАНЫ

КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ

программ исследований. Пока идут поиски, эксперименты, но наука постепенно приближается к отысканию возможности предсказывать извержения вулканов.

...Петропавловск - Камчатский стоит на берегу Тихого океана. С материковой стороны город оцеплен частоколом огромных конусообразных гор. Но есть у города и два «домашних» вулкана — это Корякский и Авачинский. Вулканы «дышат» и оттого даже в ясную погоду над их макушками клубится пар. Спокойно «дышат» вулканы — значит, спят. А когда проснутся? Завтра, через месяц, через год?

— В Институте вулканологии существует центр сбора геофизической информации, — рассказал сотрудник центра В. А. Гаврилов. — В радиусе семидесяти километров вокруг города на вулканах Авачинский, Горелый, Корякский, Козельский, Мутновский установлены датчики радиотелеметрической сети, которые фиксируют малейшие изменения в поведении подопечных.

Петропавловцы знают, что их грозные соседи - вулканы находятся под постоянным наблюдением. Здесь создана служба предупреждения беды.

В. КУЗНЕЦОВ, собкор «Огонька»

На снимке: В. А. Гаврилов в центре сбора геофизической информации.

Фото автора

ПИШУЩАЯ БЫСТРО

ЛЕНИНГРАД

сти способствовал опыт — на его счету уже было 32 изобретения, относящихся в основном к области научного приборостроения.

Решение было необычным — оставить на лицевой панели всего 10 клавиш, по одной на каждый палец! Казалось бы, невероятно — с учетом-то количества букв русского алфавита и позарез необходимых знаков препинания.

Коледа сделал клавиши... плавающими: буквы «добываются» теперь не только нажимом, но и движением клавиш в различных направлениях: вправо, влево, вверх, вниз. Замыкаются нужные контакты (машинка электрическая), и на белом листе бумаги со скоростью по нынешним меркам невероятной возникает текст.

Увеличение скорости достигается за счет времени, которое в обычных машинках пальцы тратят на поиск нужных букв. Хоть и невелико вроде бы расстояние, а дает о себе знать физической, моральной усталостью.

В новой системе пальцами «бегать» не надо. Достаточно выучить несколько простейших движений, и даже новичок вскоре сможет управиться с работой, для которой ему сейчас необходима помощь квалифицированной машинистки.

Достоинств у новинки немало. Они подтверждены и авторским свидетельством, выданным Федору Андреевичу Государственным комитетом СССР по делам изобретений и открытий. Кстати, во время нашей беседы раздался телефонный звонок с ленинградского телеграфа. Его главный инженер интересовался возможностью использовать систему Коледы для телетайпов. Это еще одна возможная сфера использования изобретения.

О. ТИМОФЕЕВ

ЗА ТЕХ, КТО В ПОЛЕ

Е. ДЕВЯТИСИЛЬНЫЙ,
старший научный сотрудник экспериментальной базы «Снегири» АН СССР

На исходе осени уезжал я с Алтая. Откровенно говоря, на душе было невесело. Край переживал нелегкий год, который надолго сохранится в памяти как неурожайный. «Засуха» — слышал я в хозяйствах, в разных районных и краевых инстанциях. Рассказывали, что дождя ждали с мая. И не дождались... В хозяйствах составляли скудные зерновые балансы. Засуха! Грозное слово... А я думал, что за десятилетия работы в сельском хозяйстве слышу о засухе не первый раз. Если не засуха, то дожди. Иной год дожди наваливаются обложные, холодные, а в результате год зачисляют в неурожайный. Да, зависимость земледельцев от погодных условий велика. И все же недобор зерна и грозные последствия его не следует объяснять только неблагоприятным стечением погодных условий. Сделай мы так — и допустим ошибку.

В речи на ноябрьском (1981 г.) Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Кстати, многолетний опыт показывает, что неблагоприятная для сельского хозяйства погода бывает у нас чуть ли не через год. Следовательно, рассматривать ее надо не как исключение, а как явление для нашего климата довольно обычное, естественное».

Засуха или многодневные неурочные дожди как явления объективные всегда были трудным экзаменом для тех, кто работает на земле, под открытым небом. Но опыт практиков и достижения науки помогают более умело приспосабливать работы в сельском хозяйстве к климатическим невзгодам. И не только достижения науки о растениях, науки о земле, не только агрохимия, но и — экономика! Экономические рычаги и здесь тоже могут сыграть активную роль.

Бьет тяжелее и больнее непогода там, где игнорируют известные закономерности агрономии и экономики. Где живут сегодняшним днем, не считаясь (причем упрямо до поразительного) с прописными истинами агротехники и хозрасчета. Почему я объединяю столь различные понятия? Да потому, что экономика материализует интерес, заинтересованность исполнителей в четком соблюдении агротехники. Засуха—зло, которое лишает нас части урожая. Части! Важно уяснить с помощью специалистов — какую часть урожая мы теряем из-за неблагоприятно сложившихся условий, а какую — из-за бесхозяйственности, из-за безынициативности. Последнее самое обезоруживающее. Чем вызваны факты пассивности перед явной угрозой бездождья или, напротив, зачастивших дождей?

Объяснения могут быть двоякого плана: морального и сугубо экономического. И хотя в жизни нравственное и материальное тесно связаны, я в силу своей профессиональной заинтересованности остановлюсь на экономическом объяснении пассивности части полеводов в противостоянии погодным капризам.

Даже после октябрьского (1980 г.) Пленума ЦК КПСС планирующие органы склонны диктовать, сколько и чего сеять, что и как выращивать, какое поголовье надобно держать... Это все так, но не хотим ли мы прикрыть «планирующими органами» безынициативность? А что если экономистам на местах взять на себя ответственность? На то есть прямое указание товарища Л. И. Брежнева, который на недавнем Пленуме ЦК КПСС сказал: «Оценивать людей, их труд надо с учетом того, чего они добиваются как при хорошей, так и при плохой погоде, насколько устойчивы, стабильны результаты их труда».

Казалось бы, что обсуждать? Мне, например, лет тридцать назад в техникуме было известно, что наличие в хозяйстве чистых (черных) паров — это показатель уровня руководства земледелием. Больше паров — выше класс агрономической службы. Чего уж проще... Об этом же наслышался в Ти-

мирязевке, а затем убедился на собственном опыте, работая в совхозе Одесской области... Слово «пар» в его агрономическом значении известно теперь даже неспециалистам. Однако до сих пор изгоняется пар с поля. Засуха этим пользуется. Многое обязательное, азбучное для каждого агронома, экономиста, плановика не соблюдается! Кто виноват? Не планирующие органы, точнее, не только они... Забыты во многих хозяйствах массовые и простейшие эксперименты на родном поле, опытничество. Это одна сторона проблемы. Но есть и другая.

Сегодня, когда сформулирована задача по разработке продовольственной программы, актуальность совершенствования экономического механизма на селе очевидна. «Огонек» не раз выступал по вопросам дальнейшей отработки системы управления сельским хозяйством, агропромышленным комплексом — в частности, на местах, там, где до поля рукой подать. «Решающее слово, чем занимать гектар, когда начинать те или иные работы, должно принадлежать самим колхозам и совхозам». Таково требование партии, сформулированное в речи товарища Л. И. Брежнева на ноябрьском (1981 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Земледелию шаблон противопоказан. Шаблон не приспособишь ни к погодным условиям, ни к требованиям жизни. Я и наши специалисты с волнением смотрели фильм «Сотворение хлеба»: лента ярко показывает, как дерзают — поодиночке — энтузиасты, сплошь и рядом с таблеткой валидола под языком. Хорошо, если специалист, полевод наделен надежным защитным иммунитетом, каким, например, обладает знаменитый полевод Т. С. Мальцев или селекционер В. Н. Ремесло! Никто не лишал практиков сельского хозяйства права на инициативу, я бы сказал, на соучастие в работе почвы. Творчество, бессонные ночи, опыт на живых гектарах дают надежный и вкусный хлеб. Такой хлеб кормит одинаково хорошо и в засушливые годы и в годы с переувлажненным летом. Как бы то ни было, а сельскохозяйственную науку, ее рекомендации оценивает урожай. И сколь часто на ту же науку валят собственные грехи, собственные просчеты, пожиная плоды собственного равнодушия к жизни растения, поля. «А мы по науке...» — подобное объяснение неурожая характерно для нашего времени, когда есть и техника, и удобрения, и гербициды, и предсказания метеорологов. Но рекомендации науки, технологические карты — не прикрытие, не кулисы, чтобы упрятать за ними отсутствие забот и интересов, связанных с жизнью доверенного тебе поля.

Так каково поведение самих хозяев земли? Иные из них выстроились в длинную очередь и ждут решения по назревшим социально-экономическим проблемам деревни. Ждут у дверей науки и инстанций зачастую те, кто неспособен действовать сам. Само собой возникает предложение о плодотворном перемещении таких руководителей села, исповедующих шаблон. Конечно, с учетом мнения трудового коллектива отделения, бригад или совхозов и колхозов в целом и назначения взамен их способных, инициативных и авторитетных людей. В армии, как известно, живут командами, а сельскому хозяйству команды не подходят, тут диктат себя изжил. Люди в нынешней деревне качественно изменились (можно сказать, «качество» селян обратно пропорционально их количеству). А вот «обратная связь» — влияние мнения рядовых полеводов на непосредственное начальство в звене, в бригаде — не всегда срабатывает.

Совхозы сейчас отчитываются, представляют сводки минимум в каждом своем шаге как минимум в пять адресов. Два из них ближние — сельхозотдел райкома и райсельхозуправление. А есть еще и райплан и райЦСУ. Отчеты идут и в областной центр и в свой трест. Об этом потоке исходящих писалось давно. Юбилей можно отмечать... Возьмем такой серьезнейший документ, как годовой отчет совхоза. Только за период с 1973 года бланк распух с 78 до 96 страниц. Чего вы только здесь не найдете! Но ряда важнейших показателей нет. Нет в отчетах показателей качества: содержания жира и белка в молоке, сахаристости свеклы и масличности подсолнечника, нет и качественных показателей зерна. То есть важнейших показателей современности! Хотя для них-то достаточно было бы и половины страницы. Но какая половинка была бы!..

Да, специализация и концентрация производства принесли немало положительного. Но есть кое-что и отрицательное, причем многие ошибки и просчеты не из числа неизбежных. Потери — следствие недоработки. А также немало мы теряем из-за отсутствия связи между интересом исполнителя и интересом хозяйства. Есть здесь такое, о чем двух мнений быть не может: сколько бы у нас ни было трестов и «промов», хозяин на селе должен быть один. Один. Полновластный. Тот, кто на земле работает.

Не менее актуальны вопросы оплаты труда растениеводов. Известный спор о приоритете яйца или курицы до сих пор не может раскрыть одну из великих тайн природы. Но не приходится сомневаться в первичности полеводства перед животноводством. Да никто и не сомневается. В очереди к полеводу «дежурят» многие — и те, кто с сошкой, и те, кто с ложкой. Но роль коренных полеводов, потомственных, истинных хозяев земли, стоящих у истоков земледелия, ее экономики, можно сказать, в известной мере принижена: все еще не упорядочена оплата их поистине героического труда.

Далеко не последнюю роль здесь сыграла сама система оплаты труда полеводов, точнее — ее изъяны. Эта оплата прежде всего сложна и условна. Она запутанна и непонятна для многих немолодых женщин, которые в массе остались еще верны растениеводству. Об этом уже высказывался в «Огоньке» В. Л. Бедуля, председатель колхоза «Советская Белоруссия». Остановитесь на поле, где работают люди, и спросите их, какова за эту работу оплата? Уверены, точно ответят немногие. Даже специалисты не всегда объяснят. Последствия такого положения весьма печальны. Чтобы ответить на ваш вопрос, рабочий должен знать по крайней мере три величины: норму выработки, тарификацию данной работы и тарифную ставку. А непонятная система оплаты ведет к труду непроизводительному. Даже грамотным женщинам нелегко запомнить шесть разрядов только на конно-ручных работах. Плюс столько же — шесть разрядов — для трактористов-машинистов, обычно людей с неполным средним образованием. Причем в случае привлечения к работам повременщиков все расчеты надо умножить еще на два. Тарифные ставки для повременщиков отдельные — зачем? Чтобы из года в год, изо дня в день пользоваться этой «научной» сложностью, начислять людям заработок, надо действительно на одного действующего «сошкой» держать не менее семи счетных работников с арифмометрами и калькуляторами.

Могут возразить: позвольте, заработки у полеводов неплохие — от ста рублей и выше! Да, практика во многих передовых хозяйствах разошлась с теорией. Но только в передовых, где руководители посмелее, где не боятся идти на явные нарушения и делают зарплату не ниже заранее обусловленной правлением суммы. Согласитесь: далеко не одно и то же заранее знать, что оплата труда гарантирована законом, если выполнишь норму с отличным качеством, или работать и ждать, что заработок тебе «сделают». Тут уж не до качества. И, напротив, в животноводстве хороший заработок сделать куда легче. Так обстоит дело на практике, в жизни. А подобное положение «выживает» прежде всего добросовестный труд, бьет по лучшим крестьянским традициям в поле. В конечном итоге: надежда на шефов, надежда на рабочую силу для села случайную, по разнарядке. Сиротеет поле, остается бесхозным.

Признаюсь, как экономисту-аграрнику, мне не всегда понятны сообщения о выполнении норм выработки на полевых работах на двести и выше процентов... При прочих равных условиях это возможно в основном лишь в двух случаях. Либо норма явно занижена. Либо это выработка за два рабочих дня общей продолжительностью более четырнадцати часов, что вполне возможно в летние дни работы («от зари до зари»). Итак, если норма выработки научно (технически) обоснована, то за рабочий день, законом установленный, не разогнишься. Особенно под открытым небом (то в жару, то в дождь)...

Нецелесообразно, на мой взгляд, деление полевых работ на шесть разрядов еще и потому, что любая норма требует практически одинаковой напряженности, одинакового количества и качества труда в сумме. Где требуется меньшее качество труда, там, как правило, увеличивается его количество. Не говорю уже о необходимости выполнять каждую очередную полевую работу в лучшие сроки, по совести. А ведь **каждая очередная работа в поле — звено единой цепи технологического процесса.** Это своего рода конвейер, на котором создается урожай. А сейчас мы как бы распределили работы на главные и третьестепенные, то есть на третьеразрядные и на шестиразрядные. Люди давным-давно разделили все полевые работы на выгодные и невыгодные. **Но для поля, для его жизни, для жизни растений такое деление противоестественно. Повторяюсь, каждая работа в поле одинаково важна! Каждая объективно необходима.** И если какие-то работы мы не успеваем выполнить или выполняем с опозданием, плохо, тогда является «засуха», искусственная.

А что если оставить полю два разряда: один для конно-ручных работ (скажем, пять рублей за норму выработки на всех работах), другой — например, семь рублей за норму выработки на механизированных работах? Исходя из этого, **рассчитывать оплату за конечную продукцию в центнерах.** Было бы просто, понятно и удобно. И справедливо для всех. Разумеется, **речь идет об основной оплате труда.** Доплаты, надбавки и премии не затрагиваю, хотя все они оговорены таким количеством всевозможных условий, что ногу сломишь; да и получить их практически сложно. Темные расчеты с исполнителем и уравниловка — порок. В предлагаемом варианте оплата труда самая что ни есть по количеству и качеству. Будет стабильной основная оплата полевых работ — по-иному «заиграют» грани дополнительных начислений за качество работ, за эффективность экономики растениеводства.

Слышу возражения: предлагается очередное повышение зарплаты в сельском хозяйстве, а где соответствующие фонды? Отвечаю. Если учесть, что сейчас во многих случаях зарплату «делают», если велики затраты, связанные с использованием малопродуктивного труда шефов и других нехозяев земли, то практически какого-то особого дополнительного фонда зарплаты и не потребуется. Те же средства будут распределены по труду, то есть справедливо. И хорошая оплата будет законной. Получат ее хозяева полей, земли. Полеводы достойны такой оплаты. Сколько и как бы ни механизировали мы сельское хозяйство, без полеводов не обойтись. Долго добивались надбавки за перевыполнение плана. И обосновывали ее всесторонне, включая авторитетность плана. Но с самого начала сомнения вызывала уравниловка условий: надбавка была едина для всех, независимо от «потолка» плана! Причем явно ущемили авторитет... плана. Теперь пятьдесят процентов надбавки выплачиваются не за перевыполнение, а за превышение достигнутого уровня. И получилось, что уравниловка сохранилась, только в иной форме. Согласитесь, достигнутый уровень продажи продукции с гектара земли далеко не одинаков даже в пределах административного района, не говоря уже о крае или области, о зоне. К тому же в игру вступил и такой фактор, как специализация. А уж ее-то никак не поставишь в заслугу только тому или иному директору, председателю или хозяйству. Вот и напрашивается более современный принцип: установить дифференцированные надбавки за перевыполнение плана продажи продукции государству в зависимости от достигнутого уровня в среднем, скажем, за предыдущие пять или десять лет. Считать проще. Но суть не только в этом. Суть еще и в том, что план всегда выше у тех, кто достиг более высокого уровня. У передовых хозяйств. Но чем выше достигнутый уровень, тем труднее его превзойти! И, следовательно, тем большей должна быть надбавка к закупочной цене.

Не раз приходилось слышать такую притчу об экономике урожая. В притче этой перечисляются многочисленные эффекты от науки: хорошие семена, мол, дают к урожаю прибавку трех центнеров, минеральные удобрения еще три центнера, органика — тоже три центнера, а если еще и своевременно посеять, то плюсуют столько-то, обработаешь посев гербицидами — тоже плюсуй прибавку, новый способ обработки почвы — верная прибавка в урожае, и на парах гарантирована прибавка... Вот и осень пришла! Получили прибавки. Да вот беда — самого урожая небогато. Его очередная «засуха» убавила, съела. Сумма прибавок обеспечивает только тот уровень урожайности, который мы уже имели, имели давно. Шутка? Но в ней доля правды. Будут самостоятельны, инициативны и материально заинтересованы те, кто остался и в эпоху НТР на земле,— никакая засуха не страшна. Даю слово экономиста.

КТО НАГРОМОЖДАЕТ ЗАВАЛЫ В ЖЕНЕВЕ

Наш взгляд

Сергей ЛОСЕВ

На переговорах по ограничению ядерных вооружений в Европе американская делегация, как отмечает вашингтонская печать, ведет дело к тому, чтобы объявить перерыв до середины мая.

Между тем появляется все больше твердых данных, свидетельствующих о том, что нынешняя администрация США стремится использовать эти переговоры как дымовую завесу для осуществления своих планов размещения на европейском континенте новых американских крылатых ракет и ракет «Першинг-2» в целях достижения военного превосходства и создания потенциала первого удара по СССР.

Именно этим объясняется явное нежелание официального Вашингтона искать основу для достижения взаимоприемлемой договоренности. Перед Советским Союзом, по существу, ставят вопрос так: либо СССР в одностороннем порядке отказывается от своих ракет средней дальности, которые развернуты в качестве противовеса соответствующим американским ядерным средствам передового базирования в Европе и ядерным вооружениям союзников США (а заодно и от тех, которые размещены в азиатской части СССР для защиты восточных и южных районов страны), либо Соединенные Штаты в дополнение к имеющимся у НАТО средствам развертывают в Западной Европе еще около 600 своих новых ядерных ракет средней дальности.

В этом смысл пресловутого «нулевого варианта» Р. Рейгана, который, как с помпой объявил президент, делегация США на переговорах в Женеве представила в виде проекта договора. Наличные американские средства передового базирования и более двух с половиной сотен ракет и самолетов — носителей ядерного оружия Англии и Франции, союзников США по НАТО, согласно этому проекту не подлежат никаким сокращениям.

Тот факт, что американская делегация явилась на переговоры в Женеве с таким багажом,— показатель явного нежелания американской стороны искать решения, которые отвечали бы принципу равенства и одинаковой безопасности.

Сейчас НАТО имеет 986 единиц ядерных средств средней дальности, нацеленных на объекты в Европе, а СССР — 975 единиц. Осуществление американского плана означало бы, что количество ядерных средств средней дальности у НАТО нисколько бы не уменьшилось, в то время как количество таких средств на Европейской части СССР сократилось бы больше чем наполовину. В результате у НАТО возникло бы более чем двойное преимущество по числу носителей оружия средней дальности и трехкратное — по числу ядерных боезарядов.

Если бы Белый дом действительно хотел договориться о настоящем нулевом варианте, то основу для такой договоренности можно вполне найти в советских инициативах.

Еще в ходе прошлогоднего визита в ФРГ Леонид Ильич Брежнев предложил крупное сокращение обеими сторонами ядерных средств средней дальности, нацеленных на объекты в Европе, вплоть до полного отказа от всех видов ядерного оружия.

Конструктивная позиция Советского Союза нашла свое детальное и развернутое выражение в проекте заявления о намерениях, которые должны расставить четкие ориентиры для участников женевских переговоров. Предусматривается, в частности, сокращение нынешнего числа всех ядерных вооружений средней дальности до 600 единиц у каждой стороны к концу 1985 года и до 300 единиц на конец 1990 года. Иными словами, по сравнению с нынешним уровнем предлагаются в конечном счете сокращения более чем в 3 раза.

Настораживает то обстоятельство, что вместо серьезного изучения далеко идущих советских предложений некоторые высокопоставленные деятели в администрации США поспешили выразить свое негативное отношение к ним. Так, помощник президента США Герген назвал советские предложения «неприемлемыми» для Соединенных Штатов.

Западную же Европу отнюдь не устраивает роль заложника в термоядерной войне. «Некоторые деятели,— пишет западногерманская газета «Франкфуртер рундшау»,— смотрят на мир только сквозь прицел танка. Однако для Западной Европы нет более важной вещи, чем жить в мире в условиях, которые определяют сами европейцы».

Президент Р. Рейган в ходе своего предстоящего июньского визита в Париж, Рим, Лондон и Бонн, очевидно, сам сможет оценить размах антивоенных настроений в Западной Европе. Как подтверждают опросы общественного мнения, в ФРГ больше 60 процентов населения выступают против размещения новых американских ракет. В Великобритании свыше 70 английских городов подключились к движению за образование «локальных безъядерных зон», а в Голландии 78 процентов жителей выступили за отказ от всех обязательств страны перед НАТО.

Ни запугивание народов мифом о «советской военной угрозе», ни оголтелая кампания вокруг событий в Польше, раздуваемая Соединенными Штатами, не смогли сбить накал антивоенного движения. Вот почему администрация США, стремясь приглушить волну многотысячных антиракетных демонстраций, пытается успокоить общественность ссылками на женевские переговоры. А за кулисами Вашингтон делает все, чтобы завести переговоры в тупик и создать предлог для развертывания в Западной Европе новых американских ракет.

Как отмечалось в сообщении ТАСС «Быть или не быть новому витку гонки вооружений», подлинный расчет Вашингтона состоит в том, чтобы, выдвинув предложения, заведомо неприемлемые для другой стороны, создать затор на переговорах, заблокировать их, а потом попытаться взвалить вину за это на Советский Союз.

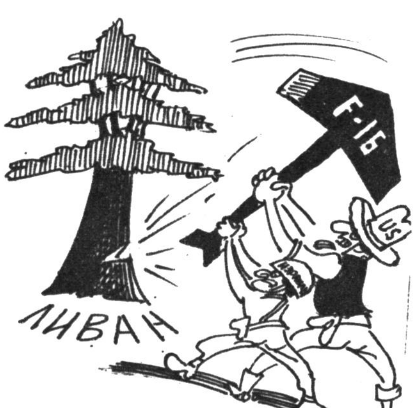
Но это негодные и бесперспективные расчеты.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Николай ЭНТЕЛИС

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ПОРТРЕТЫ И СЮЖЕТЫ

ДУЭТОМ

Израиль при поддержке воинственных кругов США продолжает провокации против Ливана, учиняет военный разбой.

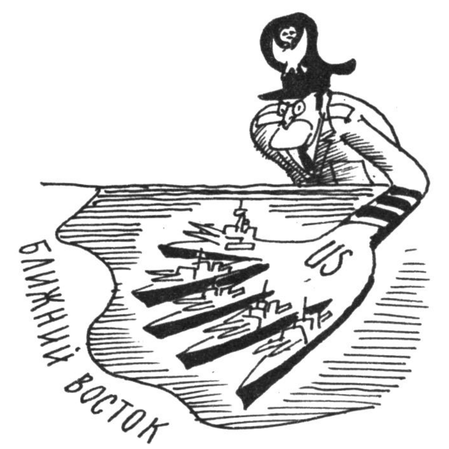
Топор израильский, топор американский
Нацелены на гордый кедр ливанский,
На смелого араба-патриота...
Опасная, топорная работа!

НА НЕМ ТРЕУГОЛЬНАЯ ШЛЯПА...

Глава сальвадорской хунты Наполеон Дуарте, опираясь на военную помощь США, ужесточает репрессии против патриотов. Несмотря на это, отпор антинародному режиму крепнет.

Он всем обязан Пентагону
Как предводитель войска злого.
Но этому Наполеону
Недалеко до Ватерлоо.

ПОЧЕМУ!

Несмотря на то, что Иран давным-давно освободил американских заложников, огромный военный флот США, сконцентрированный в Персидском заливе якобы для их «защиты», продолжает оставаться там.

Так почему американский флот
В свои края обратно не плывет!
Неужто из Америки спешат
Заложники отправиться назад!!

СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!

ЧЕЛОВЕК В ВОЕННОЙ ФОРМЕ

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Больше всего на свете Стасик любил купать лошадей. Это были настоящие кавалерийские кони. Любо-дорого смотреть, как берут они барьеры, перемахивают через канавы, а то вдруг пускаются наперегонки, не желая «ни ноздри» уступать друг другу. А их всадники! Лихие, мускулистые парни, рубаки и удальцы, которым сам черт не страшен.

Кавалерийский полк стоял на окраине городка на Волге, от школы далековато, но не было дня, чтобы Стасик с мальчишками со своей улицы пропустил хоть одно занятие какого-нибудь эскадрона: как приклеенные, часами стояли они у штакетника, пока не раздавался переливчатый свист чубатого старшины. Это означало, что мальчишки могут перелезть через забор и вести лошадей на купание. А потом было полчаса счастья: с визгом и улюлюканьем носились на чистых, ухоженных лошадях мальчишки, а кавалеристы, солидно покуривая на берегу, оценивали достоинства того или иного паренька: этот непременно станет наездником, а тот трусоват, этот любит лошадей, а тот делает вид, что любит.

Надо ли говорить, что Стасик спал и видел себя на вороном коне. Перепоясанный ремнями, с шашкой на боку и карабином за спиной, он несется на фашиста в рогатой каске. Шло лето сорокового года, и двенадцатилетние мальчишки, играя в войну, называли себя не «красными» и «белыми», а нашими и фашистами.

Однажды Стасик поделился своей мечтой с отцом, коммунистом с 1916 года,— уж он-то знал, что такое война: от начала до конца прошел империалистическую, а потом и гражданскую.

— Все работы хороши, выбирай на вкус,— улыбнулся отец.— Но профессия военного — особая профессия. Взять хотя бы меня: отвоевал, стал гражданским, ушел на партийную работу, а теперь занимаюсь лесным делом. Надоело под Костромой — переехал на новое место. А военный служит там, где прикажут, он не может перейти на другую работу и, самое главное, должен быть всегда готов отразить нападение любого врага, а если надо — пожертвовать и жизнью. Так что ты, сын, как следует подумай: время у тебя еще есть. А не передумаешь, рад буду видеть тебя в военной форме.

Но времени у Стасика было мало — всего год. Летом сорок первого отец внезапно умер, и тринадцатилетний мальчишка из Стасика сразу превратился в Станислава Постникова, единственного мужчину в семье. Три сестры и мать... Старшая, правда, училась в Ленинграде, но с первого дня войны от нее не было ни строчки. Мать часто болела, сестры еще учились. Станислав пошел на заработки: колол и пилил дрова, помогал в леспромхозе, но школу не бросал.

Кавалерийская часть ушла на фронт, но военный городок не пустовал: в нем готовили резервные полки. Целые дни на плацу тренировались стриженые юнцы и усатые дядьки. «Длинным — коли! Назад прикладом — бей!» Месяц таких занятий — и с песней на вокзал. А на их место приходили новые пареньки и новые дядьки.

Станислав уже не пропадал у штакетника — там крутилась одна малышня, а у него забот было столько, что к вечеру валился с ног. Но когда выдавалась свободная минута, бежал за город — к аэродрому. Теперь Станислав мечтал о небе... Стремительные краснозвездные птицы ввинчивались в небо, делали немыслимые петли, бочки, иммельманы, а потом, резко спикировав, мягко садились на землю.

Одно удивляло паренька: почему одни летчики прихрамывают, другие со следами ожогов на лице, третьи боятся сделать лишнее движение рукой. Однажды Станислав вместе с ребятами из школьной самодеятельности побывал в госпитале — и тут же все понял: на аэродроме тренировались поправившиеся после ранения летчики-истребители. Станислав полюбил их еще больше, ведь это обстрелянные асы, сбившие не один фашистский самолет.

Но вскоре Станиславу стало не до аэродрома, не до плаца: всех, кто мог держать в руках лопату, послали на строительство оборонительных сооружений. Не так уж далеко от Москвы, и надо было, если понадобится, подготовиться к встрече врага и на этом рубеже.

Пришла зима — трудная, голодная, суровая. Тощие, но быстро повзрослевшие мальчишки работали, учились и... занимались спортом. Надо же так случиться: на квартире у Постниковых поселилась эвакуированная из Подмосковья Вера Любимская — одна из легендарных лыжниц, совершивших вошедший в историю переход Улан-Удэ — Москва. Даже в трудное военное время Вера не расставалась с лыжами. Надо ли говорить, что вскоре к ней присоединилась вся ребятня, катавшаяся на лыжах с таких круч, что дух захватывало. Вера быстро научила отчаянных мальчишек и девчонок правильной технике бега и стала их, как говорится, гонять. В 1944 году Станислав выиграл на пятикилометровой дистанции и получил первую в жизни грамоту. Позже их будет много, но ту, первую, он хранит до сих пор.

А потом была Победа! Самый великий и самый светлый праздник — праздник со слезами на глазах. Сколько тогда было пролито слез — и радостных и горьких. Кто из нас, детей войны, не помнит этого дня?! Мы были еще малы, не все понимали умом, но все чувствовали своими крохотными сердцами. Мы были радостно возбуждены, мы вместе со всеми пели, плясали, горланили от восторга, а потом вдруг затихали и забивались в самый темный угол. Говорят, есть какая-то белая и черная зависть. Ерунда все это! Есть зависть, и все. Поди-ка объясни мальчишке с застывшими глазами, получившему похоронку на отца, какая у него зависть к соседу по бараку, знающему, что его отец очень скоро вернется.

Не легче было и Станиславу, с самого начала войны знающему, что ждать ему некого, что с тринадцатилетнего возраста он один в ответе за себя, свою судьбу, судьбу своей матери и сестер. Как трудно не сломаться в этом возрасте, как трудно не надорваться физически и морально. Что греха таить, не все, далеко не все выдержали эти испытания. Мы помним, что в первые послевоенные годы часть наших одноклассников была сбита с толку улицей. Давала себя знать безотцовщина. Но тот, кто выдержал, — это надежный человек. Я сам был немногим младше, рос бок о бок с этими ребятами и видел, как строили, а если надо — переламывали они свою судьбу. Сильные это люди, прямые, честные, верные в дружбе. Горького они хлебнули куда больше, чем сладкого, и, может быть, поэтому, когда пришел их черед принять на свои плечи груз ответственности за великие и славные дела Отечества, они это сделали не дрогнув.

Конечно же, Станислав Постников не думал об этом и когда в шестнадцать лет оставил школу и пошел на завод, и когда в восемнадцать был призван на действительную, и когда, ни минуты не сомневаясь, решил на всю жизнь связать свою судьбу с армией. В пятьдесят первом он окончил пехотное училище и был назначен командиром разведвзвода в один из полков. Вот где пригодилась молодому лейтенанту спортивная закалка — первые разряды по лыжам, стрельбе и офицерскому многоборью позволили не только выдерживать колоссальные нагрузки, без которых успех в разведке, даже учебной, невозможен, но и так подготовить солдат, что свои задачи разведвзвод всегда выполнял на «отлично».

Правда, в эти годы лейтенанта чаще видели не на лыжне, а на трибунах стадиона: ни с того ни с сего он увлекся... женским хоккеем. Люди постарше помнят, как популярен был этот вид спорта. И все же популярность популярностью, но нельзя же все свободное время мерзнуть на трибунах. Все прояснилось, когда Станислав пригласил своих друзей на свадьбу: оказывается, он женился на одной из лучших нападающих. Много лет прошло с того дня, когда Валентина Афанасьевна поставила в угол клюшку и коньки, но до сих пор недоумевает, почему, если так можно выразиться, прикрыли этот вид спорта.

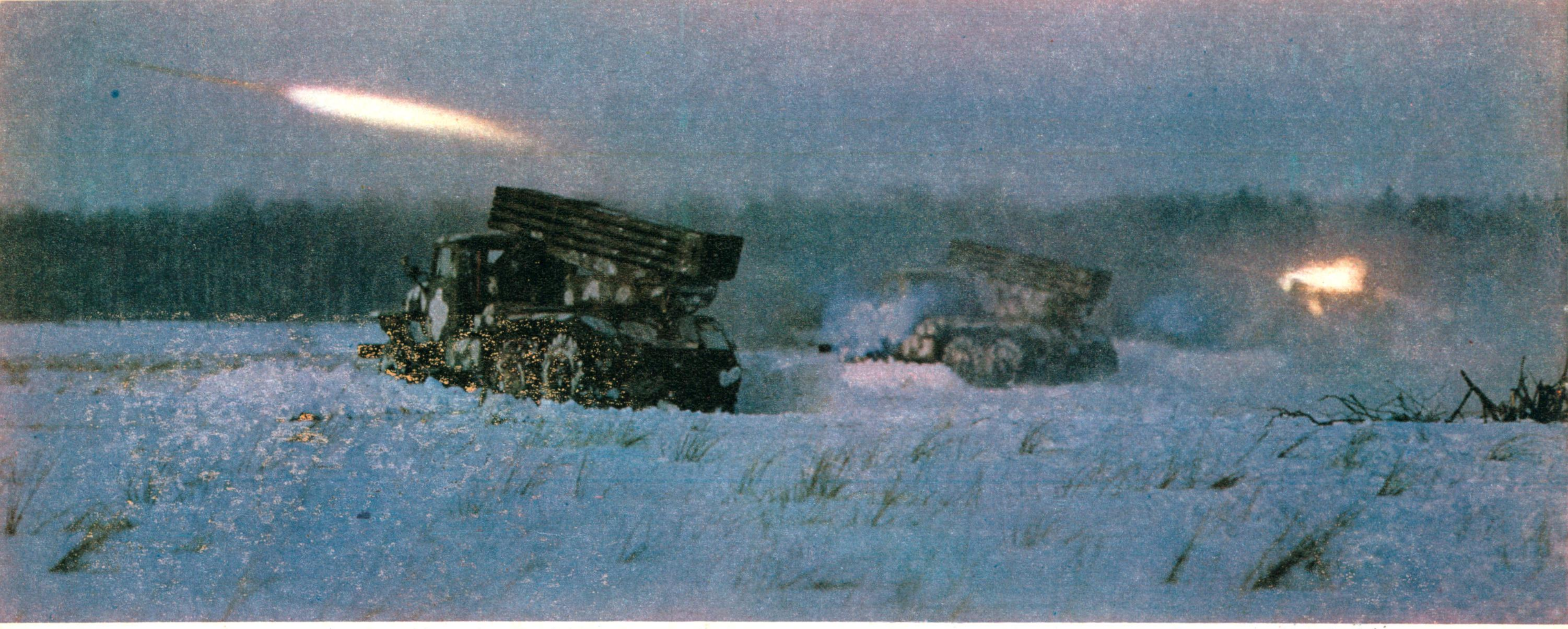
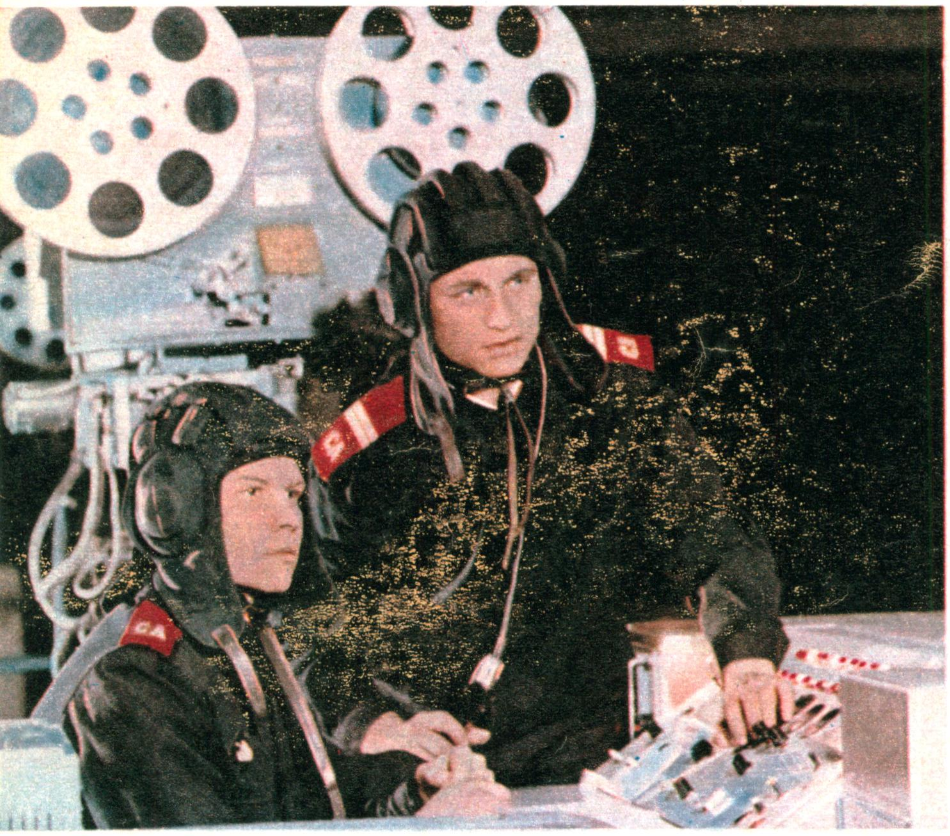
А служба у Станислава шла своим чередом. Вскоре его перевели на Урал командиром разведроты, а потом направили на учебу в академию имени Фрунзе. Четыре года пролетели, как один день. Пришла пора получать назначение на новое место службы. Тут-то и ждало его первое серьезное испытание.

— Предложений было немало,— вспоминает Станислав Иванович,— но все по линии разведки. Я же к тому времени понял, что эта специальность не для меня, что я типичный строевой командир. Понимал я и другое: офицеру нельзя пропускать ни одной служебной ступеньки — рано или поздно это даст о себе знать, причем самым отрицательным образом. Короче говоря,

Командующий Краснознаменным Прибалтийским округом генерал-полковник С. И. Постников уточняет боевую задачу на местности * Тактические ракеты готовы к пуску.

мне предлагали работу в штабе полка, а я просил назначить комбатом. Дело прошлое, но кое-кто смотрел на меня как на ненормального. Предлагали одуматься. Я упорствовал. В конце концов начальству это надоело, и меня направили командиром батальона, дислоцированного в Каракумах.

Знаю я это местечко, бывал в тех краях. Летом пятьдесят градусов в тени. Вода на вес золота. Зимой такие свирепые ветры, каких не бывает даже на Чукотке. А песчаные бури! Однажды летом я получил самый настоящий ожог, нечаянно прикоснувшись к крылу автомобиля. Я прикоснулся нечаянно, а солдатам и офицерам в этих условиях надо сидеть в танке, бегать в атаки, окапываться, выпрыгивать из чада бронетранспортера на раскаленный песок. И так изо дня в день.

Шесть лет прослужил в этих краях Станислав Постников. Правда, приехал он туда комбатом, а уехал командиром части. И хоть песка наглотался на всю жизнь и прогрелся лет на пятьдесят вперед, опыт приобрел огромный. Именно поэтому его направили в академию Генштаба. Учился он с упоением, много занимался общественной работой, не забывал и о спорте. В шестьдесят девятом молодой полковник назначается командиром дивизии. Три года служил он в Группе советских войск в Германии. Там же получил звание генерал-майора.

Позже Станислав Иванович служил в Северной группе войск, в Закавказье, на Украине — четырнадцать раз перебрасывали его с места на место. В семьдесят девятом С. И. Постников стал командующим Северо-Кавказским военным округом, а с восьмидесятого генерал-полковник С. И. Постников — командующий Краснознаменным Прибалтийским военным округом.

— С чего вы начали знакомство с округом? — поинтересовался я.

— С книжек. Советую вам, кстати, то же. Перед тем как ехать по частям и соединениям, я основательно проштудировал их историю. А история эта, прямо скажем, героическая. Взять хотя бы гвардейскую мотострелковую Пролетарскую Московско-Минскую ордена Ленина, дважды Краснознаменную, орденов Суворова и Кутузова дивизию. Сформирована она в 1926 году. Вся ее предвоенная история связана с Москвой. На учебных полях дивизии испытывались образцы нового оружия, разрабатывалась тактика современного боя, не раз она участвовала в парадах на Красной площади. Почетным красноармейцем дивизии был А. М. Горький. Ему даже выдали комплект обмундирования и малокалиберную винтовку.

В тот же день мне показали эту винтовку в прекрасном музее дивизии. На ее прикладе надпись: «Меткому стрелку за нового, социалистического человека Максиму Горькому. От стрелков Пролетарской дивизии — боевой привет».

Служба в Пролетарской стала хорошей школой для известных всей стране военачальников. В разное время и на разных должностях здесь служили Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов, главные маршалы артиллерии Н. Н. Воронов и М. И. Неделин, маршалы артиллерии В. И. Казаков и Г. Ф. Одинцов, генералы армии П. И. Батов, Я. Г. Крейзер, К. Н. Галицкий, Г. И. Хетагуров, Д. Д. Лелюшенко, П. Н. Лащенко.

Осенью сорок первого дивизия насмерть стала под Наро-Фоминском и ни на шаг не допустила врага ближе к Москве. А потом были бои за Смоленск, Орел, сражения в Белоруссии, Литве и, наконец, штурм Кенигсберга. Тысячи гвардейцев-пролетарцев удостоены правительственных наград, а пятнадцать стали Героями Советского Союза.

В состав округа входят прославленные части и соединения. Истребительный авиационный Оршанский Краснознаменный ордена Суворова полк имени Ф. Э. Дзержинского — ровесник Октября. За годы Великой Отечественной войны летчики полка провели более двух тысяч воздушных боев и сбили 580 фашистских самолетов. В полку воспитано семь Героев Советского Союза.

Гвардейский мотострелковый полк имени Александра Матросова, гвардейский учебный мотострелковый Севастопольский Краснознаменный полк имени латышских стрелков... Служить в них — большая честь. И эту честь молодые воины-прибалтийцы оправдывают. Эстафету героизма, эстафету подвига достойно несут нынешние солдаты и сержанты, командиры взводов, рот, батарей и эскадрилий.

Случилось так, что как раз в те дни, когда мы были в одном из соединений, проходили комсомольские собрания. Генерал-полковник С. И. Постников пригласил нас на одно из них, но по пути не удержался и заехал в гвардейский Краснознаменный полк, которым командует подполковник С. В. Чернилевский.

— Очень грамотный и перспективный офицер — так охарактеризовал его командующий.— По итогам учений «Запад-81» награжден орденом Красной Звезды. Боевой орден в мирное время, сами понимаете, заслужить не просто.

Позже С. В. Чернилевский расскажет, что во время войны полк воевал именно в тех местах, где в дни учений стоял в обороне, что солдаты находили много неразорвавшихся мин и снарядов, что свою задачу — не дать прорваться в глубь обороны «южных» морскому десанту — полк выполнил.

А пока мы ходили по территории военного городка, заглядывали в казармы, ленинские комнаты, парк боевых машин. Кое-где командующий находил недостатки, делал замечания.

В клубе С. И. Постников обратил внимание на фотографии с учений «Запад-81» и спросил:

— Товарищ Чернилевский, разве ваш полк уже не гвардейский?

— Гвардейский,— смутился командир.

— А почему же на одних фотографиях солдаты с гвардейскими знаками, а на других без них?

— Виноват. Не проследил.

— А это что? Почему я не знаю о том, что ваш полк с боевых машин пехоты «пересадили» на бронетранспортеры?

— Мы по-прежнему на БМП, товарищ командующий.

— Значит, эти снимки сделаны не в вашей части. Нельзя так, товарищ Чернилевский. Стыдно.

Крепко досталось командиру полка и за неубранный снег и за другие просчеты.

— Сколько надо времени, чтобы устранить все недостатки? — спросил командующий.

— Сутки.

— Отлично. Ровно через сутки буду в полку и лично все проверю.

Честно говоря, я думал, что командующий поручит проверку кому-нибудь другому, но ровно через сутки он заехал в полк. Устранить все недостатки командир полка, конечно же, не успел.

— Думать надо, товарищ подполковник, думать и считать! — строго говорил командующий.— Надо называть реальные сроки и уж в эти сроки укладываться, как говорится, кровь из носу! Думать, считать и отвечать за обещания! Запомните это.

Когда я спросил С. И. Постникова, не слишком ли он был крут с Чернилевским, командующий ответил:

— Иначе нельзя. О личной ответственности и говорить нечего: в армии это норма. Если командир будет четким и предельно внимательным в так называемых мелочах, то и в больших делах просто не сможет быть иным.

— Ну, это уже педагогика.

— А как же! — с нажимом сказал Станислав Иванович.— Педагогика. Именно педагогика! За молодыми надо следить. Их надо растить и воспитывать. Поверьте моему слову, у того же Чернилевского прекрасное будущее, но помогать ему просто необходимо. Педагогика... Вы, наверное, думаете, что в армии не до этого? Большая ошибка. К сожалению, есть люди, которые с этой ошибкой живут и служат на довольно высоких должностях. Спрашиваю как-то одного комдива: «Есть две вакансии на должность командира полка. Кого бы вы могли рекомендовать?» «Никого!» — ни секунды не раздумывая, ответил он. Я был просто поражен! Если бы это сказал плохой комдив — куда ни шло, но ведь тот-то был на хорошем счету. Не растить людей, не думать об их продвижении, подрезать им крылья — для руководителя любого ранга, как военного, так, я думаю, и гражданского просто недопустимо. Больше того, я убежден, что это один из главных показателей профессиональной пригодности руководителя: план планом, служба службой, а вот сколько ты вырастил людей, достойных занять более высокую должность, в том числе и свою?

— В том числе и свою? — усомнился я.

— Конечно. А если я заболею, уеду в отпуск или длительную командировку, что же тогда — стоп, машина?

— Хорошо. Представим такую картину. На учениях «Запад-81» вы командовали войсками «южных», и командовали успешно. Вы удостоены высокой награды, ордена Кутузова первой степени. А если бы была такая «вводная»: командующий ранен или, хуже того, убит. Что тогда?

— Тогда командование войсками принял бы начальник штаба или мой заместитель. Уверяю, они бы выполнили задачу не хуже. И такая «вводная», кстати, была вполне возможна.

В Калининград, где в одной из частей проходило комсомольское собрание, мы приехали за день до его начала. Оказывается, у депутата Верховного Совета РСФСР С. И. Постникова был день приема избирателей.

С чем только не идут к депутату! Один просит квартиру, другой — устроить ребенка в детский сад, третий — помочь с переводом на другое место службы... Само собой разумеется, прежде чем прийти на прием к депутату, люди ходили по всем инстанциям, не везде их приняли как надо, в удовлетворении просьбы отказали, и потому на прием они пришли агрессивные, возбужденные.

Станислав Иванович, чтобы остудить человека, начинал издалека: где работает или служит, какая семья, не болеют ли дети. У капитана Шевцова двое сыновей, и жена вот-вот родит третьего.

— Думаете, сына?

— Конечно! — убежденно ответил капитан.

— Так за одно это вам надо дать квартиру,— улыбнулся Станислав Иванович. — Шутка ли, трех солдат вырастите. Молодец, капитан! Передайте большой привет жене и скажите, чтоб завтра же укладывала чемоданы: квартира на шестом этаже устроит? А то, может, на третьем?

— На любом, товарищ командующий,— просиял капитан.— Хоть на двадцатом. Я же вертолетчик, так что если лифт испортится — взлетим.

В тот день еще два счастливца получили квартиры, а один — разрешение перевестись... на Камчатку. Представьте себе, есть люди, которые хотят служить не в Прибалтике, а где-нибудь подальше.

Комсомольское собрание проходило очень торжественно — с выносом знамен, возложением венков к памятнику Ленину и братской могиле воинов-прибалтийцев, павших в годы войны, чествованием победителей в социалистическом соревновании...

А потом пошел очень серьезный и нелицеприятный разговор о делах чисто военных: повышении классности специалистов, росте мастерства, улучшении политико-воспитательной работы и т. п. Об этом же говорил и генерал-полковник С. И. Постников.

Обеспечить надежную защиту мирному труду советских людей — это главный, священный долг людей в военной форме. Одни ее надевают всего на два года, другие носят всю жизнь. Кавалер ордена Красного Знамени, ордена Кутузова и «За службу Родине», депутат Верховного Совета РСФСР, делегат XXVI съезда КПСС, член Центральной ревизионной комиссии КПСС генерал-полковник С. И. Постников носит эту форму тридцать четыре года. Путь от солдата до командующего округом был тернистым, но прямым и ясным. Главное же, этот путь типичен для многих и многих современных военачальников, которые приняли эстафету от прославленных маршалов и генералов, разгромивших фашизм, и несут эту эстафету достойно, обеспечивая надежную защиту мирному труду советского народа.

Огневую задачу выполняет реактивная артиллерия * Младший сержант С. Богуш обучает на тренажере рядового Г. Новокунского вождению боевой машины пехоты * Начальник политотдела мотострелковой Пролетарской Московско-Минской дивизии гвардии подполковник В. М. Исаков вручает партбилет командиру мотострелкового взвода гвардии старшему лейтенанту И. И. Добрынину * Вкусен солдатский борщ на свежем воздухе!

БЕРЕЖЛИВОСТЬ: РАЗНЫЕ АСПЕКТЫ

Каждый, кто пользуется метро, не раз добрым словом поминал подмосковных машиностроителей: именно там, в Мытищах, рождаются наши замечательные голубые поезда. Однако, мысленно благодаря их создателей за комфорт, надежность и скорость, люди вряд ли задумывались над тем, как их делают. Нам довелось побывать в цехах и отделах завода и убедиться: работники здесь не только творческие, изобретательные, но и бережливые, экономные в лучшем значении этих слов.

СТРЕМЛЕНИЕ

Галина КУЛИКОВСКАЯ, фото Геннадия КОПОСОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

...Рождение машины начинается с листа ватмана. На ватмане можно порой увидеть полет мечты конструктора. Овеществленный образ ее у парадного входа на завод — парящий в высоте серебристый гондолообразный вагон, обвитый спиралью тоннеля. Мы видели секцию из таких действительно серебристых вагонов наяву. Загадочно безлюдные, они стрелой, не задерживаясь ни на секунду, промчались по перрону подземного вокзала на Комсомольской площади. Поразила их необычная форма, приближающаяся к очертанию тоннеля. Это позволило раздвинуть стены вагона, он стал намного вместительнее, диваны в нем углублены. А серебристый он потому, что сделан из алюминиевого сплава, заменившего сталь. Можно возразить: однако же черный металл дешевле. Да, это так. Но вагон стал на три с половиной тонны легче. А это значит, что уменьшатся затраты электрической энергии, новое оборудование позволит ее возвращать в сеть, развивать скорость движения до ста километров в час, применить автоматическое управление. Наконец, дольше будут служить сами рельсы... Такими задумали новые вагоны метро — их серия «И» — конструкторы Мытищинского машиностроительного завода. Сейчас начались испытания.

Поиск новых материалов, которые закладываются еще в проекте,— один путь к экономии. Кстати, новые материалы, вплоть до пластмасс, широко используются при проектировании и производстве самосвальных установок, которые в большом количестве выпускает завод. Они тоже становятся значительно легче, а грузоподъемность их увеличивается. При переходе, например, на новую модель самосвала будет в целом сбережено три тысячи тонн металла.

Второй путь — совершенствование технологии. Тут особенно высок эффект содружества, взаимодействия с заводами-поставщиками и институтами.

Николай Ефимович Кузнецов, заместитель главного технолога по автопроизводству, показывает кусок обыкновенной с виду трубы. Это так называемая гильза гидроподъемника — ахиллесова пята самосвала. При ее изготовлении очень много металла идет в стружку. Но можно сделать ее иначе, методом холодного выдавливания. При этом будет соблюдена вся ее сложная внутренняя геометрия. Останется только минимальная чистовая обработка.

— Мы заключили договор с одним из конструкторско-технологических институтов нашего министерства. Он должен нам спроектировать и поставить оборудование для производства этих гильз. В результате подобных мер на каждом гидроподъемнике мы предполагаем сэкономить почти двадцать пять килограммов металла. Многое изменится и в самом самосвале. Вот видите,— вскинул он руку по направлению конвейера сборки,— сходит машина. Обратите внимание на задний и передний ее борта. Сделаны из гнутого профиля с так называемыми периодическими гофрами,— нестандартный лист, не предусмотренный ГОСТом. Мы стали получать его в готовом виде и в нужном нам размере, а раньше Магнитка присылала лист без гофр и не того размера. Тогда наши инженеры поехали на Магнитогорский комбинат и договорились с металлургами. В результате освободился для других работ уникальный, усилием в 1250 тонн пресс, да и металла сэкономлено немало — 3200 тонн. А как мы маемся с балкой каркаса кузова! Делаем ее из листа. Режем, штампуем, гнем. Вместе с конструкторами мы, технологи, предложили упростить конфигурацию каркасного основания. Снова поехали наши товарищи договариваться. На этот раз в Запорожье. Металлурги пошли навстречу. Будем получать профиль в готовом виде. Многое дала замена низкоуглеродистых гнутых профилей на низколегированные. Они стали тоньше, а сам самосвал легче, прочнее, долговечнее. В общей сложности он похудел. За год это тысячи тонн сэкономленного металла. Вот что дает тесный надежный контакт с металлургическими заводами-поставщиками — Магниткой, «Запорожсталью», Челябинским металлургическим заводом.

Что же касается вклада заводских металлургов, то кто способен рассказать об этом лучше Аркадия Васильевича Артюхова, портрет которого мы увидели в галерее передовиков завода?

Главный металлург подчеркнет, что самосвал металлоемок, в нем около пятисот деталей и они, металлурги,— а в их распоряжении все кузнечно-штамповочное производство — ведут борьбу с потерями при изготовлении каждой из них. Потом поинтересуется, а знаем ли мы, что такое облой, попросту говоря, заусенец, избыточный материал, который выдавливается при горячей штамповке, и когда убедится, что знаем, извлечет из своего стола небольшую детальку, головку упора самосвала. Когда-то ее вытачивали из прутка. Позже перевели на штамповку. Производительность труда поднялась, но потери металла по-прежнему были велики. Теперь штампуется сразу четыре головки, расположенные друг за другом. Итог такой: на каждой тонне заготовок экономится 151 килограмм металла.

Но наибольшего эффекта удалось достичь — 233 килограмма — при штамповке бортового крюка. «Вот видите, как было,— ткнет пальцем Артюхов в здоровенный, с лопух, серый блин с пупырышем посредине.— Облой чуть ли не в десять раз больше самого крюка. А теперь... Есть разница?» На том же самом «лопухе», только несколько вытянутом до эллипса, разместилось целое семейство крюков.

Штамповка такого типа применена впервые. Все тут далеко не так просто, как может показаться,— ведь действуют законы деформации металла. Довлеют, наконец, общепринятые формулы и системы расчетов, возведенные в ранг учебника. Хорошо известного всем специалистам учебника по горячей штамповке для вузов — объемистой книги Брюханова и Ребельского. Со времени ее первого издания по ней уже выучилось не одно поколение инженеров, и сам Артюхов среди них. Брюханов заведовал кафедрой, Артюхов был у него студентом и считает его своим учителем. Тем не менее заводским металлургам пришлось пойти на риск, ниспровергать общепринятое. И в том, что заводская кузница работает без ночных смен, без сбоев и авралов, строго ритмично, выполняя каждую декаду треть месячного плана,— немалая заслуга инженерно-технической службы главного металлурга.

Главный металлург А. В. Артюхов, техник-технолог БРИЗа С. В. Тихонова и старший мастер Н. И. Спирин.

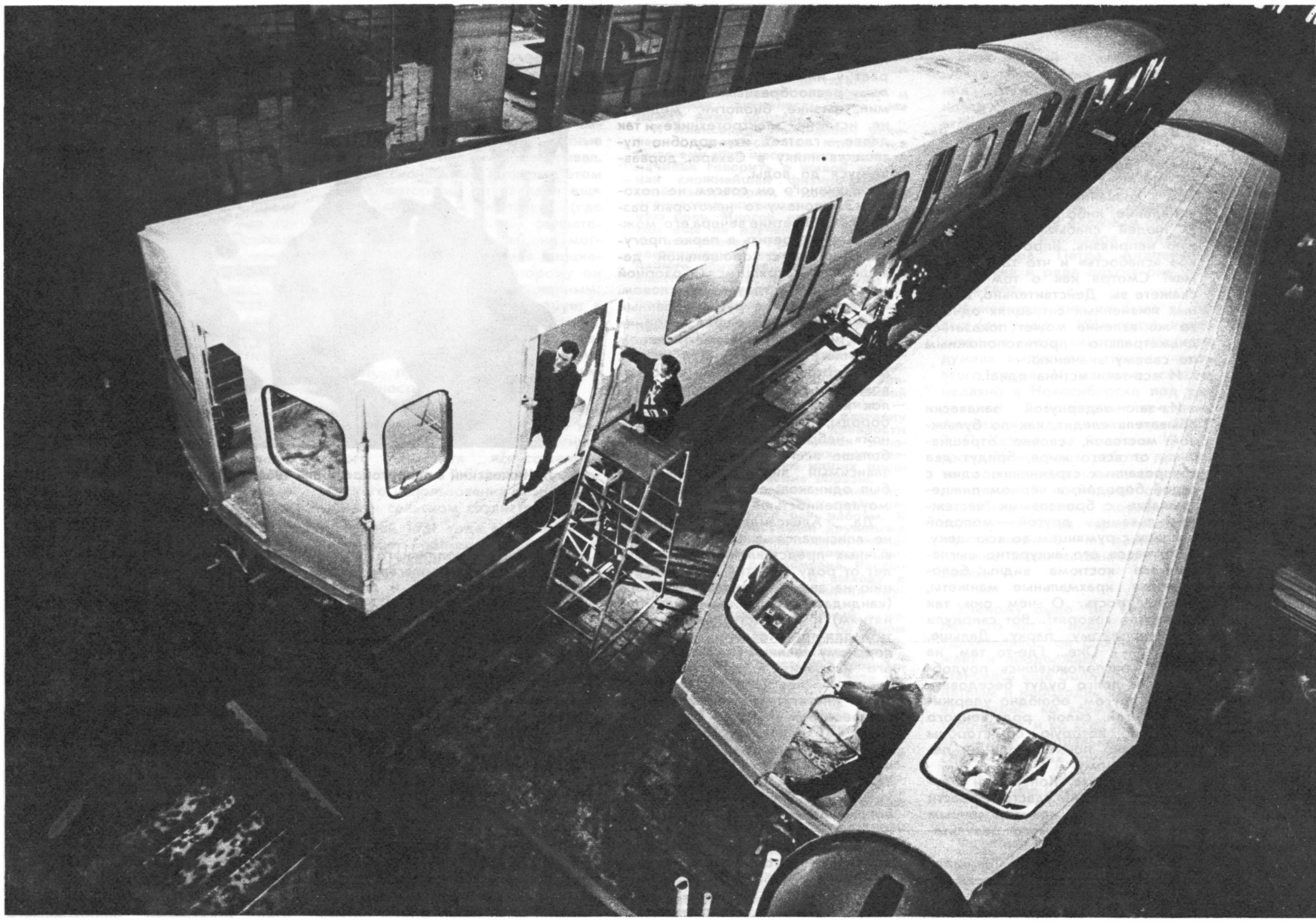

В ее распоряжении есть еще один, очень важный, ею же созданный участок — точного литья. Это дорогое и самое перспективное направление заводской металлургии. Вот, например, контакт метровагона, раньше он делался из 36 отдельных латунных частей. Теперь этот «куст» отливается за один раз. Быстро и очень точно, так что не требуется никакой доработки. Так сказать, безотходная технология на все сто процентов. Выигрыш огромный: ведь каждому вагону нужно 144 таких контакта!

Ну, а каковы потери металла при раскрое проката? Ведь рождение машины начинается не только с листа ватмана, но и с листа стали...

Нам посоветовали встретиться со Спириным.

— Кто такой Спирин? Известный у нас человек,— сказали в

Новые вагоны метропоездов.

К... ЕДИНИЦЕ

парткоме,— лучший рационализатор Московской области. Старший мастер заготовочного участка, так сказать, главный наш закройщик.

У Николая Ивановича Спирина за плечами большая жизнь. Были и фронтовые годы, но «до Берлина не дотянул. На Немане по ногам тюкнуло». Сейчас ему за шестьдесят, а в трудовой книжке всего одна строчка: «Принят в 1947 году...» — и уходить на отдых, как видно, не собирается, «потому как работа особо интересная». На втором этаже, за письменным столом, где, по его словам, «теоретически мое рабочее место», он чувствует себя как бы без дела. И скорее торопится вниз, где над грудами металла ползают мостовые краны и грохочут гильотинные ножницы. Впрочем, слово «груда» применительно к участку прозвучало бы, если произнести вслух, для Спирина просто оскорбительно. Тут такой порядок, что самой взыскательной хозяйке пришлось бы поучиться. Все разложено, как говорят, по полочкам, штабелями, через его руки проходят сотни тонн листового металла. Но ведь руки у него хозяйские, мастеровитые, а глаза зоркие, как у молодого.

При раскрое листа получаются «прижимные», предусмотренные технологией отходы. Их направляют в переплав. Но не Спирин. Иной раз он может и с технологами поспорить. Полоска шириной всего в двадцать миллиметров и то для него большое дело. Он велит резчику складывать полоски в ящики по маркам стали. А сам уже прикинул, какие прокладки, шайбочки, заклепки можно из них сделать. На больших и малых прессах в цехах он не сторонний посетитель — компетентный знаток. Присматривается к деталям, записывает номера. Так и углядел, что из одной обрези, если учесть плюсовые допуска, пожалуй, целый поддон получится. И получилось! Свою идею оформил рационализаторским предложением. Государству прибыль, как подсчитали экономисты,— 3660 рублей, а ему — премия! А ведь пошла бы та обрезь в шихту!

На счету Спирина 30 предложений, примерно четыреста тонн сэкономленного им металла. А если учесть, что и заместитель Спирина Татьяна Константиновна Казанцева—рационализатор, кстати, лучший среди женщин, что и технолог цеха Тамара Григорьевна Аксенова тоже «грешит» этим занятием, что в этом цехе вообще каждый пятый работающий — рационализатор, а на заводе их свыше 1300, то понятными становятся итоги. А они такие: из так называемых деловых отходов здесь производится 83 детали самосвала, 400 деталей метровагона, 19 деталей прицепа к «Жигулям».

А если сложить усилия всех по экономии металла? Инженеров, рабочих и мастеров всех служб? Ведь не случайно же в Мытищах говорят: «На ММЗ в комплексной системе эффективного использования материальных и других ресурсов участвуют все — от директора до уборщицы». Если сложить, тогда и получится величина, неуклонно из года в год приближающаяся к... единице. Это только у школьников единица — очень скверная оценка, горше которой нет. У машиностроителей, наоборот, единица — желанный балл, к которому надлежит стремиться. Означает он вот что: если тебе дана тонна металла, то и получи из нее тонну деталей, без «утряски», перегара и «усушки». Чтоб один к одному. К сожалению, соотношение полученного к исходному, так называемый коэффициент использования металла, в машиностроении не повышается, оставаясь на уровне 0,72—0,73. У мытищинских машиностроителей в среднем получается 0,77, по самосвалам — 0,81. А по отдельным деталям 0,86—0,99. И стремление к идеалу — заветной единице — здесь непрерывно растет.

Леонид ГОЛОВАНОВ

В повседневной жизни мы недостаточно сознаем, что живем среди героев, а все выходящее за пределы «нормы» в обыденном сознании вызывает либо удивление, либо настороженность. У людей слабых — и откровенную неприязнь. Впрочем, что такое «слабость» и что такое «норма»? Смотря как о том судить, скажете вы. Действительно, в разных жизненных ситуациях одно и то же явление может показаться диаметрально противоположным по своему значению.

И все-таки истина одна!..

Из-за задернутой занавески обыватель следит, как по булыжной мостовой, словно отрешившись от всего мира, бредут два «очарованных странника»: один с седой бородой, в черном плаще-крылатке с бронзовыми застежками-львами, другой — молодой человек с румянцем во всю щеку. Из рукавов его аккуратно выглаженного костюма видны белоснежные крахмальные манжеты, в руке трость. О чем они так увлеченно говорят?.. Вот свернули к загородному парку. Дальше, дальше — к Оке... Где-то там, на берегу, расположившись поудобнее, они долго будут беседовать друг с другом, обоюдно удерживаемые той силой родственного внимания, которую со стороны невозможно понять, если не пережить самому.

— Вы верите, Константин Эдуардович, что мне удастся довести свои опыты с ионизированным воздухом до искомого результата?

— А вы, Александр Леонидович, верите в реальность моих проектов? Кстати, ваша проблема тесно переплетается с ними. Мне ведь небезразлично, каким воздухом будут дышать в моих кораблях люди, отправляясь к далеким мирам...

По городу ползут слухи о каких-то «электрических» опытах с белыми крысами в доме на углу Московской и Ивановской улиц.

По заявлению некоего бывшего статского советника о том, что, мол, «эти Жюли Верны» разводят крыс, которыми заразят богоспасаемую Калугу чумой, в дом наведались представители местной власти («чем черт не шутит, когда бог спит» — в разгаре гражданская война, а отец молодого «химика» давно ли снял погоны артиллерийского генерала...)

Однако предъявлен мандат за подписью наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского: Чижевские проводят биофизические эксперименты. Хозяин дома Леонид Васильевич — начальник калужских командных курсов Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Сын его Александр Леонидович, недавно окончивший Московский археологический институт, преподает на этих же курсах русский язык и литературу.

Сотрудники губернской калужской библиотеки доверительно сообщали, что «генеральский сынок» чуть ли не ежедневно забирает у них десятки книг по самым разнообразным наукам: химии, физике, биологии, медицине, истории, электротехнике и так далее — глотает их, подобно путешественнику в Сахаре, дорвавшемуся до воды.

На ученого он совсем не походил. Это почему-то некоторых раздражало. В летние вечера его можно было встретить в парке прогуливающимся с хорошенькой девушкой, искрящимся озорной мыслью и остроумным словом. Кто-то держал в руках изданный в местной типографии сборник его стихов в зеленом тисненом переплете. Кто-то видел его с мольбертом за этюдами в сосновом бору, любимом месте прогулок калужан. Ни тебе очков, ни бороды, ни рассеянности, ни «ученой» небрежности в одежде. Но больше всего возмущал его независимый вид — со всеми он был одинаков, а это казалось самоуверенностью.

Да, Александр Леонидович не вписывался в стереотип привычных представлений. Двадцати лет от роду защитил он диссертацию на звание ученого археолога (кандидата наук по нынешним понятиям) и был оставлен в институте для приготовления к профессорскому званию. По случаю своего избрания в действительные члены Московского археологического института он перед своими профессорами прочел лекцию на тему «Археологические открытия в свете современного знания», чем снискал первую известность как подающий большие надежды ученый, по мнению одних, и глубоко заблуждающийся — по мнению других.

Что вызвало споры? Чижевский утверждал, что тщательно изученные им многочисленные старинные хроники, летописи и другие литературные и исторические источники свидетельствуют об отражении в земных стихийных катаклизмах циклически повторяющихся возмущений на Солнце.

Когда он поделился этим с Циолковским, тот с недоверием, настороженно воспринял его сообщение, а потом, подумав, сказал:

— Накапливайте материал! Побольше и построже. Пока же это только интересно. А в науке не прощают скоропелых выводов.

В то же самое время молодого ученого увлекла мысль о живительном действии электричества, незримо растворенного в воздухе.

Изучение всего, что было написано об этом или на близкую тему со времен Гиппократа, утвердило его в намерении поставить научные эксперименты. Чтобы произвести подобное в какой-либо лаборатории, скажем, при Московском университете, не могло быть и речи. Во-первых, большинство биологов и химиков с порога отвергали его гипотезу: «Кислород и так достаточно сильный окислитель, чтобы еще нуждаться в каких-то ионах»; во-вторых, условия военного времени, разрухи, голода, топливного кризиса совсем не располагали к постановке трудоемких и длительных опытов.

А. Л. Чижевский с супругой. Апрель 1964 г. Фото автора.

Молодости, однако, все нипочем. Чижевский убеждает своих домашних помочь ему решить научную задачу. И вот семья Чижевских распродает свои вещи, а сам розовощекий естествоиспытатель, некогда получивший уроки у опытных живописцев, пишет маслом пейзажи для реализации их на базаре, чтобы купить в местных виовариях белых крыс, запастись необходимым кормом, заказать клетки и электрическое оборудование по своим проектам.

У Чижевских оказалось и немало друзей, искренних доброжелателей. Первым был Циолковский. При каждой возможности он заглядывал к ним, интересовался ходом экспериментов, их успехами и неудачами, сам как человек технически умудренный что-то советовал...

Беседы, конечно, этим не ограничивались. Волновали происходящие события. Вот Леонид Васильевич вместе со своими курсантами отправился на Южный фронт... Из Москвы Циолковскому пришло приглашение вступить в Социалистическую академию общественных наук... Советская власть по-новому налаживала организацию научного дела в стране.

Под влиянием своего старшего друга Чижевский задумывает теоретическую работу «Универсализм Космоса». В ней он намерен привести к общему знаменателю все многообразие форм материального мира.

— Что же это за «знаменатель»?—добродушно поблескивая глубокими темными глазами, спрашивает Константин Эдуардович.

— Электричество! Данные новейшего естествознания подсказывают идею электронной теории генезиса форм, начиная от кристаллического состояния вещества и кончая человеком — все едино в своей исходной основе. Не кажется ли вам, что начинается новая эра синтезирующей деятельности наук, стремящихся слиться в одну науку о Космосе? Единая монистическая почва для всех их — электрон.

Александр Леонидович продолжал свое образование на естественном отделении Московского университета. Нередко отлучался из Калуги — не только затем, чтобы самому прочесть лекцию по плану разработанного им курса «История развития точных наук в древнем мире», но и самому коечто прослушать у научных светил, проделать лабораторные работы по программе необходимого практикума. Наброски своей электронной теории он показал профессору Юрию Викторовичу Вульфу, широко известному своими трудами по кристаллографии. Получил от него одобрение и ряд принципиальных пожеланий.

Опыты с животными шли без перерывов в течение года. И что же — отрицательно заряженные ионы воздуха самым благотворным образом действовали на подопытные организмы, умножали их жизненную силу. Напротив, избыток в воздухе положительных ионов угнетал их, подавлял, приводил к болезням и гибели.

Легенды о «живом» и «мертвом» воздухе получали естественнонаучное обоснование...

Ну, а интерес к Солнцу? Сохранился документ о том, что Александр Леонидович Чижевский является научным сотрудником Калужской народной обсерватории. Истинный ученый редко ограничивается той узкой «щелью», в которую невольно стремится его загнать конкретная задача, сталкивающая с бездной новых частных и общих вопросов, цепко, как

ЭЛЕКТРИЧЕ

щупальца осьминога, влекущих внимание в пучину непознанного. Беда, если оно не вырывается время от времени на поверхность, чтобы «вздохнуть», оглядеться вокруг, впитать в себя лучи животворящего света, а уж затем с новыми силами продолжать начатое дело. Бывает, что «щупальца» так порабощают пытливый ум, что он потом не в состоянии поднять отяжелевшую голову, встряхнуться и просветленными глазами взглянуть на мир вокруг, — утрачивается беспокойный дух, мозг превращается в нечто машиноподобное, способное лишь что-то перерабатывать, критиковать, но неспособное к полету, к дерзаниям, к обобщениям. Образ Вагнера — характерный пример, запечатленный крылатым пером Гете.

Но настоящий искатель истины — Фауст.

Именно им был Циолковский, до конца дней своих, даже надломленный болезнями, не впавший в старчество. Именно этим качеством и было обусловлено необычайное их с Чижевским духовное сродство, которому не могла быть помехой большая между ними разница лет. Оба они радовались успехам друг друга, оба огорчались, если неудача постигала кого-либо из них.

Случилось, что приоритет Циолковского начал вдруг «уплывать» за рубеж. Вот уже и в некоторых наших газетах стали говорить без упоминания имени калужанина об экспериментах немецких инженеров с ракетами. И Александр Леонидович, бросив все свои личные дела, берется за подготовку к изданию труда своего старшего друга «Ракета в космическое пространство». Пишет к нему на немецком языке предисловие. А по выходе в свет рассылает через Всесоюзное общество культурной связи с заграницей во все европейские академии.

Чижевского разнесли в пух и прах в местной печати за его попытку связать некоторые особенности проявления исторических процессов с физическими факторами. Циолковский немедленно публично — в печати же — встает на защиту своего товарища.

Впрочем, не зря еще Платон говорил: «Опирайтесь на врагов!» Как ни болезненны для нас бывают критические стрелы, как ни печально подчас они отражены на нашем жизненном положении, мы все равно должны быть благодарны им за то, что они еще более, если мы на верном пути, приближают нас к истине. Ведь они заставляют нас заново пересмотреть все исходные посылки, проверить и перепроверить факты, вновь обдумать всю совокупность доводов, систему доказательств... Чижевский чувствителен к обидам, горяч, но всегда вдумчиво реагировал на резкие выпады в свой адрес. Он не был слабодушным человеком, и каждый нанесенный ему удар — даже в нарушение, как говорится, всех правил, когда у другого опустились бы руки,— еще более мобилизовал его на продолжение своих целеустремленных поисков, на утверждение достоверности открытого им.

Шаг за шагом он продолжал собирать и систематизировать разнообразные сведения о грозных стихийных явлениях на Земле, в частности об «эпидемических катастрофах». Накопленные данные сам математически обрабатывал. Профессиональные навыки в этом плане, которыми он овладел еще в Коммерческом институте (где состоял действительным слушателем в 1915—1918 годах), не могли не вызывать уважения специалистов. Вывод же, к которому он пришел, оказался сенсационным: все живое на Земле пульсирует в ритме солнечной активности! В 1930 году выходит его монография, которой предшествовал цикл статей, принесших ему мировую известность.

В тот год главным его делом была организация комплекса научных исследований биологического действия искусственной аэроионизации с целью практического использования ее в медицине и сельском хозяйстве.

Весной 1931 года все центральные газеты облетело сообщение о Постановлении Совета Народных Комиссаров СССР специально по работам Чижевского. Создается Центральная лаборатория, которую ему поручают возглавить.

В течение нескольких лет она представляла собой фактически институт с очень квалифицированным штатом и широким фронтом разработок, осуществляла фундаментальные биофизические исследования. Результаты их не утратили своего значения по сей день и поныне служат отправной базой для многих творческих работ биологов, зоологов, медиков, ветеринаров.

— Чем вы занимаетесь, профессор?— спросили его однажды.

— Электричеством жизни! — последовал ответ.

Неожиданным побочным выходом его исследований явилось открытие принципов электронной технологии. Присоединив капилляр с жидкостью к одному из полюсов своей установки, Чижевский получил необычайно тонкое распыление. Отсюда пошла затем электроаэрозольтерапия (лечение чрезвычайно распыленными электрически активизированными лекарствами). Отсюда же берет свое начало и электроокраска, за приоритет на которую в 60-х годах насмерть судились американская и западногерманская фирмы, пока одна из них, чувствуя, что сил ее уже не хватает, обратилась буквально с мольбой в Торговую палату СССР: выручайте — первенство за вами, а то нам грозит разорение!.. Отсюда же и способ электрического управления химическими реакциями веществ, взаимодействующих в пылевидной фазе (или, как говорят специалисты, мелкодисперсной).

Но все это были, можно сказать, его «случайно прижитые дети». Главным же оставалось Солнце. Точнее — проблема влияния солнечной активности на биосферу.

— Ну, вот и о Константине Эдуардовиче судили, что он-де разбрасывается. «Займитесь хотя бы только дирижаблем...»,— рассказывал Чижевский автору этих строк.— А ведь для него ракета, дирижабль и вездеход на воздушной подушке были едины — «монизм» его мысли состоял в мечте покорения пространств... Сколько же между нами на эту тему было переговорено! А в эксперименте с воздушной подушкой довелось непосредственно ему помогать. «Это кажется смешно — пусть! — воскликнул Константин Эдуардович.— В будущем весь транспорт перейдет на мой способ — воздушная подушка и реактивная тяга!»

— Однако ваши аэроионы и солнечная активность — что же между ними общего?..

И Александр Леонидович увлеченно, загораясь, как юноша — а было ему уже шестьдесят шесть,— начинал говорить о живой клетке как сложнейшей физико-химической лаборатории, в которой «электричество жизни» играет ключевую роль. Многое, очень многое в ней еще не изучено, но ясно одно: все живое, в том числе и мы — электрические существа. И среда нашего обитания тоже насыщена электричеством, не говоря уже об электрических и магнитных полях, пронизывающих не только все земное, но и околоземное пространство. Теперь благодаря успехам космонавтики мы узнали, сколь физически сложно устроены окрестности нашей планеты и как тесно они связаны с Солнцем. «Электрические» звенья сложнейшей цепи солнечно-земных связей — вот где нужно искать разгадку тех подмеченных еще в древности циклически повторяющихся явлений, некогда облекаемых нетерпеливым воображением наших предков в фантастические образы.

И он сам настойчиво искал, искал... Даже когда в 30-х годах неожиданно остался без работы. В 1936 году совместными дружными усилиями ревнивых недоброжелателей лаборатория Чижевского была буквально разгромлена. Рассыпан набор готового к выходу в свет сборника его последних трудов.

— Да какой он ученый, — открыто глумился над ним на одном из авторитетных совещаний «сердитый оппонент» (как сдержанно называл его Александр Леонидович в своем публичном ответе через газету), — ведь он же стихи пишет!..

А он в эти дни вместе с казанским врачом Сергеем Тимофеевичем Вельховером делает принципиальное открытие: определенный вид бактерий меняет свою способность окрашиваться синькой Лефлера перед... появлением пятен на Солнце. В руках ученых — биобарометр, предвещающий приближение солнечных бурь, смертельной косой прохаживающихся по сердцам и нервной системе миллионов людей.

Впоследствии этому был посвящен специальный доклад, подготовленный Чижевским к первой Всесоюзной конференции по космической и авиационной медицине.

Кляузы, которые шли в вышестоящие инстанции, не возымели действия. Напротив, правительство выделяет средства на дальнейшие исследования биологических эффектов электрически витаминизированного воздуха, на создание технических средств «электрически» полноценной воздушной среды в закрытых помещениях, на конструирование генераторов «электронного душа» для промышленных и сельскохозяйственных предприятий, для медицинских учреждений.

В 1960 году ВЦСПС примет специальное постановление о внедрении этих разработок в широкую практику.

После войны Чижевскому довелось сделать открытие, к которому он шел всей логикой своего творчества и одного которого достаточно было бы, чтобы имя его навсегда осталось в анналах истории, биологии и медицины. Он установил и описал удивительное пространственное строение живой, движущейся крови. Оказывается, красные кровяные тельца, эритроциты, не хаотически взвешены в ее плазме, а геометрически строго выстроены в радиально-кольцевые структуры силой электростатического взаимодействия.

Если первый фундаментальный шаг в физиологии кровообращения — открытие 300 с лишним лет назад самого кровообращения, то второй, соизмеримый по значимости с первым,— открытие Чижевским электродинамической системы крови. Работа была пронизана сложным математическим аппаратом, биологи и медики не могли ее сразу должным образом воспринять. Благодаря поддержке профессора Петра Андреевича Коржуева и ряда других она увидела свет.

Чижевского уже не было в живых (он умер в 1964 году), когда киевское издательство «Наукова думка» выпустило вторую часть этого труда. И, наконец, совсем недавно в Новосибирске под редакцией действительного члена Академии медицинских наук СССР В. П. Казначеева вышла и третья часть. Уникальная работа получила свое законченное печатное воплощение. В последней ее части мы обнаруживаем способы подхода — опять же через «электричество жизни»! — к... ранней диагностике злокачественных заболеваний.

Ученому было бы сегодня 85 лет. Его нет с нами, но вот что удивительно: он словно продолжает и продолжает к нам идти, становясь еще более близким, понятным и необходимым. Возрастает интерес ко всем граням его творчества, и во всех представители разных специальностей, подчас совсем далеких друг от друга, находят нечто для себя важное, весьма значимое.

О, присмотрись внимательно
к Земле
И грудью к ней прильни всецело,
Чтоб снова в зеленеющем стебле
Исторгнуть к Солнцу дух и тело...
Благослови же дальнюю звезду
И горсть своей земли печальной!
Друзья мои, я вечно к вам иду,
Как к истине первоначальной.

Это его собственные строфы, нечаянно родившиеся в одну из минут раздумий. Невольным пророчеством они сегодня звучат.

Давно работают в космосе орбитальные станции, летят к планетам космические корабли. Сбылась мечта, о которой некогда рассуждали два «чудака» на берегу Оки.

Для них этот берег был берегом Вселенной, по просторам которой бродили их дерзкие мысли.

Мера всего — человек! — так сказал античный мыслитель Протагор. Мера человека, говорим мы,— все доброе, содеянное им. И норма этой меры — лучшие люди, жившие и живущие среди нас, та норма, на которую, как конструктор на ГОСТ, должен ориентировать себя каждый сознательный творец своей жизни. Герои живут среди нас, и каждый по ним призван делать себя. «На каждом из нас,— говорил Чижевский,— лежит почетная миссия стать полезным людям».

И в этих словах — вся мудрость жизни.

СТВО ЖИЗНИ

НА САМОЙ ВОСТ

Нариман ДАДАБАЕВ, подполковник

В туман и пургу, в шторм и ливень несут бессменную вахту пограничники самой восточной заставы нашей Родины на границе с Соединенными Штатами Америки. О них, о необычной судьбе острова Ратманова рассказывается в очерке, автор которого неоднократно бывал там.

В МЕТРЕ ОТ МОСКВЫ

У нас, на острове Ратманова, в разгаре новый день. А всего в четырех с небольшим километрах, в американском поселке Елике, что на острове Крузенштерна, был все еще день вчерашний: мы находились вблизи меридиана, разделившего землю на западное и восточное полушария.

— Про международную границу перемены дат, обозначенную на картах линией точек,— говорит начальник заставы старший лейтенант Александр Яковенко,—я объясняю молодым солдатам так. Если бы, говорю, житель Крузенштерна добрался через пролив к нам в понедельник, то на Ратманове он оказался бы во вторник, а через час-другой, вернувшись к себе, опять попал бы в понедельник.

Старший лейтенант Александр Яковенко ростом невысок, но крепко сбит, широкоплеч. Приятно смотреть на его подтянутую фигуру в хорошо подогнанной военной форме. Белоснежный подворотничок подчеркивает смуглость кожи. Взгляд темно-карих глаз внимательный. Собеседника Александр слушает, не перебивая. Если же у него возникают вопросы, откладывает их на конец разговора. Неясностей и недоговоренностей не любит; если уж чем заинтересуется, то расспрашивает дотошно, с пристрастием.

Однажды он показал мне большую карту Севера нашей страны.

— Подарок полярников. Где еще такую увидите?

Эта карта действительно необычная. На ней не было привычных цветов, которыми обозначают пустыни, горы, леса — желтого, коричневого, зеленого. Светло-голубой Ледовитый океан, оплетенный меридианами и параллелями, белые острова, причудливая линия тоже белого материка... Ратманов — маленький кружок у правого обреза карты.

— Сколько же километров отсюда до Москвы?

Александр достал линейку. На карте от Ратманова до Москвы получился ровно метр. Сто сантиметров вобрали в себя шесть тысяч четыреста восемьдесят километров.

В канцелярии начальник заставы отдавал боевой приказ дежурному по заставе, и вдруг я услышал:

— В случае начала подвижки снега вы обязаны подать команду: «Лавина!» Немедленно принять меры к выводу личного состава из помещения.

Одна из стен заставы выходила к крутому склону сопки. Вверху огромный снежный козырек. Однажды с него сорвалась белая глыба, и здание заставы оказалось засыпанным снегом под самую крышу.

В свой последний приезд на остров я спросил у нынешнего начальника заставы старшего лейтенанта Владимира Сучкова про этот коварный козырек.

— Теперь его нет,—сказал он.— Специалисты взрывами подчистили. А слово «козырек» в обиходе осталось. Сейчас это название носит вон та высотка.

В минуты короткого светового дня оживленно во дворе заставы.

Полярник Павел Николаевич Крылов снимал показания метеоприборов. Позже на телеграфном бланке он выпишет длинные колонки цифр про пургу и ветер, мороз и видимость в проливе. Потом цифры превратятся в точки, тире и улетят в эфир. Они помогут капитанам и штурманам теплоходов и самолетов, работающим за Полярным кругом.

На небольшой каменистой площадке, засыпанной снегом, дочь начальника заставы маленькая Аленка, укутанная в черную пушистую шубку, пыталась что-то слепить из рассыпчатого снега. Около нее крутились два добродушных лохматых пса, Бек и Рюрик. Повар-хлебопек рядовой Сергей Попов заготавливал снежные кирпичи. Потом он растопит их в чугунных котлах, и будет готова вода к обеду.

Мы тоже решили воспользоваться светлыми минутами. С начальником заставы и рядовым Сергеем Ульяновым спешим подняться на наблюдательный пункт.

— С чего наша служба здесь начиналась? — переспрашивает Сергей.— С занятий «Подготовка личного состава к условиям пурги». Нет, оторванными от материка мы себя не чувствуем. А связь с Большой землей сержант Сергей Киреев по радио держит.

— А вдруг помощь медиков потребуется?

— Ну, у нас свой фельдшер — сержант Борис Лунгол... Кто приезжает к нам, обычно еще спрашивает: «А если аппендицит?» А нас сюда без аппендиксов подбирают,— смеется Ульянов.

Сегодня с наблюдательного пункта американский поселок Елик не рассмотришь даже в бинокль: его прикрыла плотная завеса тумана. Видна лишь белая макушка мыса Всадник, поднявшегося из воды почти на двухсотметровую высоту. Укутан стылым туманом и наш остров. Туманы здесь постоянны в любую пору года. Из-за них-то в биографии острова Ратманова есть и не совсем обычные строки.

ЗЕМЛЯ, ОТКРЫТАЯ ДВАЖДЫ

Хлопает входная дверь. Клубы морозного пара прихватывают ноги.

— На ужин, книгочеи. Жена ждет,— командует с порога Павел Николаевич Крылов.

Можно не смотреть на часы. В двадцать два ноль-ноль, передав вечернюю сводку погоды, полярник П. Н. Крылов приходит за нами. А мы с Александром Яковенко сидим в библиотеке полярной станции. Кто и когда завез на остров тысячу редчайших книг? Трудно даже себе представить, что делали бы без них обитатели острова в длинные полярные ночи. Сначала мы искали в литературе просто упоминание о Ратманове, но потом работа увлекла нас: захотелось узнать его биографию от первой строки до последней.

...Капитан «Святого Гавриила» Витус Беринг самые сокровенные тайны души своей доверял лишь святому Диомиду, по семейному преданию благоволившему к тем из Берингов, кто отправлялся в далекие и опасные морские плавания.

Оставшись один в тесноватой каюте, командор долго молился при неровном свете сальной свечи. Он просил святого Диомида быть свидетелем его отчаянных, нечеловеческих усилий выполнить повеление Петра I. Отбивал поклоны святому Беринг не напрасно: за нерадивость при исполнении царских указов Петербург взыскивал строго.

Отдав положенное молитвам и отхлебнув перцовой из большого кубка, командор склонился над картами и бумагами, грудами лежавшими на столе.

Бумаги, карты... Царский указ предписывал ему, командору Витусу Берингу: «На Камчатке или другом месте сделать один или два бота с палубами, на оных ботах идти возле земли, которая идет на Норд, ...и для того искать, где оная сошлась с Америкой».

Под указом подпись и дата — 23 декабря 1724 года. На календаре 1728 год. Бот «Святой Гавриил» построили. Мелькнула мысль: нужно бы назвать его «Святым Диомидом», тогда были бы в путешествии счастливее...

Вышли из устья Камчатки 13 июля 1728 года. Двинулись на Норд. Как бы там трудно ни было, а положили на карты заливы Святого Креста, Преображения, остров Святого Лаврентия. Ушли еще севернее, а вот выяснить главное — сошлась ли Азия с Америкой — оказалось не так-то просто. Густые туманы встали на пути.

Идти дальше? Алексей Чириков настаивает на этом. Беринг перелистал страницы своего дневника. Взгляд задержался на записи, сделанной со слов чукчей: «Земля их делает две губы и обращается к устью реки Колымы и всюду прилегло море». А найдешь ли в тумане эту Колыму? Беринг открыл чистую страницу дневника и решительно вывел: «Земля более к Северу не простирается».

Утром последние строки дневника стали приказом командора о возвращении на Камчатку. Через несколько часов «Святой Гавриил» бросил якорь меж двух суровых скалистых островов. Неизвестные земли после торжественного молебна по распоряжению Беринга нарекли именем Святого Диомида.

Пройдет немало лет, прежде чем эти острова получат нынешние названия. И опять перелистаем несколько страниц истории, имеющих самое непосредственное отношение к нашему рассказу.

7 августа 1803 года под гром орудий Кронштадтской крепости в первое кругосветное путешествие ушли русские корабли «Надежда» и «Нева». Флагманом командовал Иван Федорович Крузенштерн, а старшим офицером парусного шлюпа был участник морских сражений на Балтийском, Черном и Адриатическом морях Макар Иванович Ратманов. Нельзя не упомянуть еще про одно обстоятельство, сыгравшее впоследствии немаловажную роль. По просьбе известного в ту пору писателя Августа Коцебу в экспедицию был взят его сын морской кадет Отто Коцебу. Спустя годы он сам возглавит две кругосветные экспедиции на кораблях «Рюрик» и «Предприятие». Он-то и увековечит имена славных русских моряков, участников первого кругосветного плавания.

Случилось это в 1816 году. Почти на шестисотый день похода увидел Отто Коцебу в Беринговом проливе два острова. И по доброй традиции, в память о старших товарищах, назвал их Крузенштерном и Ратмановым.

Прошли годы, курсы других кораблей пролегли в этих местах, но остров моряки не обнаружили. Посчитали, что О. Коцебу принял за землю облака густого тумана. Прошло еще немало времени, прежде чем восторжествовала честь мореплавателя и знаки вопросов рядом с названиями островов на морских картах были сняты. Не затерялись эти небольшие островки среди сотен других, открытых русскими исследователями Мирового океана. И не только не затерялись, но и удостоились чести быть упомянутыми в высоких государственных документах.

Из «Договора между Соединенными Штатами Северной Америки и Его Величеством Императором Всероссийским, заключенного в Вашингтоне 30 марта 1867 года»

Пункт о границе сформулирован в статье первой: «Западная

ОЧНОЙ ЗАСТАВЕ

граница... проходит через точку Берингова пролива, находящуюся под 65-м градусом 30-тью минутами северной широты, у пересечения с меридианом, проходящим по середине между островом Крузенштерна или Игмалуг и островом Ратмановским или Нукарбукским и следует прямо к северу, без ограничения, в тот же Ледовитый океан. Та же Западная граница, начиная с той же исходной точки, следует оттуда по направлению почти прямо юго-восточному, через Берингов пролив и Берингово море, так, чтобы пройти по середине между северо-западной оконечностью острова Св. Лаврентия и юго-восточной оконечностью Чукотского носа...»

Так более ста лет назад невидимый меридиан стал границей между двумя великими державами. Меридиан разлучил острова, поделил земной шар на Восток и Запад, на день вчерашний и день сегодняшний.

Павел Николаевич в нетерпении топчется у порога.

— Ну, скоро вы? — спрашивает он.— Пельмени по-ратмановски пробовали? Нет? Ну то-то... Собирайтесь, собирайтесь.

— Идем-идем,— отвечает Александр и продолжает свою мысль:— Что же получается? Заполучив Аляску и русские владения в Калифорнии, американцы затем потянулись и сюда, через границу.

Из материалов по туземному вопросу на Дальнем Востоке

По официальным данным США, американские шхуны с 1873 по 1903 год добыли в русских водах китового жира и уса на сумму около 50 миллионов золотых рублей.

Из отчета Камчатского окружного ревкома

Только один американский торговый дом «Гутчинсон, Кооль и К°» за 20 лет (1871—1900 гг.) истребил на Командорских островах свыше миллиона голов морских котиков.

Из донесения Камчатского военного губернатора

1916 год. «По побережью бухты Провидения, мыса Дежнева в 25 селениях по случаю упадка промысла моржей начался голод. Чукчи питаются ремнями. Главная причина — массовое истребление моржей у наших берегов американскими хищниками. В 1915 году каждая шхуна, промышляя до 12 тысяч моржей, пользуясь клыками, кожею, жиром, выбрасывает мясо в море».

— А вот снимок американского медного знака,— продолжает горячо Яковенко,— обнаруженного уже в советские годы в бухте Провидения. Вот что было написано на нем: «Станция магнитного наблюдения и геодезических измерений побережья Соединенных Штатов. За справками обращаться в Вашингтон. За снятие этого знака — штраф 250 долларов или тюремное заключение». Какая наглость!

«Известия», 16 декабря 1924 года. Из «Протеста против нарушения суверенитета СССР»

«Решительно протестуя перед правительством Соединенных Штатов Америки против таких незаконных поступков его должностных лиц, не различающих, где кончается территория их государства и начинается территория другой суверенной страны, считаю долгом отметить, что подобное нарушение законных прав СССР, если таковые нарушения повторятся, будут решительно пресекаемы... Народный комиссар по иностранным делам СССР Чичерин».

Павел Николаевич больше нас не торопит, его тоже заинтересовал разговор. Потом он спрашивает начальника заставы:

— А ты, Саша, бывал на нашем старом складе? Там же чуть ли не на каждом бревне американское клеймо. Пойдемте, покажу.

Прихватив с собой фонарь, мы отправляемся к старому складу.

Из сообщения газет

В истории пограничных войск остров Ратманова занимает особое место. В трудные годы становления Советской власти его захватили интервенты. Берингов пролив богат морским зверем — моржом, нерпой, белугой. Через него идет на нерест красная рыба — кета, горбуша. Рядом Чукотка с ее тысячными стадами оленей, удачливым промыслом песца. Есть чем поживиться. Захватчики открыли на острове факторию и начали планомерно расхищать природные богатства, обирать население. Но им не довелось долго хозяйничать. В сентябре 1925 года к острову подошел сторожевой корабль «Воровский». С него высадился десант моряков-пограничников, заставивший оккупантов убраться восвояси.

И с тех пор, как сказал поэт Сергей Смирнов:

Над Чукоткой, в полярном тумане пролива,
Флаг Советов стоит на скале горделиво.

ПРО ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ЖЕВАТЕЛЬНУЮ РЕЗИНКУ

В поселке Уэлен, вытянувшемся по длинной галечной косе, была на этот раз наша последняя остановка. Летал я на Ратманова из бухты Провидения, а отсюда добираться на остров довелось впервые.

— Сколько лететь до Ратманова? — спросил я у командира вертолета.

Капитан Юрий Ражин взглянул на штурмана. Капитан Василий Гогунский улыбнулся:

— Если с залетом на мыс Дежнева, то через две трубки будем на месте...

Две трубки... Это время, которое уходит на их выкуривание. Так чукчи, отправляясь в тундру, определяют время в пути.

— Понятно? — смеется Гогунский.

Машина медленно поднимается в воздух. Мы укладываем плотнее металлические коробки с кинолентами, мешки с почтой, удобнее устраиваемся у иллюминаторов.

Сверху четко просматривается узкая коса, зажатая между лагуной и морем, единственная улица Уэлена. К югу от поселка на многие десятки километров чуть всхолмленная тундра. Она поблескивает множеством ручьев и речек. Потом начинается горный кряж. Глубокие распадки со слежавшимися языками снега. Черные осыпи громадных камней. Величественны и строги скалы на оконечности азиатского материка.

Из иллюминатора хорошо видны маяк и крест. Крест здесь установлен в 1898 году, когда отмечалось 250-летие открытия Северо-Восточного прохода. В тот год по ходатайству Русского географического общества мыс Восточный был переименован в мыс Дежнева.

Маяк—сооружение наших дней. Его построили в середине пятидесятых годов.

Еще пятнадцать минут лета — и мы на Ратманове.

С самим островом, его птичьими базарами, скалами и лежбищами моржей молодые пограничники знакомятся на практике. Вроде бы и невелик Ратманов, но немало времени уходит у солдат, чтобы научиться ориентироваться на его дозорных тропах.

Характерная деталь: некоторые наряды в зимнюю пору (а зима здесь девять месяцев в году) уходят в дозоры в полном альпинистском снаряжении. В летнюю же пору пограничные наряды идут с рюкзаками. В них — уголь. Его заготавливают для зимних обогревателей, установленных вдоль дозорных троп. Но отличаются ратмановские солдаты не только выносливостью.

— Каждый солдат,— рассказывает старший лейтенант Владимир Сучков,— умеет по звуку высоко летящего самолета определить его принадлежность, скорость и направление движения. Знают пограничники и о времени торошения льдов в проливе и о господствующих ветрах, течениях, которые подходят к острову.

Всему этому учат не напрасно.

ИЗ ИСТОРИИ ЗАСТАВЫ... Пограничный наряд во главе с коммунистом ефрейтором Николаем Русановым двигался по заданному маршруту, внимательно осматривая с обрывистого берега узкую прибрежную полосу. Среди валунов ефрейтор заметил два небольших предмета. Русанов доложил об этом на заставу и попросил разрешения спуститься по скалам к воде. Такое разрешение выдается в исключительных случаях, а случай был не совсем обычный, и начальник разрешил. Подстрахованный товарищами, ефрейтор по канату спустился к воде. Оказалось, что течением к берегу прибило два целлофановых пакета с жевательной резинкой и идеологически вредной литературой.

ИЗ ИСТОРИИ КЕНИГСБЕРГСКОГО ОРДЕНА КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ ПОГРАНИЧНОГО ОТРЯДА. 1953 ГОД. ОСТРОВ РАТМАНОВА. Пограничный наряд в составе старшего пограннаряда сержанта Лапкина, сержанта Ильенко, рядовых Миронова и Жукова задержал гражданина США Сесила Августа Стоунера, нарушившего государственную границу на надувной весельной лодке. На допросе Стоунер показал, что перед заброской в Советский Союз прошел специальную подготовку. Перед ним ставилась задача: в туман высадиться на остров, а затем пробраться на материк.

Еще в Уэлене мне довелось побывать в известной косторезной мастерской имени талантливого чукотского художника Вуквола. В воскресный день в музее было

малолюдно, и мы с мастером Наташей Хухутан не спеша переходили от экспоната к экспонату.

Чего здесь только не было!

И вдруг я увидел летящую по снежному насту собачью упряжку. На ней колхозники и пограничники. В скульптуре передана кульминация сюжета. Нарушитель уже где-то рядом: еще мгновение — и враг будет взят. Здесь же гравюра — «За нарушителем».

— Автор — наш главный художник Иван Иванович Сейгутегин,— с гордостью сказала Наташа.

Иван Иванович... А помнят его на Чукотке и рядовым, каюром пограничной заставы. У Ивана была самая сильная собачья упряжка с легкими нартами. Когда море не пускало суда к берегу и не мог подняться в воздух самолет, рядовой Сейгутегин выезжал на задание со своими собаками. Службу он закончил старшим каюром, отличником боевой и политической подготовки. В том же году на смену собачьим упряжкам, которые долго и надежно служили пограничникам, пришла современная техника. А Иван вернулся в родной Уэлен и стал резать из кости миниатюры. Его композиция «Возвращение с ярмарки» побывала в Монреале на Всемирной выставке, получила золотую медаль. Рядом с этой медалью заслуженный художник РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР имени И. Е. Репина Иван Сейгутегин хранит и другую награду — медаль «За отличие в охране государственной границы СССР». Заслужил Иван Иванович пограничную награду, возглавляя добровольную народную дружину, которая в любое время дня и ночи готова помогать пограничникам.

На остров Ратманова два пути. По морю и по воздуху. Откровенно говоря, ненадежны на Севере эти дороги. А потому и объявляется на острове аврал, когда приходит судно с топливом и продуктами, со всем тем, что необходимо островитянам на долгую зиму.

Теплоход «Ульяновск» остановился в пяти кабельтовых от берега. За пять дней, помимо других грузов, нужно было перевезти на берег двести тонн угля, а это 4000 пятидесятикилограммовых мешков. Начальник заставы старший лейтенант Александр Яковенко и старший сержант Михаил Карманов, казалось, рассчитали все. Для понтонов у крутых скал солдаты подготовили причал, отремонтировали подъемники, заново перестроили угольный склад. Каждый день работы рассчитан по минутам. Разгрузку начали с раннего утра. В первый день сделали столько, сколько и намечали. Но на следующее утро заштормило, радио передало о циклоне, который через три дня должен подойти к Берингову проливу.

Начальник заставы и старшина поздним вечером пересматривали график работ. Вдруг в канцелярию вошел ефрейтор Леонид Тузиков. «У нас есть предложение»,— сказал он.

Заключалось оно в том, что каждый комсомолец решил за счет своего личного времени работать на причале. Молчит начальник заставы, молчит и старшина. Истолковал это Леонид по-своему, начал убеждать их, что все это под силу солдатам. Напомнил, как по своей инициативе комсомольцы ефрейторы Павел Шейко и Владимир Сидоров строили причал, как опять тот же Николай Русанов изучил дизель, чтобы в дни разгрузки у старшего дизелиста-электрика ефрейтора Владимира Мирошниченко подмена была. Сказал и о том, что с обязанностями повара на это время управится один ефрейтор Анатолий Агарков, а рядовой Сергей Попов сможет работать на угольном складе.

Те три авральных дня остались в памяти у многих. Звенели лебедки на «Ульяновске», сильные прожекторы указывали понтонам дорогу между скал. Залит светом и причал. Постарался тогда и начальник радиостанции сержант Сергей Киреев. По просьбе лучших грузчиков, как объявлял он по радио, регулярно передавались концерты по заявкам. Каждые восемь часов выходил «Боевой листок», который выпускал редактор стенной газеты «Пограничник Ратманова» ефрейтор Петр Окишев. И ничего, что порой листы ватмана были перепачканы углем: редактор работал вместе со всеми. Четыре тысячи мешков с углем и остальные грузы были перевезены на остров досрочно. «Ульяновск» до начала циклона ушел в открытое море...

ДО ТРОЙМЕЗИ — РУКОЙ ПОДАТЬ!

На Ратманове нет дорог. Есть дозорные тропы. И все они начинаются у столба со стрелками: «Москва — 6480 км, Троймези (ЧССР) — 8360 км». Устанавливали его ефрейтор Владимир Сидоров и рядовой Геннадий Швецов. Было это в феврале 1974 года.

В тот день вместе с фотокорреспондентом прапорщиком Григорием Бибиком мы привезли из Москвы на остров письмо ратмановцам от пограничников с чехословацкой заставы Троймези. Вечером решили обсудить его на комсомольском собрании.

Собрались пограничники в ленинской комнате. Солдаты в парадной форме, начищены знаки отличия, отутюжены стрелки на брюках. Начальник заставы старший лейтенант А. Яковенко, волнуясь, зачитывает письмо от братьев по оружию:

«Мы гордимся тем, что наша застава входит в число лучших застав пограничных войск Чехословакии. Мы добились отличных результатов в охране рубежей родины. Уже несколько лет никому не удается безнаказанно нарушить охраняемый нами участок.

Мы обращаемся к вам, боевые друзья, с предложением установить дружеские контакты между нашей заставой — заставой пограничных войск ЧССР на западной границе социалистического содружества и вашей заставой Пограничных войск СССР на Крайнем Северо-Востоке. Мы убеждены в том, что, несмотря на тысячи километров, разделяющие наши заставы, у нас много общего, мы со всей ответственностью и решимостью будем выполнять наш интернациональный долг».

— Кто желает высказаться? — спросил начальник.

Одна за другой поднимаются руки. Выступают рядовые Василий Шевердин, Владимир Звягин, Сергей Ульянов... Каждое выступление — это рассказ о заставе, товарищах, о себе. Володя Звягин, например, сказал:

— Я буду говорить от имени первогодков. Наша застава тринадцатый год отличная. У нас нет безнаказанных нарушений границы. Солдаты моего призыва дают слово сохранить за заставой звание отличной.

Молодежь дружно поддержала это предложение.

— А еще вот что хочу сказать,— поднялся Геннадий Швецов,— давайте установим столб с указателями, чтобы понятно было, сколько километров придется лететь к нашим друзьям.

— Смотрите-ка! Он уже и в гости собрался.

— А что? — не унимался Геннадий.— Пригласят — полетим.

За столб были все. Делали его под присмотром Григория Бибика. А мы с начальником заставы, обложившись картами, высчитывали расстояние от Ратманова до Троймези. У нас получилось 8360 км. Так на табличке и написали. Утром столб вморозили в снег.

Через несколько месяцев в Москве я встретился со старшим лейтенантом А. Яковенко. Спросил его про ратмановские новости.

— Помните про столб? — улыбнулся Александр.— Вскоре после вашего отъезда мы получили ответ из Чехословакии. Ефрейторы Франтишек Чижек и Вацлав Кленк писали, что такой же указатель они установили у себя на заставе. А наш повар-хлебопек Сергей Попов получил от повара с Троймези ефрейтора Пиштора даже телеграмму с просьбой: «Дорогой Сергей, друг и коллега! Вышли мне срочно рецепты украинского борща, макарон по-флотски и пельменей по-сибирски». Ответы писали всей заставой.

И вот новая встреча с Ратмановым.

— Убрали? — спросил я у начальника заставы Владимира Сучкова, не обнаружив столб на старом месте.

— Что вы? — удивился старший лейтенант.— Мы перенесли его к посту технического наблюдения. Теперь он ближе к границе. Столб замечательный. Вон сколько на нем указателей: расстояние до Петропавловска-Камчатского, до Северного полюса и даже до Звездного городка. Без фотографии у столба ни один солдат домой не уезжает. А с чехословацкими пограничниками мы переписываемся по-прежнему. В ленинской комнате установили специальный стенд, посвященный боевым делам чехословацких пограничников.

ИЗ ИСТОРИИ ПОГРАНИЧНОЙ ЗАСТАВЫ ТРОЙМЕЗИ. ЧССР. В 1948 году в дремучем лесу собственными силами пограничники построили заставу. Это был период, когда обстановка на чехословацкой государственной границе из-за враждебных действий западных империалистических государств была особенно напряженной. Только в первое десятилетие был задержан 361 нарушитель. Среди них — 27 профессиональных шпионов. Но и в последующие годы на западном форпосте социалистического содружества обстановка не стала менее напряженной.

Однажды пограничный наряд в составе рядовых Прашила, Крайнера и Споднянка с собакой Бигой задержали троих нарушителей, пытавшихся переправить в ФРГ фотографии чехословацких военных объектов.

Плачевно окончилась и попытка пяти нарушителей нелегально перейти границу. Сразу же, как только обнаружили следы, были высланы тревожные группы, выставлен заслон. Нарушителей задержал наряд во главе с офицером Сладечным.

А в канун 1978 года из Чехословакии пришла телеграмма: ратмановцев приглашали в Троймези. Было принято решение: поедут начальник заставы капитан Виктор Сергиенко и секретарь комитета ВЛКСМ ефрейтор Валерий Климов.

РАССКАЗ КАПИТАНА В. СЕРГИЕНКО

— Поздним вечером поезд Москва — Прага подошел к границе. Стук в дверь. Открываю. В коридоре пограничный наряд. Приготовили, как положено, документы. А офицер взял под козырек, говорит: «Рады приветствовать на чехословацкой земле дозорных острова Ратманова. О вас запрашивали из Праги. Ждут! Счастливо следовать!»

Утром мы были в столице ЧССР, а оттуда — в Троймези. С начальником заставы Троймези Антонином Хорватом мы были знакомы заочно: переписывались. Теперь, при встрече, мне было приятно рассказать друзьям, что наша застава в семнадцатый раз добилась звания отличной, что в нашем пограничном отряде, напутствуя молодое пополнение, обычно говорят: «Служите, как ратмановцы, стреляйте, как ратмановцы». Ну, а потом я преподнес друзьям наши полярные сувениры — сбрую для собачьих и оленьих упряжек из шкуры нерпы, клык моржа с орнаментом, выполненным уэленскими косторезами. А какой восторг вызвал у наших друзей трехметровый китовый ус! Он тут же был водружен на видное место.

Беседы с чехословацкими друзьями были задушевными. Заместитель начальника заставы по политической части Клад Роман говорил: «В своей работе мы опирались и будем опираться на пример советских пограничных войск, на нашу дружбу. А в том, что она крепкая, вы убедитесь».

Ну, и, конечно, самой памятной для нас стала встреча с Густой Фучиковой, женой отважного коммуниста-интернационалиста Юлиуса Фучика. Вместе с ней мы побывали в Пражском Граде, у могилы Неизвестного солдата.

Навсегда останутся в памяти и дни пребывания в Москве, где мы были гостями начальника ордена Ленина Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Георгия Тимофеевича Берегового. При встрече он сказал: «Остров Ратманова на самом краю нашей Родины. Звездный — на самом краешке Земли. Ведь отсюда люди отправляются в космические дали. Не роднит ли нас это? Дружба пограничников с космонавтами уже традиционна. А хорошие традиции тогда хороши, когда они постоянно поддерживаются».

Перед расставанием Георгий Тимофеевич подвел нас к карте, отыскал остров Ратманова.

— Вот здесь вы служите,— сказал он.— Расстояние от острова до чехословацкой заставы, где вы гостили, космический корабль пролетает примерно за восемнадцать минут. Так что, как видите, не так далеко от Ратманова до Троймези, как говорится, рукой подать. Мне очень понравилась ваша фотография с указателями на столбе. Я, конечно, не могу вам приказывать,— пошутил генерал Береговой,— но прошу, напишите на указателе: от Ратманова до Звездного столько-то километров. По-моему, после вашего визита к нам это будет справедливо.

* * *

На большой карте Севера нашей страны нет привычных цветов — желтого, коричневого, зеленого. Светло-голубой Ледовитый океан, белые острова, причудливая линия тоже белого материка...

Ратманов — маленький кружок белого островка у правого обреза карты. Не затерялся он среди сотен других островов, открытых русскими мореплавателями. Его биография вобрала в себя страницы истории нашей Родины и судьбы многих, многих людей.

С острова Ратманова начинается Советская земля. С него начинается отсчет нового, советского времени.

Ф. Модоров. 1890—1967. ВСТРЕЧА БРОНЕПОЕЗДА «3-й ИНТЕРНАЦИОНАЛ» В БАКУ. 1933.

М. Самсонов. Род. 1925. ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ СИВАШ. 1957.

А. Широков. Род. 1923. ЛЕГЕНДА О ГЕРОЯХ ГРАЖДАНСКОЙ. 1978.

КЕМ БЫТЬ?

ОПЫТ ДРУЗЕЙ

Вячеслав САМОШКИН, собкор АПН — специально для «Огонька»

Мариан вырос в одной из коммун, прилегающих к Бухаресту. В школе учительница литературы выводила их класс в сад, и там под сенью цветущих вишен или среди золота опадающей листвы они писали свои сочинения... Может быть, тогда у Мариана и пробудилась любовь к поэзии и природе? А еще он страшно любил географию. И вот она-то, наверное, и сказала свое решающее слово, когда пришла пора ему выбирать, куда идти учиться после восьмого класса.

Я познакомился с ним в агроиндустриальном лицее коммуны Брэнешть. Это единственный под Бухарестом лицей подобного профиля. Здесь готовят механиков и электромехаников по оборудованию для мелиоративных работ, специалистов сельского строительства, топографов и геологов.

Мариан Кристей выбрал профессию геолога, и не потому ли, что в ней удачно сочетаются и поэзия, и природа, и география! Во всяком случае, стихи он пишет и по сей день, находя в этой своей склонности поддержку новой учительницы литературы Валерии Бежан и библиотекаря Юлии Брынзей, руководителя литкружка, действующего при лицее.

Но было еще одно обстоятельство, повлиявшее на выбор им жизненного поприща. Ломающимся мальчишеским голосом Мариан говорит:

— Сейчас в мире энергетический кризис, и наша страна усиленно ищет новые месторождения сырья. Вот и мне хочется сделать что-то полезное в этой области...

Как сориентироваться в океане профессий? Как помогает общество и социалистическое государство румынской молодежи выбирать свое жизненное призвание? Об этом я беседовал с министром воспитания и образования СРР Анетой Спорник.

— В идеале профориентация должна начинаться уже с первых классов школы,— говорит министр.— Чтобы гармонично сочетать интересы молодежи и потребности государства, в 70-е годы по инициативе руководства РКП в нашей системе образования были осуществлены серьезные изменения.

Здесь я позволю себе сделать небольшое отступление, чтобы пояснить читателю некоторые особенности системы среднего образования в Румынии, которые отличают ее от нашей. Это не десять лет, как у нас, а двенадцать лет обучения. По окончании восьмилетней школы или гимназии учащиеся поступают в лицей. Первая ступень его (9—10-е классы) считается обязательной.

В основе изменений, о которых упомянула Анета Спорник и которые были закреплены в законе о воспитании и образовании от декабря 1978 года, лежит принцип органической связи образования с производством и научными исследованиями. Исходным моментом стала идея: средняя школа (то есть лицей) должна готовить квалифицированных рабочих, техников, других специалистов среднего звена в соответствии с потребностями нынешнего этапа развития страны — этапа построения развитого социализма.

Раньше, до реформы, в республике преобладали общеобразовательные лицеи, которые в основном готовили молодежь для вузов. Теперь наоборот: только в индустриальных лицеях, например, обучается около 85 процентов всех учащихся.

Там есть производственные мастерские и лаборатории, где молодежь проходит практику, занимающую одну треть учебного времени. Мастерские действительно производственные, у них есть план, и, продавая свою продукцию государству, они подчас наполовину обеспечивают содержание учебного заведения. Как правило, лицеи тесно связаны с отдельными предприятиями, для которых и готовят кадры. Например, в Галаце, где находится крупнейший в стране металлургический комбинат, много лицеев с металлургическим уклоном. Есть и такой, где готовят кадры для местной судоверфи.

Общеобразовательные лицеи, потеряв доминирующее положение, в свою очередь, дифференцировались по различным отраслям знаний: математике, физике, литературе, педагогике и т. д.

Лицейская подготовка по-прежнему дает право на поступление в вуз. Но теперь выпускник может и сразу поступить на работу: у него уже есть специальность. Например, воспитанники индустриальных лицеев уже после первой ступени могут быть приняты на производство с первым квалификационным разрядом, а после второй ступени, то есть по окончании лицея,— со вторым разрядом. Прежде они не имели такой возможности.

— Конечно,— замечает Анета Спорник,— мы используем и внешкольные средства приобщения молодежи к различным профессиям: посещение предприятий, встречи с передовиками производства, руководителями предприятий. Мы действуем прежде всего в рамках уездов, стремясь к тому, чтобы дети оставались в родных местах. С этой целью повсюду работают кабинеты профориентации. Все уезды публикуют проспекты о перспективах экономического и социального развития своего края, рекламируют учебные заведения, предприятия, особенно те, где ощущается нехватка рабочих рук. Применяем и методы стимулирования — повышенные стипендии, улучшенные условия учебы и жизни.

У истоков перестройки системы образования, приближения ее к жизни стояла и многолетняя деятельность Бухарестского научно-исследовательского центра по вопросам молодежи при ЦК СКМ, имеющего филиалы во многих уездах. Здесь я встретился со старшим научным сотрудником доктором философии Фредом Малером.

Он был одним из тех, кто создавал центр в 1968 году.

— В течение последних лет,— говорит Фред Малер,— наш центр проводил исследования среди учеников восьмых классов. Нас интересовало, какие жизненные дороги собираются они выбрать в соответствии с их чаяниями и устремлениями. Оказалось, что изменения в системе образования дают большие возможности для выбора. С одной стороны, новая структура лицеев (всего около десяти типов) более выгодна для государства, с другой — для людей, вступающих в жизнь.

Каковы сегодня ценностные ориентации румынских юношей и девушек в зависимости от их принадлежности к той или иной социальной группе? Как влияют родители на выбор детьми будущей профессии? И в этой связи — существует ли проблема «отцов и детей»? Или: каково соотношение между устремлениями молодых, их способностями и реальными потребностями общества? Насколько четко представляет себе юная смена те или иные профессии? Вот эти и многие другие вопросы изучали ученые в последние годы. К каким же выводам они пришли?

Во-первых, наблюдается сильный процесс выравнивания ценностных ориентаций и жизненных стремлений молодых людей, принадлежащих к различным социальным группам. Если некоторое время назад желание продолжать учебу в вузе было прежде всего характерно для выходцев из среды интеллигенции, то теперь подобное же стремление все в большей степени обнаруживают дети рабочих и крестьян. Например, исследования среди сельской молодежи показали, что большинство мечтает о вузе, а уж вторую ступень лицея хотят окончить все сто процентов опрошенных. Еще более сильна эта тенденция в рабочей среде. Объяснение тому — во-первых, доступность образования для всех и, во-вторых, успехи румынской средней школы, которая устраняет существенные различия в уровне подготовки учащихся, выходцев из разных социальных слоев.

Проблема, которой центр уделяет неослабное внимание: какие профессии выбирает молодежь и каковы в них потребности народного хозяйства? Как уже говорилось, сама сеть лицеев привязана к нуждам того или иного уезда. Но «ножницы» между устремлениями молодых и реальными потребностями все же существуют. Например, многие хотят получить профессии, связанные с электротехникой, легкой промышленностью, индустрией туризма, в то время как меньше, чем нужно, желающих учиться на шахтера, металлурга или специалиста по сельскому хозяйству. Эта проблема связана с представлениями молодежи о рабочем и интеллигенте. Социологическим исследованием на эту тему было охвачено десять тысяч учащихся восьмых классов. Из двадцати человеческих черт, перечисленных в анкетах, предлагалось выбрать три черты, наиболее характерные для рабочего и для интеллигента. Что увидели ученые? Часть опрошенных считает, что и рабочему и интеллигенту присущи примерно одни и те же черты. Но были и другие ответы.

— Оказалось, что многие ребята живут устарелыми представлениями о рабочем,— говорит Фред Малер.— Поэтому в своих рекомендациях мы подчеркнули: на предприятиях, где школьники проводят часть своей практики, их нужно не только учить профессиям, но и показывать, что современный рабочий — это не придаток к машине, а личность творческая, социально активная.

Мой собеседник — автор нескольких научных работ о влиянии родителей на выбор профессии их детьми.

— К сожалению,— с улыбкой говорит он,— роль родителей далеко не всегда оказывается положительной. Например, многие крестьяне не хотят, чтобы их дети оставались и работали в селе. Родителей подчас меньше всего интересуют объективные потребности общества. Они желают, чтобы их дети достигли в жизни того, чего им самим достичь не удалось. Здесь нередки расхождения во взглядах между родителями и детьми и даже конфликтные ситуации. Вот почему мы уделяем особое внимание влиянию на родителей. И здесь широко используются пресса, радио и телевидение.

Актуальнее и острее всего ставят проблему о необходимости идти на производство организации Союза коммунистической молодежи. Им принадлежит важная роль в ориентации молодого поколения на профессии, нужные народному хозяйству. Как показало исследование, авторитет СКМ в рядах молодежи очень высок.

Результаты исследований центра нужны прежде всего министерству воспитания и образования.

— Конечно,— говорила мне министр Анета Спорник,— наши методы профориентации нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Поэтому мы изучаем опыт других стран, и прежде всего социалистических. В начале 1981 года я возглавляла румынскую делегацию в поездке в вашу страну. Мы видели в СССР интересные вещи, которые хотели бы использовать у себя, рассказывали о нашем опыте. Мне запомнились прекрасные учебные комплексы ПТУ в Москве и Ленинграде, где созданы оптимальные условия для подготовки квалифицированных рабочих. И у вас и у нас в стране идет активный поиск новых форм обучения.

Бухарест.

ПЕРЕД КОНЦОМ СВЕТА

Георгий ГУЛИА

РАССКАЗ

Рисунок А. ЛУРЬЕ

Этот пузач—Анней Фронтон — задыхался: он успел обежать все свои пекарни, отдал необходимые распоряжения и вот теперь дома.

Дверь ему открыла теща. Она была бледна, волосы растрепаны, а в глазах — страшный испуг.

— Везувий вовсе сошел с ума,— сказала она.

Он машинально посмотрел назад, через плечо: да, лысая вершина горы вся в дыму. Черный дым тяжело поднимался вверх и уже подпирал небо в виде греческой колонны, щедро опоясанной гирляндами белого пара.

— И вот еще,— сказала теща.

Он посмотрел туда, куда она указывала трясущейся рукою,— на бассейн, выложенный мрамором: вода стояла в нем грязная...

— Это от пепла,— продолжала теща.

Ясно, что от пепла. От чего же еще? Вон его сколько в воздухе!

— Где хозяйка?

— Плачет.

— Лалага?

— Только что прибежала...

— Гавий?

Она пожала плечами.

— Та-ак,— сказал Фронтон,— мир шатается, как пьяный, а Гавия носит... Где его носит?..

Теща снова пожала плечами.

— Наверняка пьяный,— сказал отец.— Теперь он пьет с утра. Боится, что к ночи не успеет рухнуть...

— Что делать? — проплакала теща.

Фронтон сурово посмотрел на нее, словно вопрошая: что делать?.. А что женщина делает дома? Значит, то и делать... Хотел было поругать ее за трусость, но тут его так подбросило, что едва на ногах удержался, схватившись за косяк двери.

Теща кинулась в дом. «И правильно сделала,—подумал Фронтон,—дом надежный, крепкий, сделан на славу, сотни лет простоит...» И тоже заторопился домой.

Увидев плачущих женщин, прижавшихся друг к дружке, Фронтон воскликнул:

— Вот так помпеянки! Вас что́, первый раз трясет эта кампанская земля?! А ну-ка за дело: давайте еду, несите маслины, ставьте на стол фалернского!

Жена его, Тедия, вытерла слезы:

— Нас ждет что-то ужасное...

— Что, например? — не без иронии спросил муж.

— Добром этот огонь не кончится...

— И все-таки — что нас ждет? Может, конец света?..

— Может быть...

Фронтон посчитал своим долгом успокоить женщин. Сказать несколько бодрых слов. Он это сделал бы непременно, если бы не Везувий — грохочущий, извергающий огонь и дым, пепел и горячий дождь. Вот как раз сейчас закрыло солнце пеленой дыма и пепла. Только что упали на крышу вулканические камешки. А что, если эти камешки превратятся в настоящие камни?..

— Семнадцать лет назад уже случалось такое. Мы тогда не сдвинулись с места. И все обошлось...

— А теперь страшно,— проговорила хозяйка.

Теща сказала:

— Многие наши соседи уплыли в Мизенум, на Капрею — подальше отсюда.

Фронтон усмехнулся.

— Бегут голодранцы, которым нечего терять!

— Почему же? Говорят, наш родственник Лукреций тоже собрался уплывать. Говорят, судно готово к отплытию.

— Лукреций? — удивился Фронтон.— Чтобы он трусливо сбежал? И оставил свой дворец? На кого?

— Этого я не знаю.

Фронтон выглянул во двор: каменный дождь усилился, слой пепла основательно покрыл весь двор. Вместо белоснежного мрамора — черное покрывало...

— Хорошо было бы сходить на форум... — проговорил Фронтон.— Послушать, что думают умные люди... Может, сходить?..

С высоты своего величия на его вопрос ответствовал сам Везувий: по крыше загрохотали камни — такие увесистые. Они падали и на двор, но без особого грохота. «Переждем дома»,— подумал Фронтон.

— Улицы опустели, — запричитала Тедия.— Все бегут, бегут куда глаза глядят — лишь бы подальше от этого огня и камня.

Она обняла Лалагу, стала целовать ее. Дочери было четырнадцать—уже на выданье. Такая стройная девушка, вся в мать. Лалага сказала:

— Надо бежать.

— Куда? — рассердился отец.— Бежать из этого прекрасного гнезда. Куда? Бросить все, бросить дом, пекарни — и бежать! — Он горько усмехнулся.— Впрочем, что я говорю: кого интересуют мои пекарни? А твой брат где-то пьянствует. Это называется помощник отцу!

— Я все время думаю о нем,— проговорила теща.

— О Гавии?

— Да. Где он? Что с ним? Что будет с ним? С нами?

Фронтону захотелось заткнуть себе пальцами уши: невозможно слушать все эти бабские речи, совершенно бессмысленные и бесполезные.

На крышу упал, должно быть, тяжелый камень: сверху посыпалась штукатурка.

— Спускайтесь в подвал! — приказал Фронтон.— Там безопасней. Туда не доберется ни один камень.

И они спустились в подвал.

Здесь стоял полумрак—окна были небольшие, почти вровень с землею.

Фронтон принес сверху несколько светильников, зажег их, стало чуть получше — грохота по крайней мере стало меньше...

— Здесь сухо, уютно и пища под рукой. Вино — тоже. Нечего вешать носы. Ставьте что-нибудь на стол...

В это самое время появился Гавий: он стоял наверху и смотрел вниз.

— Вы здесь? А вы не слыхали, как звал вас я?

— Нет,— хмуро ответил отец.

Молодой человек если и был подвыпивший— самую малость. Черные кудри его были мокрые, плащ прилип к телу. Правая рука вся в крови.

— Что это? — вскрикнула мать.

— Кровь?! — возопила бабушка.

— Чепуха,— сказал молодой человек, спускаясь в подвал.— Поцарапало острым камешком.

Он стал языком слизывать кровь с тыльной стороны ладони..

Бабушка подала ему свой головной платок.

— Что я вижу?! — воскликнул Фронтон.— Это же дорогая штучка. Вон там льняная тряпица — возьми ее, Гавий.

— О боги! — мрачно сказал Гавий.— О чем это думает глава цеха пекарей всех Помпей! Мир гибнет, а он?..

— Для тебя он давно погиб,—проворчал отец.

— Ты думаешь?

— Сам же лучше меня знаешь.— Фронтон налил себе вина и выпил.

Гавий взял бабушкин платок и назло отцу вытер окровавленную руку. Не торопясь, как следует вытер. Потом смочил платок вином и приложил его к руке.

— Город разбегается... — сказал Гавий,— люди уносят ноги... Даже собаки бегут отсюда. А мы?

— Я уже слышал об этом. Но присмотрись-ка получше: кто бежит? Голодранцы! Кому терять нечего. А посмотри вокруг: все это бросить? Ты только подумай, раскинь мозгами!

Гавий посмотрел вокруг и буркнул:

— Да.

— Что да?

— Все бросить! И бежать! Только поскорее!

Фронтон выпил еще вина. Покачал головой и произнес:

— Это легко говорить тому, кто ничего в жизни не заработал.

— А погибать лучше?

Отец махнул рукой:

— Тоже сказал! Ничего особенного: отсидимся здесь, пока этот дурацкий огонь погаснет. Смотри, какая красота в этом подвальчике.

— Отец, ты бы лучше на этих несчастных женщин посмотрел.

— Несчастных? А чем они несчастные? Они будут несчастными где-нибудь в Куме или Риме без гроша в кармане. Вот тогда-то они и хлебнут горя!

Тедия, прижав к себе Лалагу, кинулась к сыну.

— Прав Гавий! Прав мой сын!— завопила она.— Скорее отсюда! И ты с нами, мама!

Анней Фронтон встал, пристроил у окна скамью, чтобы получше рассмотреть, что происходит на улице.

То, что он увидел, поразило его, человека отнюдь не впечатлительного. Была всего лишь середина дня, а потемнело изрядно— стало почти как ночью. Сверху сыплются камни — настоящий дождь. Это уже не легкие камешки, а настоящие булыжники. Вон их сколько набро-

сало! И гроза началась, а вместе с грозою полил и дождь! Неужели наступил конец света? И Фронтон решил уступить: ладно, подвода имеется в его ближайшей пекарне, можно пригнать сюда, нагрузить скарбом и двинуться в сторону Стабий или Мизенума... Ладно уж!..

И Анней Фронтон обращается к своим:

— Слушайте меня: давайте не спеша складывать вещи, все золотые и серебряные изделия. Начните с золотого кратера, все серебряные сосуды сложите вон в тот сундук, а золотые — в другой. Да чтобы не спутать. Ты, почтенная Верендида, собирай все свое приданое — оно пригодится. Лалага, украшения свои не забудь, а ты, Гавий, помоги им. А я займусь деньгами...

Гавий стоит, как столп,— хмурый, молчаливый. И выдавливает из себя:

— А не поздно ли будет?

— Будет,— говорит отец,— если ты будешь торчать на месте.

После этих слов все мигом разошлись по своим комнатам.

— Не забывайте ничего, все ценное берите с собой! И не особенно торопитесь: мы надежно укрыты.

И он подумал, что хорошо сделал в свое время, построив этот подвал, глубокий, прочный. Хотя и много пошло камня и извести, но получился он на славу. Если на дом всей грудой навалится сам Везувий, и тогда не подведет подвал — надежно укроет...

Засим уважаемый хозяин пекарен взялся за дело: золотые и серебряные монеты разложил по мешкам, тщательно их пересчитав. У него имелись восковые дощечки с записями — он сверил с ними подсчитанное количество денег. Все совпало, все у Аннея Фронтона было в ажуре!.. Но куда же уложить бесценный металл? Сундук может свалиться в суматохе с подводы. Тогда Фронтон решает так: он привяжет мошну к себе, к животу, а там уж в Куме отдаст в банк. (Почему-то ему казалось, что они пойдут именно в сторону Рима.)

Через два часа все лучшие вещи, все крупные и мелкие драгоценности были упакованы.

— А теперь?.. — Фронтон подумал: что же теперь? Да, а где серебряные вазы для цветов! Они стояли в его спальне.

— Забыли про них...— сказала Тедия.

— Растяпа! — рассердился Фронтон и поторопился за вазами.

— Скорее, скорей бы!— плакала Лалага. Она была молода, ей было очень страшно...

— Милая,— ласково сказала бабушка Верендида,— теперь уже скоро...

Вдруг Гавий сорвался с места и подлетел к окну. Что это? Откуда эта черная жижа? Вода? Да нет, что-то погуще! Грязь? Именно!

Он взбирается на стул и глядит во двор. И что же он видит? Можно сказать, ничего не видит, потому что все завалено — все, выше окна! Завалено булыжниками!

Он бросается к другому окну: та же картина — слой камня в несколько локтей. А эта грязь? Она сочится с улицы, со двора. Растекается по полу...

Гавий сломя голову бежит наверх. Женщины ничего не понимают. Что же случилось?

Появляется Анней Фронтон.

— Я насилу нашел их,— сказал он, улыбаясь, довольный находкой.— Пришлось разгребать каменную груду. Камни пробили крышу и завалили комнату. Вот они!

И он подает жене две серебряные вазы тонкой греческой работы. Та пытается открыть сундук и засунуть их куда-нибудь поглубже, подальше от чужого взгляда.

— Ничего не забыли? — спрашивает очень потный Фронтон. По нему текли ручьи. В этот августовский день семьдесят девятого года это было очень просто: можно сказать, все вокруг пылало, как в печке...

Сверху свалился Гавий: взор его дикий, зуб на зуб не попадает.

— В чем дело?— спрашивает Фронтон.

Гавий что-то рычит, язык с трудом ворочается.

— Надо бежать за повозкой, Гавий!

— Ку-ку-да-да?..

— За повозкой.

Наконец-то Гавий произносит нечто членораздельное:

— Все... все... выходы...

— Что выходы?

— Завалены. Мы в могиле.

— Замолчи! — кричит Анней Фронтон. Он спешит наверх. Потом сбегает вниз. И снова наверх, и снова вниз. Он хватается за сердце. А грязь уже по щиколотки. Эта липучая, страшная грязь!..

— Ничего... ничего...—шепчет он.—Мы здесь отсидимся... Мы...

Тедия и Лалага бросаются на шею бабушке Верендиде. А Гавий, выискав подобие лома, собирается рушить дверь, окна, стены — все, что только можно, лишь бы выбраться из этой могилы...

Летом 1875 года археолог Джузеппе Фиорелли продолжал свои раскопки в Помпеях, начатые за несколько лет до этого. Дом за домом, улица за улицей открывались его удивленным сотрудникам во всей своей первозданности.

Наступил день, когда лопата пробила первую брешь в подвале очередного роскошного дома. Подвал был заполнен плотной массой ссохшегося пепла, принесенного сюда водою тысяча восемьсот лет тому назад. В застывшей массе оказались пустоты, и Фиорелли, как он это делал уже не раз в Помпеях, заполнил пустоты раствором гипса. На свет появились фигуры трех женщин и двух мужчин. И были они точь-в-точь такими, как перед концом света: все муки, вся безысходность отразились на их лицах. А золото и серебро сохранилось в целости. Особенно поражали своей красотой две серебряные вазы тонкой греческой работы...

Помпеи — Москва

ЖАЛЕ

ЕСЛИ ЛОДКА МОЯ...

Я И МОРЕ

Глаз оторвать от моря не могу,
От моря бури, грохота и бедствий.
Под бурей на цветущем берегу
Есть город сказочный, приснившийся мне
в детстве.

Любой бедняк, когда он в путь рискнет
И берега желанного достигнет,
Навек покой и счастье обретет,
А буря вдруг уляжется и стихнет.

Никто и никогда не плачет там,
Никто и никого там не боится,
Ни жертвам мести нет, ни палачам,
Ни стражникам, ни узникам в темнице.

Там ни детей голодных, ни больных,
Ни горя, ни отчаянья в помине,
Ни нищих, что на пыльных мостовых
За подаяньем руку тянут ныне.

Ни злых, ни кровожадных — верь не верь,—
Никто бровей случайно не нахмурит,
Там человеку человек не зверь,—
Вот что за город спит под этой бурей.

Все плавает в сиреневом дыму,
Как жемчуг, брызги зелень оросили,
И ни тоски по краю моему,
Ни горького сознания бессилья.

Зачем же медлю я на берегу,
Пока душа и мышцы не ослабли?
О, скольких трудностей я сразу избегу,
От скольких бед и зол себя избавлю!

В пучину моря броситься и плыть,
Откинув страх, откинув мысль о боли.
Единым мигом риска заплатить
За годы ожиданья и неволи...

Грохочет море — небо и вода.
В душе и теле буря закипает.
С моей земли — ни шагу никуда!
Моей любви никто границ не знает.

СЫНУ

Нет тридцати, а голова твоя седа,
То ранняя ли снежная пороша?
Или в твоих возделанных садах
Дерев цветенье с белым снегом схоже?

Да, знаю я, что сердцем молод ты,
В душе твоей надежды не разбиты.
Но горечь мира рано понял ты,
Где этот нищ, а эти слишком сыты.

И строгость глаз, и эта седина,
И складка, что у рта, мне не простятся.
Моя заслуга и моя вина,
Мои, увы, посевы колосятся.

Ночами терпеливыми без сна,
Когда я колыбель твою качала,
Я истины бросала семена,
И справедливость щедро высевала.

Не сосчитать прочитанных страниц,
Не перескажешь снова сказок детства,
И плакал ты, жалея слабых птиц,
И весь кипел при имени злодейства.

О детство, о прекрасные мечты!
Где эти сказки, эти песни ныне?
Все, все прошло, теперь есть только ты
И жизни неприступная твердыня.

Ты помнишь ли, как я сквозь детский плач
Тебе давала предостереженье:
Чтоб не кичиться в случае удач,
Чтобы не хныкать, видя пораженье.

Строй новое, отжившее — на слом.
В сторонке отсидеться не пытайся.
Зла не чини и не мирись со злом,
И сам не лги и ложью не питайся.

Мы родину свою любить должны,
И говорят нам вечные страницы:
Когда своей ты не согнешь спины,
Судьба перед тобою преклонится.

ЕСЛИ ЛОДКА МОЯ...

Моя лодка села на ил...
Нимо Юшидке.

Если лодка моя сядет днищем на мель, на ил,
А ждет меня берег, куда плыву,
Я закричу, насколько достанет сил,
Я все силы души моей призову.

Призову я гнев, кипящий во мне,
Призову надежду и веру мою,
И все молнии, что сверкают во мне,
И все ливни, что копятся в глубине,
Чтобы хлынуть на знойную землю мою.

К жизни вызову чувств половодье я,
Половодье ненависти и любви.
И сорвется с ила моя ладья,
По широкому морю, ладья, плыви!

Нам с тобой нельзя назад повернуть,
Не пристало зигзагами нам юлить.
Для тебя намечен праведный путь,
К заповедному берегу надо плыть.

Мы лишенья терпим с тобой не зря.
Мы с тобой плывем под флагом добра.
Над морским простором встает заря,
Завтра будет лучше, чем было вчера.

ТЕЛЕФОН

О бог, о черный идол телефон!
Звонок собой все тонкости являет —
То благозвучен, как журчанье, он,
То, словно выстрел, вздрогнуть заставляет.

Кричи, вопи, ликуй, казни, проси,
Лишай нас расстояний, окаянный,
Неси в пустыню голос мой, неси
Его через моря и океаны.

Чего-чего ты только не даришь,
Все новости, и боль, и горе тоже.
Но иногда зато ты говоришь
Тем теплым голосом, который всех дороже.

То трубка ледяная, то в огне,
То гасну я, то воскресаю снова.
Ну, принеси же ради бога мне
О новой долгожданной встрече слово.

ОПЯТЬ НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ...

Жизнь — это сказка,
которую рассказывает сумасшедший.
В. Шекспир.

Когда засыпает город и все вокруг,
Когда на небе загораются звезды,
а на травах росы,
В глубину веков ухожу я за кругом круг,
Ищу ответов на все вопросы.

Там, в прошедших веках, остались поэты
и мудрецы,
Шекспиры, Данте, Гомеры, Фирдоуси, Хафизы,
Хайямы.
Пусть помогут свести мне с концами концы,
«Что такое жизнь?» — пусть ответят прямо.

Я их вопрошаю и слышу, в ночи тогда
Отвечает мне голос времен прошедших:
«Жизнь — это сказка. Но вот беда,
Рассказывает ее сумасшедший».

Но если эти слова правы,
Если бред сумасшедшего — все, что есть
на свете,
Зачем же, мудрецы и умники, вы
Внимали той сказке, радуясь, словно дети?

И любовь моя и мои страдания — это бред?
И мысль моя — бред, что до вас долетает?
И почему, когда увядает надежды цвет,
Сто новых надежд на месте его расцветает?

Нет,
Опять ничего я не знаю. Нет,
Светает.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЗАМОК

Я решила построить для себя
Хрустальный замок,
Чтобы там уединиться и возлежать
На ложе из розовых лепестков,
Окруженной нарциссами,
И дремать под журчанье фонтана.
И замок готов.

Я лежу на изнеженном розовом ложе,
Я вдыхаю пьянящие ароматы.
И мой слух услаждают певчие птицы.
Но что такое?
Вдруг я вижу себя в разъяренной толпе,
Воздвигающей баррикады.
Я кричу и бегу с оружьем в руках,
Прорывая заслон полиции.

Вот в числе заключенных
Меня бросают на пол, который грязен и сер.
Вот в числе обреченных
Рано утром меня ведут на расстрел.
Вот я еду в район, где гуляет чума,
Я пустыне даю благодатную воду.
Зажигаю я факел, где полночь и тьма,
Над толпой поднимаю я знамя свободы.

Лепестки разлетаются, пуст водоем,
Соловьи умолкают. Никнут пышные розы.
Скрежет, лязг и стенания в замке моем,
Крики, выстрелы, гимны в замке моем,
Мир двадцатого века,
Обвалы и грозы.

ИЗОБРЕЛ ЧЕЛОВЕК...

Изобрел человек...
Человек?
Изувер, сатана!
Если кнопку нажать,
То исчезнут все люди, но останутся целыми
вещи.
Что ж, любуйтесь картиной —
Колыбелька цела, но пуста, неподвижна она.
Свет по-прежнему в окнах горит,
Но погашен в глазах.
Колосятся хлеба,
Но их некому жать и косить,
Зеленеет трава,
Но коров не пригонят пасти.
И бульвары и парки пусты.
Одичала земля.
Зарастает бурьяном она.
Изобрел человек...
Человек?
Изувер, сатана!

Перевел с персидского
Вл. СОЛОУХИН.

ФЛАГИ НАД ЭЛЬБРУСОМ

...1942 год. В кинотеатрах рейха и оккупированных стран мелькают на экранах кадры последней кинохроники — гитлеровцы на Эльбрусе: над двуглавым великаном проносится «юнкерс-88» с капитаном альпийских егерей на борту; на белоснежном склоне размахивает автоматом гитлеровский офицер, альпийские стрелки занимают высокогорный отель «Приют одиннадцати»; егеря устанавливают на вершинах флаги со свастикой...

Берлинское радио вещало: «Флаг великой Германии гордо реет над высочайшей горой Кавказа. Символ доблести немецкого оружия водрузили на Эльбрусе храбрецы из 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс» генерал-лейтенанта Губерта Ланца, кавалера рыцарского железного креста с бриллиантами. Операцией руководил доблестный воин капитан Хайнс Гроот...»

...Флаг над Эльбрусом, флаг над афинским Акрополем, флаг над Эйфелевой башней в Париже. Для них в фашистской Германии были специально сделаны три одинаковых дюралюминиевых 11-метровых флагштока.

В плане операции «Эдельвейс», подписанном Гитлером, был специальный пункт о покорении Эльбруса и установлении на нем фашистских флагов. Всех солдат, поднявшихся на вершину, которую намеревались назвать именем фюрера, наградили железными крестами. Были изготовлены специальные жетоны с контурами горы и надписью «Пик Гитлера».

Как известно, операции «Эдельвейс», предусматривавшей быстрый выход к Черному морю, захват Кавказа и Закавказья, так и не суждено было осуществиться. Удары Советской Армии в районах Орджоникидзе и Сталинграда отбросили фашистские войска на запад. Под угрозой окружения покинул перевалы немецкий 49-й горнострелковый корпус вместе со своей баварско-тирольской дивизией «Эдельвейс» и приданной ему итальянской—«Белая лилия»...

* * *

...1943 год. 4 февраля альпийское отделение оперативной группы войск Закавказского фронта по обороне Главного Кавказского хребта получило предписание выполнить особое задание командующего: в районе Эльбруса обследовать базы бывших укреплений противника, снять с вершин фашистские вымпелы и установить на них государственные флаги СССР. Операцию возглавил начальник отделения капитан А. Гусев, мастер спорта. Двадцать воинов двинулись к цели тремя группами. Две, во главе с лейтенантами мастером спорта Н. Гусаком и Н. Моренцом, пошли из Сванетии через перевалы Бечо и Донгуз-Орун, а руководимая А. Гусевым группа выехала в обход, по Военно-Грузинской дороге, через Тбилиси, Орджоникидзе, Нальчик и Терскол. Встреча была назначена на высоте 4200 метров, в «Приюте одиннадцати».

В горах тогда еще слонялись отряды недобитых фашистских солдат и банды предателей — гитлеровских прихвостней. Приходилось соблюдать меры предосторожности. Погода тоже не сулила ничего приятного. Но, как бы там ни было, 8 февраля альпинисты групп Гусака и Моренца, форсировав суровые зимние перевалы, добрались до исклеванного пулями и осколками «Приюта одиннадцати». Фашистов там не оказалось, остатки батальона горных егерей как ветром сдуло. Через несколько дней подошли сюда и альпинисты во главе с Гусевым.

Пурга, снегопад, мороз, обжигающий ветер. Очень трудно в таких условиях добираться до вершины. Было решено, что наиболее сильная и подготовленная группа из шести воинов (пятеро из которых были мастерами спорта) во главе с Н. Гусаком выходит первой и поднимается на труднодоступный Западный купол (5642 м).

Представление о том, в каких условиях проходил штурм высоты, лучше всего можно составить, читая дневник одного из участников памятного восхождения, ныне заслуженного мастера спорта А. Сидоренко. Слегка пожелтевшая тетрадь стала теперь историческим документом. Скупые, торопливые, но четкие записи:

«13.02.43 г. Погода испортилась. Западный ветер, облачность, снегопад. В 2.30 вышли Николай Гусак, Евгений Белецкий, братья Бекну и Габриель Хергиани, Юрий Смирнов и я... Ориентировка затруднена. Взяли левее. Габриель и я проваливались несколько раз в трещины. У Белецкого то и дело гнутся зубья на левой кошке... Нудный длинный траверс от «Приюта Пастухова» к седловине. Ветер в лицо. На щеках и носу то и дело образуются ледышки. В 10.20 подошли к домику на седловине (5300 м) — забит снегом. В 30 метрах — могила с крестом. Оставили рюкзаки, начали крутой снежный подъем на вершину. На вершинном плато туман. Не видно ни зги...»

Дополняя дневник, Александр Игнатьевич Сидоренко рассказывает:

— С большим трудом, в условиях крайне плохой видимости, группа поднялась, как нам тогда казалось, на вершину. Мы установили тут советский флаг. А когда начали уже спускаться, зоркие глаза охотника из Сванетии, моего друга Бекну Хергиани, разглядели вдруг позади и вверху между разрывами в сплошной белой пелене облаков какие-то две точки. «Вершина там! И флаги фашистские там! — сказал он.— Что будем делать?»

Высота и лютый февральский мороз давали себя знать, обжигали легкие, шквальный ветер выматывал последние силы. Н. Гусак, учитывая сложность обстановки, разрешил двум добровольцам, находившимся в лучшей спортивной форме, старшему инструктору по альпинизму 900-го горнострелкового полка Александру Сидоренко и бойцу Сванского истребительного отряда Бекну Хергиани идти вверх, а остальным приказал спускаться. Сам же стал ожидать двух смельчаков. Они исчезли на рассвете в сером хаосе бурана.

Захлебываясь разреженным морозным воздухом, преодолевая отполированные ветрами ледовые склоны, наперекор бешеным порывам снежной вьюги они подошли наконец к триангуляционной вышке на самой вершине. Здесь развевались потрепанные ветрами два фашистских военных флага.

Группа, ожидавшая товарищей у «Приюта одиннадцати», тревожно всматривалась в заснеженную даль. Периодически зажигали паклю, вели стрельбу, чтобы ориентировать друзей, двигавшихся в сплошной мгле. Наконец в 17.40 Сидоренко и Хергиани появились. Их обнимали, поздравляли, но самым лучшим поздравлением было полученное по радио сообщение: «Наши взяли Ростов и Харьков».

Через несколько дней буран стих, и 17 февраля вторая группа под руководством А. Гусева вышла на штурм Восточной вершины (5621 м). Погода на этот раз благоприятствовала. Небо очистилось от туч, и на его сине-фиолетовом фоне под лучами яркого солнца засверкала белоснежная двуглавая вершина Эльбруса. Альпинисты благополучно добрались до высшей точки. На ней не оказалось ни флага, ни флагштока. Спортсмены-воины бережно развернули красное полотнище. Прогремел залп салюта из пистолетов и автоматов. Отныне над Эльбрусом будут развеваться только советские флаги!

Задание командования Закавказского фронта было успешно выполнено.

...Прошло 39 лет. По-разному сложились судьбы двадцати участников этой операции. Половины из них, к сожалению, уже нет. Другие продолжают свое восхождение в науке, труде, альпинизме. Пятеро стали заслуженными мастерами спорта, среди них — Александр Михайлович Гусев, доктор физико-математических наук, профессор Московского университета, заведующий кафедрой физики моря, в первой антарктической экспедиции он руководил станцией Пионерская; мастер спорта Владислав Диомидович Лубенец, профессор, заведует кафедрой в МВТУ имени Баумана; Александр Игнатьевич Сидоренко, заслуженный мастер спорта, заслуженный работник культуры РСФСР, работает кинооператором Центральной кинолаборатории «Союзспортфильма». В родном Местиа в Сванетии живет его друг, заслуженный мастер спорта Бекну Хергиани, он уже на пенсии, но ведет большую общественную работу; Борис Васильевич Грачев, полковник в отставке, трудится в Минвнешторге; Алексей Алексеевич Немчинов — на пенсии. Профессором и доктором физико-математических наук стал Георгий Константинович Сулаквелидзе. Он работает в Тбилиси. Никита Арамович Петросов — кинооператор студии «Центрнаучфильм». Заслуженный мастер спорта Анатолий Васильевич Багров живет в Москве, работает в МВТУ. В Университете дружбы народов имени П. Лумумбы трудится кандидат химических наук, единственная женщина в группе смельчаков, Любовь Георгиевна Коротаева.

...Эльбрус шумит и грохочет февральскими снежными лавинами. Седоголовый великан салютует героям-альпинистам, свершившим свой подвиг 39 лет назад.

Генрих ДАЙГОРОДОВ

На снимке: участники восхождения на Эльбрус в феврале 1943 года.

Фото заслуженного мастера спорта А. СИДОРЕНКО.

ДИКАЯ ПОЛЫНЬ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

«Вот уже более пяти десятков лет вижу я, какие неисчислимые несчастья приносят сионисты людям моей национальности!» — с горечью пишет в своей книге «Дикая полынь» известный советский писатель и драматург Цезарь Самойлович Солодарь. Книга эта недавно вышла вторым, дополненным изданием.

Уже сам по себе этот факт — свидетельство своего рода публицистического «знака качества». Ибо литератор Ц. С. Солодарь известен и как талантливый публицист-антисионист, автор целого ряда статей, брошюр и книг, в которых он рассказывает о дикой полыни сионизма — расистской идеологии, захватнической практике и всепланетной системе организаций крупной буржуазии еврейского происхождения. Составляя часть империалистической буржуазии мира, еврейская буржуазия ставит задачей максимальное упрочение своих позиций в системе капитализма, в частности путем создания, расширения и укрепления собственной «империи» — государства Израиль. Для этого сионисты всегда готовы были использовать любые, самые подлые методы, предавая интересы широких еврейских масс.

— Еще подростком, — вспоминает Ц. С. Солодарь,— в двадцатых годах мне на Украине впервые довелось увидеть двоедушие сионизма, увидеть горести моих земляков — жертв этого двоедушия.

...Досоветская Винница. Был в ней квартал еврейской голытьбы, «ничегошных людей», как называл неимущих евреев Шолом-Алейхем. Были виллы и еврейских богачей — сахарозаводчиков, купцов, ростовщиков. Еврейское население Российской империи — как и везде в мире — никогда не было чем-то однородным, «одним телом». Как и среди других народов России, среди евреев были пролетарии и миллионеры, угнетенные и угнетатели. В. И. Ленин неоднократно отмечал, что водораздел между населением царской России проходил не по национальным, а по классовым рубежам. Так было и с евреями. И когда на евреев Винницы, рассказывает Ц. С. Солодарь, весной 1919 года обрушился еврейский погром, он не коснулся гвиров — богатых евреев; разграблены и разгромлены оказались лачуги и подвалы ам-гаарецов — нищих евреев.

Почему? — задает вопрос автор и отвечает на него так: «Ларчик открывался просто. Богатейшие винницкие евреи через местных сионистских заправил передали петлюровскому командованию крупную денежную сумму. Этак они единым махом и выкупили себя, и запродали с потрохами еврейскую бедноту погромщикам».

Но сионистский ларчик имел и потайное дно. Анализ истории еврейских погромов в России в период до установления Советской власти свидетельствует: зачастую погромы провоцировались сионистской агентурой с тем, чтобы дубинкой антисемитизма гнать евреев России в Палестину. Та же предательская политика применяется по сей день; и это доказывается всем содержанием богатой фактами книги, в которой в качестве главного ключа к пониманию сущности международного сионизма использован классовый подход.

Шовинизм и расизм опасны, как сильнодействующий наркотик; пример тому — нацизм, античеловечность которого оказалась во многом сродни сионистским установкам «избранного народа». Характерно, что с первых же дней установления в Германии гитлеровского господства, рассказывается в книге Ц. С. Солодаря, между нацистским руководством «третьего рейха» и главарями ведущих организаций сионизма, их секретными службами установились взаимные контакты, было налажено выгодное для каждой стороны сотрудничество. Сближала сионистов и нацистов также общая платформа непримиримой ненависти к идеям коммунизма, социалистическому государству — Советскому Союзу. Антикоммунизм и антисоветизм так же неотделимы от сионизма и фашизма, как и их лакейство перед монополистической буржуазией, их презрение к трудящимся и «чужим» народам.

«Во время войны, — пишет автор, — сионистские агенты успешно выкупали у гитлеровцев и переправляли за границу еврейских коммерсантов и промышленников, которые обладали солидными текущими счетами в банках нейтральных стран и могли щедро оплатить посредничество сионистов. Выкупалась и нужная для переброски в Палестину молодежь. А десятки тысяч «обыкновенных» евреев были брошены сионистскими заправилами на произвол гитлеровцев».

Причем не просто брошены, но преданы гитлеровским палачам-антисемитам. Есть документированные данные — Ц. С. Солодарь ссылается на них, — что имел место сговор сионистов с нацистами по совместной организации в Германии еврейских погромов — как при Николае II или Петлюре. «...Сионисты смекнули: чем чаще захватившие власть в Германии фашисты будут учинять еврейские погромы... тем большее число неимущих евреев вынуждено будет бежать оттуда в Палестину».

Сионисты с их организационными возможностями фактически помешали евреям Европы активно бороться с фашизмом совместно с другими народами в рядах Сопротивления. Раввин из США Моше Шонфельд в своей книге «Жертвы уничтожения обвиняют» (Нью-Йорк, 1977) прямо называет всех тогдашних ведущих лидеров сионизма, из которых позднее некоторые стали главарями Израиля, однозначно: пособники нацистов, предатели евреев, еврейские военные преступники. Это Хаим Вейцман, Моше Шарет, Давид Бен-Гурион, Наум Голдман, сионистские фюреры поменьше рангом — читатель узнает о них из книги Ц. С. Солодаря «Дикая полынь».

Книга эта не научный трактат, хотя все приведенные в ней установки основываются на строго научных концепциях; она написана от первого лица, зачастую в форме фельетона, памфлета, динамично и читается с неослабевающим интересом. В ней использован огромный доказательный материал — результат тщательного изучения документов, досье, монографий, текущей периодики. И все же главное в книге «Дикая полынь», на мой взгляд, — это элемент, так сказать, «полевых исследований», то есть личного

Ц. Солодарь. Дикая полынь. Издание 2-е, дополненное. М., «Советская Россия». 1981.

ДОМ СТАНИСЛАВСКОГО

Холодной стояла весна 1921 года... Высокий красивый человек, укутанный в шубу, переступил порог своего нового жилища, и с той минуты старинный особняк в Леонтьевском переулке зажил удивительной жизнью. Здесь в ожидании мудрого и грозного учителя толпились актеры; молился об удачной репетиции великий Москвин; плакал у окна совсем еще молодой Яншин...

Здесь жил Станиславский. В создании мемориального музея, открывшегося в 1948 году по решению Советского правительства, активное участие принимали дети Станиславского — Кира Константиновна и Игорь Константинович. Однако уже в 1972 году музею потребовался не только капитальный ремонт, но полная реставрация.

Сегодня Дом-музей К. С. Станиславского снова принимает посетителей.

Знаменитый «онегинский зал». Маленькая «домашняя» сцена описана Станиславским в книге «Моя жизнь в искусстве»; здесь шли занятия по его системе, уроки ритмики и акробатики; сюда приходили студенты.

Станиславский значительную часть своего крупного состояния потратил на «Общество искусства и литературы», а потом на создание и содержание Московского Художественного театра.

Немалая сумма ушла на «венецианское» кресло, вывезенное из Италии ради спектакля «Отелло». Украшающие кабинет литые подсвечники и канделябры потребовались для «Царя Федора Иоанновича», двойное «романское» кресло — для «Много шума из ничего». Гобеленовая мебель также была приобретена для театральных нужд.

На основе личных вещей Станиславского сформирована фондовая выставка «От коллекции к спектаклю». А начиналось это коллекционирование с увлечения молодого человека старинным оружием. Так возник «готический» кабинет. Дверь кабинета, выполненная по эскизу художника Соллогуба, использовалась как элемент декорации в «Скупом рыцаре», где Станиславский, игравший Скупого, выходил на сцену с настоящей шпагой XVII века. В постановке «Много шума из ничего» Бенедикт появлялся, вооруженный старинным мечом, найденным в Средней Азии. Этот меч перешел позднее к Шуйскому в «Царе Федоре».

Коллекционирование было страстью молодого Станиславского, но настоящая охота за раритетами началась лишь после перехода кружка любителей к профессиональному театру. Театр снаряжал целые экспедиции, например, на Нижегородскую ярмарку, куда ездили за деревянной посудой, резной мебелью, старинным шитьем для «Царя Федора». Декорировали царские туалеты театральные рукодельницы — жена Станиславского Мария Петровна Лилина и актриса Николаева-Григорьева.

Множество вещей давней эпохи собрано здесь, в музее. Лубяные хлебницы и лукошки, вальки из дерева, сундук, изготовленный в Великом Устюге, посох настоятельницы Хотьковского монастыря. Однако же это не было слащавым умилением перед «матушкой Русью». Станиславский любой ценой стремился найти «душу» костюма, изюминку театрально-декорационного оформления.

Шел и поиск своего художника, который принял бы безоговорочно «религию» нового театра. Настоящим подарком судьбы оказалась встреча Станиславского с кружком А. Бенуа, одного из основателей выставок «Мир искусства». Об отношении Станиславского к «мирискусникам» говорят эскизы А. Бенуа к спектаклям «Мнимый больной» и «Хозяйка гостиницы», хранящиеся в кабинете... Продолжавшаяся долгие годы дружба с Егоровым, Ульяновым, Добужинским отражена в эскизах и набросках, театральных костюмах, макетах...

Наряду с театральным реквизитом собиралась обширнейшая режиссерская библиотека. На вместительных полках Мольер, Шиллер, Софокл и Еврипид, Метерлинк, энциклопедический словарь Брокгауза, «Всемирная история» Вебера, альманах «Московский Художественный театр».

Идею экспозиций выражают слова Константина Сергеевича, написанные им по просьбе артистки Тихомировой, когда она пришла поздравить Станиславского с семидесятилетием:

участия автора в расследовании «на месте» антиеврейского деяния, имя которому — сионизм. Ц. С. Солодарь посетил ряд стран Западной Европы, он лично встречался и со многими сионистскими лидерами разного калибра, и с активистами сионизма, и с жертвами сионистской политики, включая тех бывших советских людей, которые, став зачастую жертвой обмана, решились сдать наш красный паспорт и отправиться в чужие, капиталистические края.

Важное место в книге Ц. С. Солодаря отводится разоблачению враждебной евреям политики сионистов и правителей государства Израиль, которое благодаря им стало в наши дни синонимом антиарабского геноцида, агрессии, жестокости и международного терроризма. Политика сионизма по сути своей, доказывается в книге «Дикая полынь», носит не только антиарабский характер; она фактически антиеврейская, антисемитская политика.

...В человеке, писал в XIX веке Ицхок Лейбуш-Перец, живут два духа: дух добра и дух зла. Дух добра — он у тех, кто сеет пшеницу, пасет скот, строит дома, лечит людей, одним словом, творит жизнь. Дух зла у тех, кто стремится жить за счет других обманом, грабежом, разбоем, предательством, войной.

Книга Ц. С. Солодаря «Дикая полынь» написана с позиций духа добра и направлена против сионистских духов зла. Она неопровержимо доказывает: под маской «защиты евреев мира» сионизм ради интересов еврейской буржуазии (и империализма в целом) предает интересы трудящихся евреев в Израиле и в других странах.

Л. А. КОРНЕЕВ,
кандидат исторических наук

«...В чем счастье на земле? В познавании. В искусстве и в работе, в постигновении его. Познавая искусство в себе, познаешь природу, жизнь мира, смысл жизни, познаешь душу — талант. Выше этого счастья нет...»

Заведующий Домом-музеем В. П. Григорьев и его сотрудники проделали огромную работу. Бесценные экспонаты: уникальную мебель, предметы антиквариата, театральные костюмы — все это надо было не только отреставрировать, но привести в единое композиционное целое, чуть ли не заново восстановить первоначальный облик. Работе помогали также директор музея МХАТа П. П. Кабанов, мастерские театра, искусствоведы, театроведы, художники, историки...

— Сегодня Дом-музей видится нам действенным культурным центром,— говорит В. П. Григорьев.— Планируются циклы тематических вечеров, лекции, посвященные жизни и творчеству Станиславского, встречи со «стариками» МХАТа и бывшими учениками оперной студии. Программа обширная, и работа предстоит большая. Да иначе и быть не может! Ведь здесь жил Станиславский...

Е. ИВАНОВА

Фото А. Козьмина

земля родная

В московском Доме ученых АН СССР состоялось заседание научной секции охраны памятников истории и культуры, посвященное проблемам острова Валаам. Выступившие на заседании историки, архитекторы, художники, биологи говорили о бедственном положении, в котором находятся памятники Валаама, и об общекультурном национальном значении великолепной жемчужины русского севера. Мы публикуем статью журналиста, общественного инспектора центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры М. Б. Поспелова, анализирующего современное состояние заповедника Валаам.

СУДЬБА ВАЛААМА

Михаил ПОСПЕЛОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

О многом могли бы рассказать скалы Валаама! Да разве скажут они — побратимы вечности?

Североладожские острова — древнейший форпост русских людей в их борьбе с языческими племенами, с агрессивными северными и западными соседями. Поселения на Валааме неоднократно подвергались опустошительным набегам шведов. Лишь в начале XVIII века по указу Петра I началось восстановление Валаамского монастыря. По Ништадтскому договору со Швецией в 1721 году Карельский уезд и Валаам навеки закреплены за Россией.

Несколько столетий Валаам был островом монашеским. Точная дата основания Валаамского монастыря неизвестна. Историки утверждают лишь, что монастырь на Валааме старше Соловецкого и Коневского — последний основан в 1397 году Арсением, который еще раньше был монахом на Валааме. До недавнего времени в Спасо-Преображенском монастыре, в отдаленных, глухих скитах и «пустыньках» жили своей странной и чуждой для нас жизнью ушедшие от всего мирского монахи. Труд — немногое, но чрезвычайно важное, что они взяли от мира. Труд тяжкий, можно сказать, жестокий, понуждаемый всем укладом монашеской жизни, сложной и строгой иерархической системой монастырского хозяйствования. Плоды этого труда встречаются на Валааме повсюду. Труд воплощен в дереве, в камне, в металле, в зеленых насаждениях — везде и во всем. Проделаны огромные строительные, земляные, ирригационные работы. На островах находятся интересные памятники архитектуры и истории, их около пятидесяти, лишь учтенных, номинально охраняемых. Есть очень древние сооружения, изучение которых могло бы дать совершенно уникальные, сенсационные открытия. Есть постройки XVIII века. Многие грандиозные, изумительной красоты памятники возведены в середине XIX века архитектором и художником, академиком А. М. Горностаевым, которого пригласил игумен Валаамского монастыря Дамаскин. Около ста лет назад были построены великолепные конюшни, коровники, птичники, кузница, лесопильный, смолоперегонный и кирпичный заводы, различные мастерские, работали паровая и водоподъемная машины...

Летом 1940 года пароход «Володарский» доставил на Валаам около двухсот одетых в морскую форму мальчишек 15—16 лет — юнг. На острове была организована спецшкола боцманов. Хорошо было юнгам на Валааме! Но через год война обрушилась и на валаамских воспитанников. 4-я морская бригада, куда входила рота юнг, была направлена на один из самых трудных участков Ленинградского фронта — на Неву. Юноши, встретившие войну на Валааме, возмужав, доблестно сражались на различных фронтах Великой Отечественной, и многие, очень многие из них погибли в боях за Родину...

В 1950 году на острове в монастырских помещениях был организован дом инвалидов войны. На Валаам привезли воинов, наиболее тяжело раненных, страшно и трагично искалеченных в жесточайших битвах Великой Отечественной войны. Сейчас трудно оценить правильность такого шага. Но известно, что принято решение перевести дом инвалидов с Валаама на побережье Ладоги, однако строительство удобных корпусов неоправданно затягивается.

Многие из инвалидов, поселившись на Валааме, вернулись к трудовой жизни, вновь испытали благотворное влияние активной деятельности на благо Отечества.

Хочется сказать об одном таком славном человеке. Зовут его Степан Фомич Алексюк. Сейчас ему без малого 80 лет. В войну тяжелая контузия подорвала его здоровье, и он был одним из первых приехавших на Валаам. Здесь он и живет уже 32 года. В инвалидном доме провел 17 лет, подлечился. Сейчас Фомич, как его зовут туристы, работает матросом причала. Выглядит бодро, гораздо моложе своих лет. В разгар туристического сезона до 12 теплоходов приходит ежедневно на остров — забот у Фомича много. Вдобавок он еще фотолюбитель, интересуется старинными книгами. Но основная его забота, как и у многих коренных жителей острова,— будущее Валаама. Степан Фомич добрый, улыбчивый человек, но, когда его спрашивают, какие изменения на острове наблюдает он за минувшие 30 лет, лицо Фомича становится грустным...

«Много изменений, много... плохие все изменения. Если ничего не предпринять, то сгрызут остров, сгрызут...» — говорит он.

Тому, кто хорошо знаком с проблемами, точнее, с бедами Валаама, эти грубоватые слова могут показаться иносказательными. Начались беды от элементарной беспризорности, бесхозяйственности. В конце шестидесятых годов нашлись люди, которые ничтоже сумняшеся широко вещали: «Почти все сохранившиеся до нашего времени монастырские строения Валаама не представляют архитектурной ценности». В результате таких безответственных заявлений резко усилилось «сгрызание» острова, участились акты вандализма. В чем же выражались они? Все, на что способна злая или скудная

Умирающие сосны Валаама.

умом и сердцем фантазия, со скорбью и гневом можно встретить на Валааме: от надписей аршинными буквами на скалах и стенах архитектурных и исторических памятников, соскабливания росписей, метания в них камней и выстрелов из ружей до кропотливой разборки кирпичных стен, спиливания металлических деталей решеток, снятия с колоколен большинства колоколов.

Приходит в упадок безнадзорное хозяйство Валаама. Идеально ровные когда-то дороги теперь совсем разбиты, «изгрызены», и разболтанный поселковый автобусик еле-еле пробирается по ним, выматывая душу у пассажиров. А ведь еще в шестидесятых годах молоко по дорогам острова возили на машинах на полной скорости в открытых баках — бидонов не хватало,— и оно не расплескивалось.

Но бесхитростный Степан Фомич был далек от иносказаний. Прямой смысл его слов не менее печален, чем их толкование, изложенное выше. Суть же этих слов такова: каменное тело Валаама на больших участках прикрыто лишь тонким слоем грунта, который часто перемешан с продуктом разрушения камня, непрочной, сыпучей дресвой. Это скудное грунтовое покрытие, заросшее мхами и травами, чрезвычайно ранимо. Мхи и травяной покров стабилизируют грунты, но достаточно малейшего нарушения этого самого верхнего живого защитного слоя, например, от безобидной, казалось бы, прогулки нескольких человек, как дожди, морозы, ветры начинают интенсивно разрушать почву. Особенно быстро происходит это на склонах, где очень любят фотографироваться «на память» умиленные красотой Валаама экскурсанты и туристы. Почва оползает, выветривается, обнажаются жилистые, натруженные корни валаамских сосен, и деревья умирают, вцепившись засохшими, мертвыми корнями в глубокие расщелины камней. Так стоят они еще несколько лет тяжким, немым укором для тех, кто лишил их почвы. Берега острова не те, что острыми скалами застыли, как стражи веков, а пологие, когда-то покрытые душистым разнотравьем: колокольчиками, ромашками, земляникой,— сползают в воды Ладоги.

Неблагополучны на острове и искусственные посадки. Известно, что монахи завезли на скалистый остров десятки тысяч мешков плодородной земли. Укрепленная тщательно переплетенными прутьями, эта земля явилась основой для замечательных обширных садов. Двадцать с лишним гектаров редчайших плодовых и ягодных насаждений, парниковое хозяйство давали раньше обильные урожаи. Сейчас с грехом пополам плодоносят лишь полтора-два гектара. Более чем в десять раз сократились площади пашен и огородов, было которых около тридцати пяти гектаров.

И еще одна страшная угроза для валаамских лесов. В жаркие летние дни достаточно одного непотушенного окурка, чтобы во мхах, травах и сухих смолистых ветках, раздуваемый свежим ладожским ветром, вспыхнул всепожирающий огонь. Так выгорел полностью около десяти лет назад один из островов Валаамского архипелага, остров Авраамия Ростовского. Печален вид его сейчас. Не менее столетия необходимо, чтобы поднялся на этом месте лес, подобный тому, который сгорел в один несчастный день. Что же говорить о кострах, тут и там разжигаемых «дикими» туристами, теплоходными туристами-экскурсантами и свободными от вахт экипажами многочисленных теплоходов, приходящих на Валаам?

Местное лестничество возглавляет энергичная, деловая Татьяна Николаевна Волкова, работающая на Валааме уже 15 лет. Беседа с ней подтвердила бедственное состояние замечательных валаамских лесов. В связи с этим непонятно, почему на Валааме действует всего лишь обыкновенное лесничество, почему оно до сих пор не имеет статуса и штата лесничества заповедного, уникального леса, несмотря на то, что принятое 28 августа 1979 года Советом Министров РСФСР постановление «О мерах по сохранению и использованию памятников истории и культуры и природного ландшафта Валаамских островов» предусматривает создание на островах музея-заповедника.

Заповедный лес, бесценное достояние народа, редчайшая коллекция деревьев севера России! На Валааме встречаются сосны-великаны, редкие деревья, с которых собирают семена, сосна Муррея, кедр сибирский, пихта бальзамическая дугласия, дуб черешчатый в возрасте до 100—200 лет. Татьяна Николаевна рассказывает: «Боремся, конечно, за сохранность леса, но нет у нас необходимых прав. Выходим, например, в лесу на костер. Вокруг огня группа человек 10—12 из команды теплохода с дамами, шашлыки жарят. Рядом ящик с вином и пивом. У берега шлюпка с мотором. Нас двое, одну-то и слушать не стали бы. Начинаю уговаривать — гасите костер. После легкого, насмешливого хамства и издевательств получаю обещание — сейчас погасим, теперь шашлыкам нужны только угли. Уходим с объездчиком дальше по берегу, через полчаса-час возвращаемся по этой же дороге — костер еще больше — шашлыков не хватило, еще угли нужны, будем жарить вторую порцию... пьяны уже, еще более нахальны. Обещаю сейчас же идти к капитану теплохода. Опять препирательства — а что нам капитан? Мы сейчас не на вахте, мы отдыхаем... А теплоходов летом до двенадцати в день приходит...» Вот так приходится работать немногочисленным лесникам Валаама. И только ли лесничество должно охранять остров?

А культурное значение бесценной реликвии русского севера?! Среди поклонников Валаама были замечательные люди искусства, художники: М. Клодт, Ф. Васильев, И. Шишкин, А. Куинджи, Н. Рерих, Р. Кент. Каждый из них в многообразии валаамского ландшафта находил близкую сердцу натуру, величайшее вдохновение. В прошлом веке Петербургская Академия художеств устроила на Валааме натурный пейзажный класс. Вот бы и нашим современным художникам уделить побольше внимания удивительным островам. Писали о Валааме А. Апухтин, В. Немирович-Данченко, Александр Чехов. Вдохновлял Валаам и крупнейшего русского писателя Лескова, и гениального Чайковского, и многих, многих других деятелей отечественной и мировой культуры.

Сейчас, наверно, трудно установить, в каких именно номерах гостиницы жили Чайковский, Шишкин, Рерих, чтобы создать мемориальные комнаты, но сколь необходим был бы такой же, если не больших размеров, обелиск, как и поставленный в честь сомнительно благочестивых особ царствующего дома, но уже с перечислением знаменитых, действительно великих людей культуры и искусства, посетивших Валаам.

В чем же конкретно основные беды Валаама? Остров подвергается практически неконтролируемому воздействию.

«Теплоходные туристы», те, кто путешествует по воде в каютах того или иного класса и, сходя с теплохода, 10—12 часов пребывают на острове безнадзорно и раскованно. Всего за сезон таких туристов на Валааме бывает 110—120 тысяч. Одновременно на острове в летние дни собирается свыше тысячи «теплоходных туристов». Экскурсоводы музея пытаются разбить их на группы, организовать обзор достопримечательностей, поведать о Валааме... Но экскурсоводов всего несколько человек. Ждать никто не хочет. Стихийно собирающиеся группы по 100—150 экскурсантов абсолютно неуправляемы. Ни один, даже самый опытный экскурсовод не может овладеть вниманием стольких людей. Об этом с горечью рассказывали опытнейшие работники Валаамского музея Петр Николаевич Вакулин, Владимир Федорович Фомин и другие. Да и не все пассажиры теплоходов, далеко не все так уж стремятся услышать о Чайковском, Рерихе, Лескове, об истории Валаама, а погулять по травке, сфотографироваться в оголенном корневище мертвой уже сосны, выпить бутылочку-другую под кустиками... Когда же загудит теплоход перед отправкой, до уборки ли тут стеклобоя, консервных жестянок, пакетов и объедков?

Не остаются в стороне и экипажи теплоходов, швартующихся на Валааме. Сразу с теплоходов на остров выходит несколько десятков свободных от вахт членов экипажей. Казалось бы, не так уж много, но качественно воздействие этих людей на остров гораздо мощнее, изощреннее: если рыбу, то берут мешками; если выпивают, то под шашлыки; если пишут на скале, то не углем или мелом — масляную краску тащат в ведре и мажут малярной кистью: «т/х... имярек... число, месяц, год и фамилия писавшего».

Далее «дикие» туристы. Количество их трудно подсчитать, но, по оценке работников лесничества и инструкторов турбазы, «диких» в иной день в различных укромных бухтах побережья Валаама рассеивается свыше 150 человек. Они приезжают со своими палатками, провизией на несколько недель на моторных лодках из различных североладожских населенных пунктов. Им закон вообще не писан — полная свобода действий.

И, наконец, туристы, живущие на турбазе «Валаам». Единовременно турбаза «Валаам», расположенная рядом с пристанью в Красном скиту, обслуживает до 300 туристов. Больше половины этого числа постоянно с инструкторами находится в походах. Туристические маршруты — пешие по острову и лодочные вокруг острова — строго спланированы, стоянки оборудованы кострищами, местами для палаток, сбора мусора. Всего за сезон по туристическим путевкам остров посещает 2700 человек.

Не хотелось бы как-то идеализировать турбазу «Валаам». Безусловно, и там есть недостатки, кое-какие недоработки со снабжением, благоустройством, в частности тех туристов, которые не идут в походы. И все же наибольшее беспокойство за судьбу Валаама выражают не ответственные работники культуры Карельской АССР, не руководители организации по туризму и экскурсиям или Петрозаводского краеведческого музея, филиалом которого почему-то является архитектурный и природный заповедник Валаам (очень странная субординация!), и, уж конечно, не работники Северо-Западного речного пароходства, исповедующие лишь одну заповедь «возить нам, не перевозить», а такие влюбленные в Валаам энтузиасты, как А. В. Климин и В. А. Широкопояс, создавшие изумительные слайд-фильмы о Валааме, такие, как Н. А. Костяшкин, собравший очень интересный материал о людях искусства, посетивших Валаам, и многие другие туристы, ежегодно приезжающие на остров и пользующиеся услугами турбазы.

Что же касается областных и республиканских культурных, туристических, транспортных и других организаций, то, эксплуатируя богатства Валаама, они очень мало заботятся о восстановлении былого великолепия замечательного острова. Представляется, что они блуждают в бюрократически-канцелярских дебрях и спорах. Так, например, в свете сказанного здесь о настоящих туристах в высшей мере удивительно было читать в одном из многочисленных документов о Валааме такую фразу: «Валаамская турбаза представляет тот гордиев узел, разрубив который можно избавиться от трудных проблем острова»,— эти слова написаны в разъяснение категорического требования закрыть турбазу на Валааме. К сожалению, искусственно поднятый и многолетне раздуваемый вопрос о турбазе отвлекает внимание многих руководящих работников от действительно больных вопросов и проблем Валаамского архипелага.

Если уж уменьшать огромный летний людской поток на остров, а это, конечно, совершенно необходимо, то не столько за счет настоящих туристов, хотя и их пребывание на острове следует ограничить и лучше организовать, а полностью уничтожив «дикий» туризм, резко снизив число и время пребывания на острове теплоходных туристов и строго ограничив вольную деятельность на островах свободных от вахт экипажей пассажирских теплоходов.

Заповедный Валаам не место и для сооружения разного рода «Домов творчества» и объектов дачного отдыха — как ни странно, и о таких методах «спасения» острова довелось слышать, знакомясь с его современным положением. А вот небольшой натурный пейзажный класс, подобный бывшему здесь в прошлом веке, пожалуй, был бы естествен на Валааме.

Сейчас, по сути, у Валаама хозяина нет, вернее, их множество. А у семи нянек, как говорится, дитя без глазу. Так не пора ли наконец навести порядок в заповеднике, более напоминающем сейчас зону плохо организованного летнего отдыха, и выполнять принятое в 1979 году постановление правительства РСФСР.

Главная проблема Валаама — в явном несоответствии очень большого, общесоюзного природного, исторического и культурного значения замечательного комплекса объектов Валаама и очень малых возможностей современного хаотического, децентрализованного хозяйствования на островах архипелага.

На Валааме сейчас следует наладить хотя бы элементарную (для начала) охрану общественного порядка, природы, архитектурных сооружений (пока остров практически беззащитен), увеличить штаты лесничества и музея, развернуть широкую консервацию памятников и действенную реставрационную работу, они, увы, сейчас производятся более на бумаге.

Значение Ладоги и Валаама для нашего общества сравнимо с обширной зоной Байкала, Беловежской пущей, строго заповедной Куршской косой в Литве. Мало того, эти архитектурные ансамбли, мемориалы культуры как бы продолжают грандиозную коллекцию архитектурных и исторических памятников Ленинграда и его окрестностей. Так почему бы охраной и эксплуатацией Валаама не заняться конкретно и действенно, напрямую, а не по временным договорам реставраторам, природоведам, искусствоведам Ленинграда.

Валаам—чудесный комплекс архитектурных памятников, реликвия русской культуры, уникальный даже для нашей страны природный комплекс, и хранить его следует централизованно, общесоюзно, государственно. Заповеднику до́лжно быть заповедным.

ОКНО ТАСС №993
1941
1944
ТРИ ГОДА ВОЙНЫ
художники – КУКРЫНИКСЫ

$
N
КУКРЫНИКСЫ-81
ТАК ДЕРЖАТЬ!

СИЛА ПРАВДЫ

Художник принадлежит своему времени — эта мысль высказана Оноре Домье. Истинное творчество всегда отражает жизнь своей эпохи, каким бы индивидуальным и своеобычным оно ни было. Однако в мире искусства встречаются большие мастера, которые не только умеют выражать красоту бытия своего народа, своей Родины, но и напрягают всю мощь таланта, чтобы разить зло и несправедливость, существующие еще на Земле. Одним из наиболее ярких представителей такого дара был великий испанец Франсиско Гойя.

У нас в Советском Союзе в двадцатых годах родилось содружество художников, небывалое во всем мировом искусстве. Три молодых мастера объединились воедино и создали за пятьдесят семь лет необъятный по охвату, свой огромный мир самых разных по жанру произведений графики и живописи, обозначенный одним именем Кукрыниксы. Их зовут Куприянов, Крылов, Ник. Соколов.

Не так давно в Москве, на Кузнецком мосту, в Доме художника, была развернута выставка их творений, посвященная сорокалетию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. К сожалению, на выставке не были представлены большие станковые живописные картины, развивающие эту же тему,— «Таня», «Бегство фашистов из Новгорода», «Конец», «Обвинение» (некоторые из них будут показаны на экспозиции в Ленинграде), но даже отсутствие этих полотен нисколько не снизило того неповторимого ощущения, которое дало зрителю знакомство с собранием «Окон ТАСС», газетными карикатурами, плакатами того незабываемого времени. Вспоминаются слова большого американского художника Рокуэлла Кента, написанные в те грозные годы Кукрыниксам: «Вы стали всемирно известной силой в международной солидарности людей, в их общей ненависти к фашизму и борьбе за его разгром. Пусть одобрение мира даст вам еще больше уверенности и силы...»

Сурова была Москва зимой сорок первого года. Неповторима графика прифронтового города. Колючие перекрестья железных надолб. Странные пятна светомаскировки на домах. Сверкающие белизной сугробы и исчерченный дочерна следами танков, боевых машин, тысячами тысяч солдатских сапог снег мостовых.

Яркие голоса «Окон ТАСС» в витринах и на стенах зданий. Все это, как и фиолетовые огоньки затемнения и мерцающие клинки прожекторов,— все сливалось в одну незабываемую картину огромного города-героя, борющегося с врагом.

Строгое, жесткое время испытывала Родина. И каждому истинному гражданину приходилось отвечать за судьбу Отчизны.

Само время задавало вопрос: «Чем ты помогаешь Победе?»...

24 июня 1941 года, на третий день после коварного нападения гитлеровцев, Москва увидела плакат «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!».

Богатырь в краснозвездном шлеме разил алым штыком зловещего маньяка, предательски сбросившего бумажную маску миротворца. Художники ясно и четко обозначили лицо врага — фашизм.

Москвичи, все советские люди сразу узнали почерк этого первого плаката, созданного в дни Великой Отечественной войны. Острый, беспощадный, бескомпромиссный язык авторов был широко известен.

27 июня 1941 года были организованы и начали действовать «Окна ТАСС», возродившие славную традицию «Окон РОСТА» времен гражданской войны. Лучшие, талантливейшие художники и поэты той поры участвовали в их создании. Одними из самых энергичных и активных сотрудников этих мастерских были Кукрыниксы. Плакаты, которые они творили, иногда дублировали карикатуры, публиковавшиеся в «Правде».

У входа в мастерские «Окон ТАСС» не прекращался поток автомашин, мотоциклов, приходящих прямо с фронта. Заснеженные, забрызганные дорожной грязью большие грузовики, крытые брезентом, и юркие «эмки»,— они круто тормозили на Кузнецком. Из них выскакивали люди в полушубках, в серых шинелях, в ватниках. Хлопали двери. И через миг люди уже разглядывали и обсуждали новые, свежие, еще только оттрафареченные тиражные оттиски, пахнущие масляной краской боевые антифашистские плакаты. Это тоже было оружие, действенное, и художники, поэты, делавшие эти сатирические листы, чувствовали живую связь с фронтом и отдавали все силы для общего, святого дела.

Кукрыниксы в ту пору не знали покоя, они работали страстно, одержимо.

Вот что вспоминает поэт С. Я. Маршак:

«С замечательными художниками Кукрыниксами по-настоящему нас сблизила война. В эти суровые годы мы все понимали, что у художника и поэта нет более высокой задачи, чем защита Родины и борьба с фашизмом. Почти каждый вечер мы вчетвером пробирались по затемненным московским улицам в редакцию «Правды» и часто оставались там до глубокой ночи. Работать приходилось в условиях самых необычных. До войны мы были хозяевами своего времени, а тут рисунок и стихи должны были поспеть к сроку, чтобы в тот же вечер попасть в печатную машину. И при этом надо было стремиться к строгой простоте, к лаконичности, чтобы как можно точнее бить в цель... Ведь стрела только тогда попадает в цель, когда тетива натянута туго. Да к тому же нам всем четверым — и художникам и мне — помогал тот душевный подъем, который согревал нас и придавал нам бодрость в самую трудную пору войны. Именно в это время появился наш плакат «Внуки Суворова, дети Чапаева». За ним последовали и другие плакаты военного времени. Плоды своих трудов — рисунки и стихи — мы видели и на стенах домов, и на листовках, обращенных к армии и партизанам, и на обертках пакетов с пищеконцентратами, предназначенными для фронта».

...Ровно через сорок лет после разгрома гитлеровских полчищ под Москвой, буквально в двухстах шагах от помещения на Кузнецком мосту, где создавались ставшие историческими «Окна ТАСС», в выставочных залах Дома художника были экспонированы около трехсот произведений Кукрыниксов, посвященных Великой Победе под Москвой, а также ряд других работ в жанре плаката и политической сатиры, созданных вплоть до наших дней.

Необычайно объемна, значительна эта выставка. Недаром тысячи зрителей, посетивших экспозицию, оставили многочисленные отклики, отзывы, идущие от души и вызванные раздумьями о днях минувших и озабоченностью международным климатом планеты сегодня.

Вот одно из писем, которые получили Кукрыниксы:

«Уважаемые Кукрыниксы!

Спасибо Вам за прекрасный, неустанный труд, направленный на пропаганду борьбы с темными силами на Земле.

Вчера я побывала на выставке Ваших работ. Карикатуры, которые создавались Вами в тяжелые военные 1941—1945 гг., на меня произвели ошеломляющее впечатление.

Сейчас, в связи с сорокалетием разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, Ваши работы особенно ощутимы и значимы. Они очень ярко воспроизводят хронологию событий тех лет.

В начале войны я — четырнадцатилетняя и мои братья — двенадцати и трех лет вместе с мамой были эвакуированы из Москвы в глухую, отдаленную деревню Башкирии.

Осенью 1941 года наш отец был взят в ополчение для защиты Москвы, а старший брат отправлен под Старую Руссу. Брат в 1942 году погиб, защищая нас от гитлеризма...

...Мы, находясь в башкирской деревне, старались неустанной работой в поле скорее приблизить конец войны. За четыре года в глухомани, куда не долетали газеты, я, а соответственно и моя мама и мои братья ни разу не видели и не держали в руках газет с Вашими карикатурами.

На выставке, столкнувшись воочию с Вашим орудием борьбы с фашизмом — карикатурой, мне очень хотелось все запомнить сердцем и душой, чтобы суметь сохранить навечно виденное и донести до моих детей, близких, родных и знакомых, которые из-за преклонного возраста и болезней не могут побывать на выставке.

Ваши изумительные работы в годы войны даже теперь, 40 лет спустя, создают поразительную правду тех лет. Эта правда не должна подвергаться забвению. Ее надо шире пропагандировать...

Желаю Вам доброго здоровья и плодотворного труда на многие годы.

С уважением Лидия Берова».

Нельзя не понять глубину тех чувств, о которых рассказывает автор письма. Ясно только одно, как патриотично, честно, граждански ярко должно быть искусство художников, чтобы вызвать такой отклик...

...На этой выставке были представлены и работы последующих лет, в которых с той же остротой и убежденностью Кукрыниксы продолжают свой труд.

Огромна и плодотворна контрпропагандистская страстность сатирических композиций Кукрыниксов, ведущих как бы своеобразную графическую летопись, фиксирующую и обнаруживающую корни зла, агрессии, милитаризма, варварства, к сожалению, еще продолжающих существовать и действовать на нашей планете. Уникальна эта панорама обликов врагов прогресса. Она наглядно, необычайно четко и убедительно год за годом раскрывает и обличает неприглядные образы наших недругов, врагов мира. Поражает грандиозностью та работа по осмыслению и графическому претворению исторических событий в течение почти полувека, которую свершили Кукрыниксы.

И когда задумаешься и представишь себе этих трех высокоодаренных живописцев, рисовальщиков, которые при всем умении создавать буквально все — от пленэрного пейзажа, реалистического портрета, сложнейшей станковой картины до превосходной книжной иллюстрации к творениям мировой и отечественной классики,— прежде всего находили в себе энергию и время отдавать свой дар борьбе со злом и неправдой,— в карикатурах, плакатах, «Окнах ТАСС», то становится ясно, какую высочайшую этическую задачу ставили перед собою мастера. Их искусство боролось вместе с народом, защищало свою Родину. Они поистине принадлежали своей эпохе. Разумеется, эта логическая ясность, четкость и монументальность пластического решения приходили не экспромтом. Это был результат многолетнего, беспрерывного, ежедневного труда, поиска, отбора. И чем больше проходит лет и чем значительнее предстает перед нами объем творчества Кукрыниксов, тем все более и более ярко обозначается слово, которым можно определить их труд,— Подвиг.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

ДЕКАДА

Лев **РУДНИЦКИЙ**

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

За Андреем на «бьюике» примчался советник посольства Петров.

— Живой? — крикнул он, еще не успев вылезть из машины.— Поехали скорее до первого же телефона. В посольстве нервничают и ждут звонка...

Дипломат быстро уладил формальности, ознакомился с протоколом и поблагодарил полицейского за помощь.

Мэри Фергюссон села впереди, а Петров с Костровым сзади.

— Вы сильно ударились? — спросил Петров у Мэри.

— Благодаря мистеру Кострову не очень, но он из-за меня, наверное, вывихнул, если не сломал себе руку.

Врач посольства повез Андрея в травматологическую клинику. Плечо болело все больше, и даже мягкие покачивания кузова причиняли страдания. В клинике с него осторожно, не разрешая вставать, сняли пиджак, рубашку, майку. Он сидел в кресле, а рука лежала на специальной подставке. Оголенная спина и руки ощущали холодок металла и полиэтиленовых чехлов. Затем Кострова отвезли в рентгеновский кабинет и, притянув тело к сиденью ремнями, вкатили кресло под аппарат. Пока делали обзорный снимок, все шло гладко, но когда стали менять положение, Андрей стиснул зубы, чтобы не закричать от резкой боли. Очнулся он уже в другом кабинете. Медицинская сестра, полная женщина средних лет с круглым лицом, на котором добрым участием светились серые глаза, дала ему что-то понюхать из бутылочки.

— Вам повезло, больной, перелома нет,— сказала она.

Потом Кострову сделали укол в руку, ко рту и носу прижали маску. Он глубоко вдохнул и впал в забытье.

...Что-то мерно поскрипывает. «Поезд. Я куда-то еду»,— думает Андрей и открывает глаза. В комнате темно. Оконный переплет бросает тень на потолок. Через открытую форточку слышно, как на улице скрежещет, покачиваясь на ветру, фонарь. Потом он слышит шелест листьев и, скосив глаза, видит вершину могучего клена.

«Где я?» — думает Андрей. Он осторожно поворачивает голову и с удивлением убеждается, что плечо совсем не болит. Он пробует шевельнуть рукой, и ему тоже не больно.

Справа матовые стекла и за ними мягкий свет.

Возле кровати низкая широкая тумбочка с поворачивающимся столиком. Светится маленький пульт с кнопками.

«Больница»,— понял Андрей.

В холле второго этажа, где находится палата Андрея, мягкие, удобные кресла. Со своего места Мэри видит длинный коридор, по обе стороны двери и белые столики медсестер. То над одной, то над другой дверью вспыхивают огоньки, но та, за которой издалека следит Мэри, не освещена. Усталая женщина вновь погружается в дрему. Уже три часа она ждет в этом кресле. Она даже не пошла обедать с русскими после того, как Кострова отвезли в палату. Правда, потом Петров привез ей сандвичи с сыром и с какой-то вкусной рыбой и баночку сока. Она поблагодарила и спросила, нельзя ли ей через посольство заказать номер: в Оттаве, как всегда, переполнено. Советник ушел звонить и вернулся минут через пятнадцать.

— Номер заказан,— сказал он и назвал отель. Потом он отправился к врачу и возвратился повеселевший.

— Рука в порядке, лишь на лбу один маленький шов. Если сотрясения нет, то послезавтра выпишут,— сообщил он Мэри.

— А сам мистер Эндрю не попытается уйти, когда проснется?

— Я дал сестре номер моего телефона. Как только Андрей проснется, она соединит нас. А вы? — спросил он.— Я вас подвезу.

— Я жду врача-женщину. Я все-таки тоже ударилась.

Советник извинился и уехал, оставив свою визитную карточку.

Мисс Фергюссон прочла ее, спрятала в сумку и рассмеялась, вспомнив смущение Петрова. Мэри его обманула: просто она не хотела уходить, не увидев проснувшегося Кострова.

Энн крикнула через открытую дверь:

— Мистер Майкл, возьмите черную трубку: звонит Рыжий из Торонто.— Так они называли между собой ирландца.

— Мистер Розз? Русский тут натворил дел. Вчера была профсоюзная передача по телевидению и его интервью. Сегодня с утра в офис уже звонили владельцы трех кинотеатров, правда, маленьких. Возможны еще запросы. Что отвечать?

— Что фирма Розз даст им фильмы! Требуй по тарифам плюс десять процентов надбавки за риск. Если пойдет туго, можешь снизить на пять процентов.— Говоря это, Майкл быстро прикидывал эффект.— Алло, кстати, в рабочих районах, где залы маленькие, не повышай, но только при условии, что кинотеатров будет не меньше четырех, в каждом как минимум около трехсот мест, и чтобы они находились недалеко друг от друга. В этих условиях мы все равно выиграем. Сократи перечень фильмов в каждом сеансе, но увеличь количество сеансов...

— О'кэй!

— Что там у вас с этой чертовой забастовкой водителей автобусов?

— Кажется, договорились.

Теперь Майкл бросил удовлетворенно:

— О'кэй! Не зевай, они обязаны дать рекламу на каждой машине. Срочно подпиши контракт хоть с одним из кинотеатров, чтобы начать рекламировать декаду.

— А как насчет программы? Ведь четыре площадки мы не обеспечим фильмами,— усомнился Рыжий.

— Это дело русских. У них есть такой хитрый прием, на их языке называется «переброску». Костров объяснит.

— Но он уехал еще позавчера.

Розз озадаченно смотрел на картину, где Вирсавия нетерпеливо тянула руку к записке.

— Энн! — крикнул Майкл.— Эндрю не звонил?

— Нет.

— А вчера?

— К сожалению, нет.

Огонек над дверью Кострова неярко замигал. «Проснулся»,— подумала с облегчением Мэри и, осторожно ступая по мягкому ковру, подошла к стеклянным створкам входа. Однако навстречу ей поднялась высокая, сухая женщина в халате — дежурная сестра.

— Я бы хотела пройти в палату к мистеру Кострову.

— Завтра, мэм.

— Но я весь день жду.

— Больные уже спят. Это запрещено, мэм.

Мэри вынула из кошелечка десятидолларовую бумажку. Старушка с сожалением поглядела на деньги.

— Нет, мэм, не могу сейчас, приходите утром.

Но мисс Фергюссон не смирилась. Она отправилась к дежурному врачу. Выслушивая, тот бесцеремонно разглядывал ее.

— Этот русский — счастливый парень: отделаться пустяком в такой аварии и иметь такую очаровательную...

— Сотрудницу,— подсказала Мэри.

— Допустим,— согласился он.— Все равно счастливчик. А пустить вас я не могу.

Доктор с сожалением развел руками.

Ночью Мэри плохо спала.

Кто бы мог подумать, что этот русский так неожиданно войдет в ее жизнь и овладеет всеми помыслами? Интересно: он коммунист или нет? Однажды она хотела спросить, но почему-то не решилась. Все у него получается: показ вопреки своим врагам организовал... Она подумала о Брауне, о налетчиках, о катастрофе, о том, что эти — Костров называл их изменниками и предателями — не успокоятся и попытаются еще вредить ему. «Сволочи»,— вслух сказала Мэри. Потом вспомнила о том, что она тоже среди них, и от этого ей стало совсем не по себе. «Приеду — откажусь»,— решила она. Потом усомнилась: «Подошлют кого-нибудь другого. Лучше рядом буду я». Ей было страшно представить, что с ним может что-нибудь случиться. «Но ведь он уедет!» — опять подумала Мэри, и сердце ее при этой мысли чуть не остановилось от испуга. А как же она? Впрочем, не нужно усложнять. Пока он есть — и хорошо. Хотя есть ли он для нее? Нужна ли она ему? Нет, конечно, как женщину он ее и не замечает. Она занимает в его жизни слишком мало места — просто служащая. Ну и пусть! Пока он не уехал, он рядом — и это главное, а там будет видно.

В девять утра Мэри Фергюссон, немного осунувшаяся, снова была в госпитале, но ее и теперь не допустили к Андрею.

— Неужели у него сотрясение мозга? — спросила она.

— После полудня. Сейчас обход, потом назначенные процедуры.

Однако, когда приехал Петров, его, как сотрудника посольства, пустили сразу. Он приветливо поздоровался с Мэри и удивленно спросил:

— Вы уже или еще?

Она почувствовала, что покраснела, и оттого рассердилась на себя. Советник открыл плетеную корзиночку — в ней были персики — и предложил:

— Выбирайте самый красивый.

Она взяла первый попавшийся, поблагодарила и с завистью посмотрела вслед, когда он направился к палате Кострова.

— Как хорошо, что ты пришел! — обрадовался Андрей, увидев Петрова.

— Как рука?

— Отлично! — Костров поднял правую руку и протянул ее для пожатия.— Я думаю, мне нужно выметаться отсюда.

— Ты должен лежать и ждать решения врачей.

Советник пробыл у Андрея недолго. После обхода он поговорил с врачом и распрощался с Костровым.

Мэри увидела его издалека. Петров шел навстречу, улыбаясь.

— Сотрясения нет, завтра выпишут,— с облегчением сказал он.— Кстати, Костров спрашивал о вас. Его беспокоит ваше здоровье. Он хочет знать, звонили ли вы в фирму. Впрочем, он сам все объяснит.

Когда ей наконец разрешили навестить Кострова, Мэри казалось, что она не идет, а летит по коридору. Сердце стучало торопливо, и глухие удары отдавались в ушах. Но у самой палаты ей показалось, что ноги еле двигаются, бессильно утопая в мягком ворсе ковра. Но вот она открыла дверь и увидела забинтованное оголенное плечо Кострова и белую марлевую наклейку на лбу. Он повернул к ней лицо и улыбнулся.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 2—7.

Мэри стояла, не сводя глаз с Андрея.

— Ну как вы?— спросил он.

А она мельком подумала о том, что впервые в жизни, входя к мужчине, не поправила прическу и не позаботилась, чтобы хорошо выглядеть. Сейчас это не волновало ее.

Браун мерил короткими шагами заднюю комнату «стоматологического» кабинета. Семнадцать — от двери к окну и столько же от окна к двери. Ах, как он был взбешен! Только что звонил шеф, еще совсем мальчишка — ему нет и сорока. Сейчас приедет и станет отчитывать его, Брауна, который и сам знает, что делать. Если бы только можно было действовать в открытую, он бы показал им декаду! Навек бы запомнили. Но он связан по рукам и ногам.

Шеф, высокий, красивый мужчина, с короткой стрижкой и приятным, открытым лицом, приветливо улыбнулся Брауну и дружелюбно протянул большую, сильную ладонь.

— Хэлло, Фред.

— Здравствуйте, шеф,— изображая радость, улыбнулся Браун.

Мужчина, не дожидаясь приглашения, сел в кресло и легко положил правую ногу на колено левой. Брюки приподнялись, и Браун увидел между ними и носком коричневую от загара кожу. «Небось, гулял в Майами или летал на Гаити, сволочь!» — подумал Браун.

— Хотите «клюковку»?— сказал шеф по-русски и протянул пластик жевательной резинки в яркой бумажке, на которой была нарисована рассыпавшаяся клюква.

— Первый раз слышу про такую резинку.

— Это опытная, советская. Очень приятная, кисленькая, будто только что с болота. Вы любите клюкву? Ну, морс или кисель?

У Брауна засосало под ложечкой. Он вспомнил детство, деревню под Новгородом, мальчишек и девчонок с лукошками на болоте...

— Не любите?— с сожалением сказал шеф.— Зря, очень вкусно. Когда я бываю в России, обязательно балуюсь. Вообще русская кухня оч-чень хороша. Взять хотя бы обыкновенные кислые щи: можно с говядиной, а можно и со свининой. Это великое изобретение, особенно после выпивки.

Шеф, стопроцентный американец, говорил на чистейшем русском языке, употребляя такие словосочетания и обороты, о которых Браун уже давно забыл.

— Отказавшись от России, вы отказались и от всего, что связано с ней? Так, что ли?

— Я не отказывался, у меня ее отняли.

Браун вспомнил длинные серые бараки за колючей проволокой недалеко от Кельна. Каждый день Фред Браун, впрочем, тогда его звали еще по-другому, водил отсюда под конвоем грязных, вонючих и голодных англосаксов разбирать развалины после американских бомбежек. Случалось, некоторые пытались бежать. Вот тогда бы ему нынешнего шефа!

А шеф все так же дружелюбно продолжал:

— Впрочем, Фред, я не за тем приехал. Что с работой? Вам трудно?

Браун едва отодрал сухой язык, прилипший к небу.

— Нет, шеф, почему?

— Это я вас спрошу «почему».— В его голосе появились совсем иные нотки. Он вынул газету из кармана пиджака и протянул Брауну.

— Читали?

— Нет. А что?

— Прочтите — поймете. На двенадцатой странице, внизу.

Браун не верил своим глазам. В газете сообщалось, что неизвестные, установив ложные знаки, направили по заброшенной дороге сидевшего за рулем «шевроле» советского кинопродюсера Кострова. Только железные нервы и мгновенная реакция помогли Кострову избежать столкновения с двумя мчавшимися прямо на него двадцатипятитонными грузовиками. Костров и его канадская спутница ранены. По мнению полиции, покушение организовано русскими эмигрантами, бежавшими от коммунистического режима после второй мировой войны. Однако преступников задержать не удалось. Следствие продолжается.

— Я хочу знать — и не только я — долго еще ваши дружки будут сталкивать нас с властями? Когда кончится эта цепь провалов в элементарно простых операциях? Возле банка вы не только не задержали фильмы, но еще и сделали рекламу для коммунистической пропаганды. В Торонто какой-то из ваших недоносков на людях полез в политический спор с Костровым, и тот превратил его в посмешище. Теперь эти идиоты на двух тяжелых «даймондах» не справились с одним большевиком, сидевшим за рулем жестяного «шевролетика»! Нет, Фред, вы просто устали. А может, годы, а?

Толстые, короткие и красноватые, словно ошпаренные сардельки, пальцы Брауна подергивались, и шеф с неприязнью глядел на них.

— Да, наверное, это уже годы. Вы бы, конечно, могли уехать на свой клочок земли. Я имею в виду тот, что вы приобрели тайком от нас неподалеку от Ванкувера. Зубные коронки и мосты, которые вы продали в Виннипеге, оказались из отличного золота, иначе вас бы судили. Вы помните советскую газету, в которой были описаны ваши «подвиги» в зондеркоманде? Там же был указан ваш канадский адрес, и нам тогда пришлось срочно переселить вас. Но ведь многие украинцы из Канады ездят гостить на родину. Случайно им может попасть на глаза и эта газета.

Шеф подошел к окну, выглянул на улицу.

— Кстати, кто это напортачил с машинами?

— Васька Лоскутов,— со злорадством ответил Браун.— А к Кострову прикреплен человек, рекомендованный, как вы знаете, большим боссом.

— Да-да, и это тоже. Он рекомендовал ее вам на время для обычной работы в промышленных фирмах: коммерция, лицензии, перспективы, а вы... Но за это уж ответите перед ним самим.

Шеф посмотрел на часы.

— Ого! Уже полдень. Я опаздываю на ланч.— Он подошел к двери и обернулся. На лице была все та же любезная улыбка.— Вы не помните, сколько еще пробудет в Канаде Костров? Нет? Ну, ладно, до свидания после советской декады. Надеюсь, оно будет обоюдоприятным.

— Розз-старший оборвал телефоны, узнав, что с тобой стряслось. Позвони ему,— сказал Петров Кострову, когда тот вышел из госпиталя.

Андрей позвонил в Монреаль.

— Я искренне рад, что ты выпутался, старина! — обрадовался Майкл. И сразу же пере-

шел к делу: — В Торонто после твоего отъезда все изменилось. Мне звонил Дик, и я беру четыре кинотеатра, но необходимо обеспечить их программами.

Костров перебрал в уме все ленты, подсчитал и ответил:

— Четыре программы будут...

Андрею пришлось задержаться в Оттаве еще на один день — не была готова машина. И он использовал это время на изучение посольской фильмотеки. Там оказались дополнительные копии некоторых фильмов, включенных в программу декады.

Лишь к полудню следующего дня Костров и Мэри на такси поехали в оттавское отделение прокатной фирмы.

— С вашей машиной много возни,— сказали ему и предложили другую, той же модели, но серого цвета. «Это даже к лучшему»,— подумал Андрей.

После обеда, погрузив свои и посольские фильмы, он выехал в Монреаль.

С мрачного темно-серого неба на извивающуюся полосу шоссе лил дождь, и от этого бетонная лента лоснилась, словно длинная змея, торопливо уползающая от дождя в горы.

На междугородных американских трассах принято ездить днем с включенными фарами. Вспомнив об этом, Андрей тоже зажег свет.

Мысли его перенеслись на обычаи, и он с тоской подумал о далеком доме.

Косые полосы дождя падали на водную гладь проносившихся озер, на землю, прорываясь сквозь сочную зеленую листву белоствольных берез. «Почти как у нас»,— подумал он.

Серый «шевроле» плавно покачивался, убаюкивал. Андрей вновь подумал о доме, о семье.

Мэри, грустная и притихшая, сидела, откинувшись на подголовник, и смотрела куда-то вдаль ничего не видящим взглядом.

...В Монреаль приехали вечером. Костров отвез спутницу домой. Он вышел из машины и поднес к лифту ее чемодан.

— Спасибо,— подав руку, сказала она тихо и устало,— до завтра.

Потом Андрей направился к складу и, лишь на полпути сообразив, что он уже закрыт, поехал домой.

Майкл Розз встретил Кострова утром следующего дня в своем офисе. Он оглядел его, словно принимал ценность по описи, и пошутил:

— Руки, ноги — все на месте. А как котелок?

— Варит.

— Отлично! Тогда возьми почитай: только что пришло.— И он протянул Андрею разрезанный конверт.

«Сэр! — прочел Андрей.— Вот уже долгие годы Вы и Ваша фирма оказываете содействие коммунистической пропаганде в нашей свободной стране, пропагандируете экспансионистскую политику Советской России, не считаясь с чувствами десятков и сотен тысяч истинных борцов за свободу порабощенных ею стран и народов, обретших в Канаде свою вторую родину. Сейчас на повестке дня новые происки большевиков: они затеяли показ фильмов, направленных на то, чтобы доказать, будто русская армия спасла Европу и весь мир в прошлой войне, показать «счастливых» людей сегодняшней, закабаленной в тисках коммунистической диктатуры советской империи...

Мы предупреждаем: если Вы не перестанете помогать большевикам, нам придется быть беспощадными в этой борьбе с Вами, так же как это было и в Европе!»

— Ты испугался, Майкл?

— Нет, скорее разозлился. Но какова наглость: эмигранты предъявляют мне, канадцу, ультиматум!

Розз закурил, и клубы сигарного дыма поплыли по кабинету.

— Я передам это письмо в полицию,— решительно заявил он.

— Пожалуй, надо,— согласился Костров.

Так началась «психическая атака» на организаторов декады советских фильмов. Письмо Майклу оказалось лишь первой ласточкой. По отношению к главе фирмы «Розз энд Розз» — гражданину Канады и миллионеру — были только невежливые и невежественные угрозы. По отношению же к Андрею Николаевичу дело приняло иной оборот.

Выйдя из маленького итальянского ресторанчика, где он любил обедать, Андрей издалека увидел на лобовом стекле белый листок бумаги. «Тикет»,— подумал он. Местная полиция не всегда дожидалась водителя автомашины, чтобы наказать его за нарушение правил уличного движения. Зачастую полицейский ограничивался лишь тем, что приклеивал к стеклу квитанцию с уведомлением о наложении штрафа и уезжал. Копия квитанции шла в муниципальный банк, и штраф взыскивался в бесспорном порядке.

«За что штраф,— подумал Костров.— Кажется, я нигде ничего не нарушил. Может быть, простоял больше положенного?» Он взглянул на табло времени на тротуаре. Красный флажок не выскочил, у Андрея еще оставалось в запасе десять минут. Лишь подойдя к автомобилю, он понял, что это не талон на уплату штрафа, а небольшая записка, отпечатанная на пишущей машинке.

«Если ты, большевистская сволочь, не уберешься из Канады в двадцать четыре часа, то мы поступим с тобой так же, как поступали с коммунистами и жидами в годы войны. Привет!»

Костров два раза перечитал это нехитрое послание и огляделся по сторонам. Никого подозрительного он, конечно, не увидел. Лишь маленький голубой «фольксваген» выехал из ряда и медленно покатился вдоль вереницы стоящих у тротуара машин. За рулем сидел солидный пожилой мужчина. По внешнему виду трудно было предположить в нем бандита.

Андрей вчетверо сложил листок и сунул его в верхний карман пиджака.

Через несколько дней в фойе подземного кинотеатра под небоскребом Костров намеревался провести пресс-конференцию для корреспондентов газет, радио и телевидения, и сейчас мысли его были полностью поглощены ее организацией. Он решил показать им три фильма, а затем рассказать о программе советской декады, ответить на вопросы. Андрей рассчитывал на приход двадцати — двадцати пяти журналистов, но по опыту знал, что приглашения нужно разослать на семьдесят — семьдесят пять человек. Он решил созвать сотрудников крупнейших и всех прогрессивных газет, журналистов, с которыми был лично знаком, и, кроме того, работников некоторых правых изданий. «Если они не отмолчатся, то даже отрицательные статьи послужат своего рода рекламой»,— рассудил Костров. В многочисленные телевизионные и радиокомпании были также направлены приглашения.

Андрей очень обрадовался, когда ему позвонил Александр Семенов, корреспондент одной из наших центральных газет. Они были знакомы еще по совместной журналистской работе в годы молодости. Андрей с таким удовольствием услышал совсем домашний московский говорок:

— Привет, старик! Как жизнь? О твоих приключениях узнал из газет и рассказа Петрова,— кстати, он и дал мне твой телефон. Молодец ты! Как здоровье? Ничего, говоришь? Если чувствуешь себя неплохо, то не согласишься ли завтра проехаться со мной к индейцам? Это недалеко от тебя, и к тому же мне пообещали нечто неожиданное. Согласен?! Ну, жди!

Андрей был очень рад, что сможет провести субботу, свободный день, со своим старым добрым знакомым, а не томиться от одиночества в чужом городе.

На следующее утро в девять часов Александр, как всегда, веселый и общительный, крепко пожимал ему руку и подтрунивал:

— Ну что, брат, нелегок хлеб «кинопродюсера»?..

Они провели в дороге больше часа, но за разговорами не заметили, как промелькнуло время. Александр так и сыпал шутками, анекдотами, рассказами из жизни общих знакомых и своей. Наконец въехали в поселение. Это была, так сказать, образцово-показательная резервация со сравнительно высоким уровнем жизни. Планировка ее напоминала обыкновенную деревню: одна улица, по обе стороны которой стояли огороженные мощным бревенчатым частоколом дома, а за ними раскинулись поле, лес, озеро. Для индейцев поселившегося тут племени основной доход приносили посещения иностранных туристов. За сравнительно недорогую плату можно было купить здесь индейский сувенир, который свидетельствовал бы потом в Европе о том, что ты побывал у потомков Монтигомо-Ястребиного Когтя и других героев Фенимора Купера.

Москвичи остановили машину у обочины дороги и прошли внутрь большого квадратного двора, обнесенного крепким частоколом. Вдоль забора расположились ларьки и открытые прилавки с различными товарами.

Из стоящего в сторонке строения, напоминающего сарай, доносился громкий говор. Сгрудившиеся возле сарая человек пятьдесят туристов ожидали выхода вождя племени. Взрослых индейцев не было видно, только мальчишки и девчонки, одетые в национальное платье, сновали в толпе. По мере того, как приближалось время выхода вождя, напряжение нарастало. Люди говорили все тише и наконец перешли на полушепот и встали перед строением, образовав полукруг.

Из сарая донеслось стройное пение, растворились небольшие ворота, и оттуда стали медленно выходить, степенно притопывая в такт каким-то еле уловимым ритмам, индейцы. Впереди шел вождь племени.

Костров и Семенов во все глаза смотрели на индейцев. А удивляться было чему. Их привела в смятение внешность вождя. Вместо стройного, тонколицего, черноглазого и горбоносого индейца во главе племени выступал голубоглазый, широколицый человек со слегка вздернутым носом и светлыми волосами, видневшимися из-под огромного головного убора из перьев.

Не менее удивителен был и облик мужчин и женщин второго поколения и особенно малышей.

Чернобровые и круглолицые юные индеанки чем-то напоминали очаровательных гуцулок с Карпат, а голубоглазые и беловолосые мальчишки уж никак не вязались с образом отважных охотников, скачущих по прериям на мустангах за стадами диких бизонов.

Индейцы пели песни, исполняли ритуальные танцы.

Когда представление окончилось, индейцы растворились среди туристов, и вождя окружила плотная толпа. Костров с Семеновым устремились туда же.

Постепенно, удовлетворив любопытство, люди стали расходиться, и тогда москвичи, подойдя поближе, стали ждать, когда вождь ответит на чей-то вопрос. Наконец он освободился, и Семенов громко сказал Андрею:

— Я хочу задать ему несколько вопросов. Мне кажется, что английский он знает лучше французского. Как ты думаешь?

Услышав его слова, вождь вдруг рассмеялся.

— Не трудитесь, мистер,— сказал он.— Вы можете говорить на русском, украинском или польском языках — как вам будет удобнее.

— Вы... славянин? — оторопело спросил Костров.

— Да. Украинец.

Андрей растерянно молчал.

— Ну, а как же ваше положение, высокий сан? — продолжал за него Семенов.

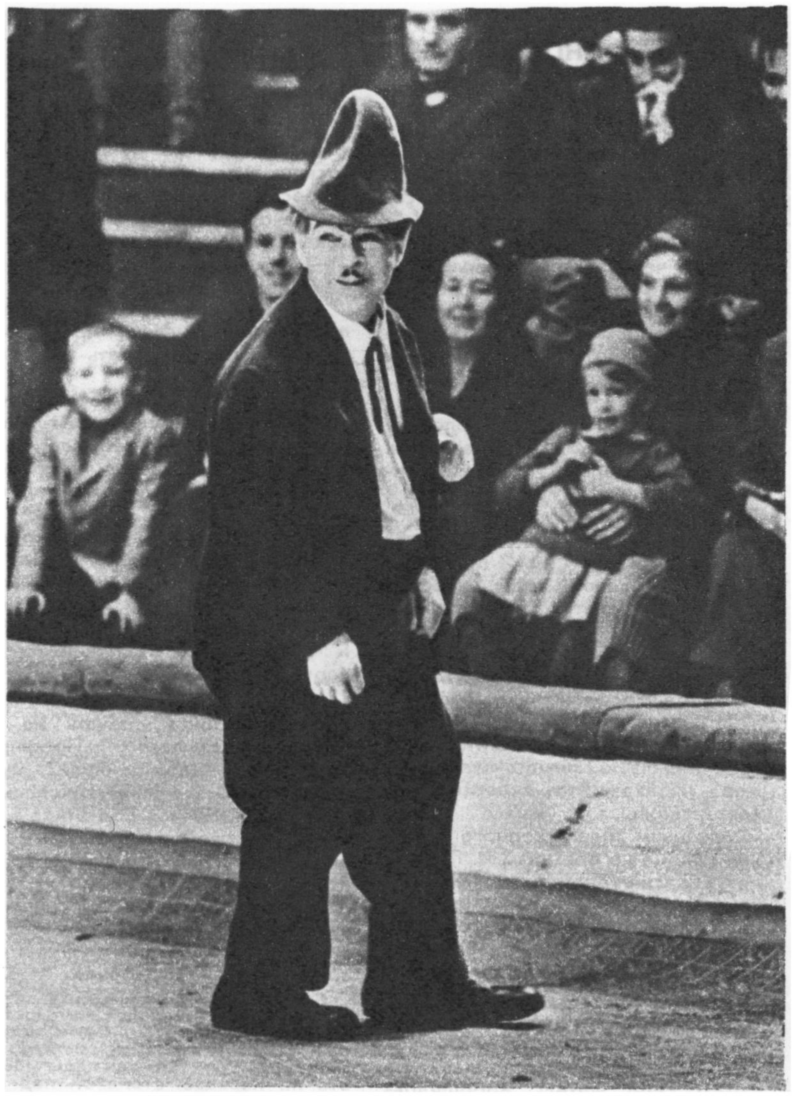
— Это долгая и в некотором смысле грустная история. Я родился в Западной Украине. Несмотря на то, что я был ветеринарным фельдшером, работы для меня не оказалось. В девятнадцатом году эмигрировал в Канаду, но и здесь мне пришлось нелегко. А индейцы имели скот, который требовал ветеринарной помощи. Вот я и поселился с этим племенем. Был я тогда молодым парнем и полюбил дочь вождя, а она меня, и старик нас благословил. Мы поженились. Сыновей у вождя не было, и когда он умер, по обычаю индейцев, вождем стал я. Здесь все мои братья, сестры, дети и внуки. Я люблю их, и они отвечают мне тем же...— Он помолчал и тяжко вздохнул.— Но иногда, во сне больше, вижу я родную землю. Как там сейчас? Расскажите...

Костров и Семенов провели в деревне несколько незабываемых, удивительных часов.

По дороге в город Семенов долго молчал, что было совсем непохоже на него, а потом сказал с затаенной печалью:

— Да, удивительны бывают судьбы людские...

Продолжение следует.

НА АРЕНЕ-КАРАНДАШ

О. ПЕТРИЧЕНКО

Когда в одной из ленинградских школ психологи в порядке эксперимента попросили первоклассников с помощью лаконичного черно-белого рисунка выразить такое многообразное, красочное понятие, как цирк, многие ребята, почти не задумываясь, нарисовали маленького симпатичного человечка в конусообразной шляпе вместе с неизменным спутником — крохой терьером по имени Клякса.

Так образ стал символом. Любопытно, что и в Большую Советскую Энциклопедию Карандаш — пожалуй, единственный из знаменитостей — вошел не под собственным именем, а под псевдонимом.

Слава пришла к нему очень давно. Достаточно сказать, что свой первый орден Трудового Красного Знамени и звание заслуженного артиста РСФСР он получил еще в далеком 1939 году, когда отмечалось 20-летие советского цирка. И слава эта не была сестрой случая, хотя к своему призванию он шел тернистой дорогой неудач и сомнений, пробуя себя во многих жанрах и не подозревая, что все они лишь наброски к будущей профессии, столь же для него неожиданной, как и грядущий успех в ней.

Ничто не предвещало славы артиста. Сын рабочего, выросший в сыром, не просыхающем от наводнения до наводнения подвале, он с детства столкнулся с суровой необходимостью как можно раньше приобрести любую заводскую профессию, обеспечивавшую верный кусок хлеба. Единственное, что удалось сделать отцу, подметившему раннюю склонность сына к рисованию,— это устроить его на литографическое отделение ремесленной школы. Но трудное время перечеркнуло и этот шанс: учебу пришлось оставить... Избавлением была революция. Круто переменив многие судьбы, она привела несостоявшегося литографа в Старицкий (Тверской губернии) городской театр, где он занялся писанием афиш и плакатов. Затем Москва; аналогичная работа в кинотеатре «Экран жизни» на Садовой; множество просмотренных фильмов — и, как следствие, зарождение робкой мечты: а что, если самому попробовать стать актером? Причем комедийным. Его кумирами были Чаплин, Ильинский...

Путь в искусство он избрал довольно странный, поскольку большинство комедий тех лет строилось на всякого рода акробатических трюках — прыжках, падениях и т. п. Оставаясь на ночь в кинотеатре, юный Румянцев часами сотрясал ветхую сцену неуклюжими попытками скопировать приемы любимых киногероев. Синяки и шишки лишь добавляли упорства. Вскоре он стал посещать руководимые В. И. Цветаевой «Курсы сценического движения», держал экзамен в техникум кинематографии, а не поступив, на всякий случай подал заявление в новорожденную школу циркового искусства, но не приняли его и сюда. После двух неудачных попыток пройти испытания он обратился к директору, Анне Александровне Луначарской, с просьбой зачислить его хотя бы условно. И когда просьба была удовлетворена, зажил совершенно странной жизнью: утром учился в классе акробатики, днем — как неуспевающий — тренировался дополнительно, а ночью продолжал работать в кинотеатре, чтобы зарабатывать средства к существованию...

И так дотянул он до лета, до первой практики в составе передвижной труппы. Дирекция долго думала, куда пристроить малоспособного акробата Румянцева. И в итоге решение приняла пророческое, назначив его коверным.

Честно говоря, здесь мне очень хотелось бы поставить точку на долгом перечне неудач. Но истина сурова: взлета не было.

Самое невероятное, что именно после таких вопиющих неудач он влюбился в цирк. И это было именно то, чего так не хватало его фанатическому упорству. Найденное наконец призвание совершило чудо, превратив заурядного акробата в выдающегося артиста. Клоуна.

Правда, путь к признанию был довольно труден уже потому, что Румянцев, как и другие молодые артисты нового, советского цирка, искал созвучные времени, новые формы самовыражения, стремясь к тому, чтобы цирк не просто развлекал, а воспитывал зрителей. Вот почему его не удовлетворило ни традиционное амплуа «Рыжего Васи», с которым он дебютировал, ни подражательная во многом маска «Чарли Чаплина».

Псевдоним «Каран д'Аш» родился случайно: Румянцев использовал его как своего рода пародию на бытовавшую тогда в художественной среде моду на «звучные» иностранные имена. Но самое рождение Карандаша-артиста было неизбежно.

...Однажды во время выступления в Сочи летом 1937 года внезапно налетевший с моря шквал принес с собой ливень такой силы, что не выдержала даже крыша цирка. Вода начала заливать первые ряды кресел, хлынула на манеж. Чтобы спасти манеж от разрушения, все артисты и униформисты начали выкапывать отводные стоки. А спасение программы взял на себя клоун. Имея в руках лишь... сковородку от предыдущей репризы, он сотворил чудо, заставив зрителей забыть о катастрофе, о ливне и о внезапно развернувшейся на их глазах «стройке». Он пытался приспособить сковородку в качестве зонтика, вычерпывал лужи — фантазировал напропалую так увлеченно и весело, что никто не покинул зала. Клоун был награжден шквалом аплодисментов, а главное, смехом, не смолкавшим все эти долгие минуты.

За кулисами ему устроили овацию коллеги, знающие, что такое без подготовки «держать на себе» номер. Да еще столько времени.

Это был великолепный экспромт. Но за ним лежали годы черновой работы, упорная тренировка, хорошее знание психологии, умение ориентироваться в любой ситуации и мгновенно подмечать в ней комическое.

Умение увидеть необычное в обычном — одна из примет таланта. Возможно, кому-то оно дается от рождения; Румянцев же выработал его путем непрерывной тренировки, осмысления. Достаточно взглянуть на торопливые ли, сделанные в паузах между номерами заметки, либо на обстоятельные дневниковые раздумья, чтобы понять: талант Карандаша вырос на строгом самоанализе, на неустанном поиске волшебной тайны смешного.

И здесь уместно заметить, что обыкновенная человеческая улыбка, смех по сути своей относятся к числу величайших загадок нашей жизни. Ведь до сих пор нет точного ответа на простой, казалось бы, вопрос: отчего люди смеются? Точнее всего отвечают дети: оттого, что им смешно!

«Настоящий художник,— замечает Румянцев в своей книге «На арене советского цирка»,— должен непременно наблюдать жизнь, подмечать смешное и достойное осмеяния в самой жизни».

Справедливость этих слов подтверждается многолетней практикой самого Карандаша. Лучшие его работы всегда строились на конкретном, злободневном материале. И в этой злободневности, зорком умении живо откликаться на все волнующие нас события и факты — одна из причин неувядающей популярности Карандаша, неповторимости каждого выступления.

Сколько их было?.. За 50 с лишним лет творческой деятельности он выступал во всех цирках страны и на лучших зарубежных аренах. Родина отметила выдающийся труд народного артиста СССР высоким званием Героя Социалистического Труда, а жизнь одарила такими учениками и последователями, среди которых звезды первой величины: Ю. Никулин, М. Шуйдин, О. Попов, Б. Вяткин... Но он и сам еще не сложил сатирического оружия, хоть и отметил недавно в Ленинграде, городе детства, свое 80-летие.

О СУДЬБЕ ЛЕСКОВА

В известной серии Библиотека «любителям российской словесности» издательства «Современник» появилось новое название — «Николай Лесков. Время и книги», капитальный очерк жизни и творчества нашего замечательного писателя. Название своего труда Владимир Семенов оправданно мог бы расширить, прибавив ко «времени и книгам» еще и слово «судьба».

Обстоятельства складывались и распоряжались неблагоприятно: о создателе «Соборян», «Левши», «Очарованного странника» написано мало, и лучшим до сих пор из этой малости оставалась «Жизнь Николая Лескова по его личным семейным и несемейным записям и памятям», составленная его сыном Андреем. Сегодня же всякий, кто захочет обратиться к биографии и проследить духовный путь этого кудесника прозы, не обойдет и новую книгу.

Лесков — сложный писатель, оценивая личность которого легко сбиться в характеристике. Его эпоха — вторая, очень непростая половина XIX века, годы резких сдвигов в нравственной и социальной жизни, время поисков новых дорог для России, поисков, на которые, участвуя и сам в них, Лесков откликался пристрастно и нервно, иногда круто заблуждаясь, иногда достигая неподдельных откровений, но всегда оставаясь самим собою, «чуждым влияний со стороны» и формально не принадлежа ни к какому из лагерей.

«В сущности, — пишет Семенов, — писатель довольно смутно представлял будущее России, а когда явственно обозначились его буржуазные черты, Лесков вместе с другими русскими классиками выступил в качестве «потаенного нигилиста». Он «рыхлил» почву там, где его великий современник — Лев Толстой — переворачивал целые пласты».

Лесковские книги рассматриваются автором как не только художественная, но, главное, гражданская его реакция на свой собственный век — век девальвации духовных устоев, биржевых спекуляций, железнодорожных афер, подделки завещаний, кражи казенного и общественного достояния и появления на свет «нового класса приобретателей, научившихся делать деньги из ничего».

Именно таким видится Семенову ключ почти ко всем разбираемым произведениям, именно так понимал наследие Лескова Горький, говоря, что он «писал не о мужике, не о нигилисте, не о помещике, а всегда о русском человеке, о человеке данной страны. Каждый его герой — звено в цепи людей, в цепи поколений, и в каждом рассказе Лескова вы чувствуете, что его основная дума — дума не о судьбе лица, а о судьбе России».

Особую тему составляет у В. Семенова сосуществование Лескова, Льва Толстого и Достоевского в сфере поисков даже не литературного, но национального положительного типа. В созвездии этих рукотворных героев оказались рядом Несмертельный Голован и Платон Каратаев, кухонный мужик Герасим из «Смерти Ивана Ильича» и очарованный странник, Савелий Туберозов и дворовый Долгорукий, названый отец подростка.

Отношения Толстого и Лескова читаются тут (как это было и на самом деле) сложными и органическими вместе: оба были горячи в поисках истины, оба оказались еретиками по отношению к церкви, разрыв с которой означал для них и полный разрыв с официальным миром, с какой-либо казенной деятельностью во всех ее видах и формах. Но Лесков, утверждает Семенов, «не обладал «исступленным» пророческим даром Ф. Достоевского, не надеялся изменить мир в согласии с новой моралью, как яснополянский философ, он знал, что рано или поздно сам народ выдвинет из своей среды подлинных героев, «новых людей». И этих людей он искал со всем присущим ему талантом».

В книге Семенова Н. Лесков, пусть иногда заблуждаясь, но потом всегда открывая простор, предстает в процессе сознания исполняемого долга по отношению к родине, в многозначной диалектике своего движения, в естественной среде времени, в страстях, борениях, ошибках и свершениях, сделавших его одним из крупнейших русских писателей.

А. БАСМАНОВ

Семенов В. С. Николай Лесков. Время и книги. М., «Современник», 1981. 303 с.

Юмор

Рис. В. Дубова.

Рисунки В. Ашманова.

Сергей ВЛАСОВ, фото Э. ЭТТИНГЕРА

Как жить, не болея? Об этом мечтали поколения и поколения. Но и сейчас, несмотря на потрясающие успехи медицины, мы с огорчением должны признать, что болеть человечество меньше не стало. Не будем говорить о сложных болезнях, возьмем элементарную простуду. По статистике более половины всех заболеваний приходится именно на нее.

Множество есть разнообразных способов, помогающих человеку оставаться здоровым, среди них на первом месте стоит закаливание.

К сожалению, воздействие холода на человека изучено еще весьма слабо. Между тем целебные свойства ледяной воды известны давно, тысячелетия. И этот опыт народной медицины сегодня с успехом перенимают врачи. В Калуге, например, в первой городской больнице холодом лечат неврозы и бронхиальную астму; в ялтинском санатории имени С. М. Кирова с помощью зимних купаний в море избавляют от гипертонии и неврастении.

Механизм благотворного влияния холода на организм И. П. Павлов объяснял «встряской нервным клеткам», резким воздействием на центральную нервную систему. Но по-прежнему многие вопросы влияния холода на человека остаются открытыми.

Вот почему, на наш взгляд, так ценен эксперимент, который вот уже почти пятьдесят лет ставит на самом себе житель Ворошиловградской области Порфирий Корнеевич Иванов. Он настолько приучил себя к холоду, что часами может в одних шортах — и босиком! — находиться зимой на улице.

Ему пошел 85-й год, за полвека, что он дружит с морозом, ни разу не простужался, не болел ни ангиной, ни гриппом. А раньше хворал, как и все...

О Порфирии Корнеевиче я узнал от писателя В. Г. Черкасова, который стал ярым приверженцем простой системы оздоровления, разработанной Ивановым. И не он один: только в Москве знаю теперь десятки инженеров, врачей, ученых — последователей Иванова. По примеру «учителя», как все они его называют, бегают по снегу босиком; о болезнях забыли, хотя когда-то частенько болели, и благодарны судьбе, что свела их с Порфирием Корнеевичем.

Еще до поездки на хутор Верхний Кондрючий, где он живет, прочел о нем в книге двух врачей, Н. Агаджаняна и А. Каткова, «Резервы нашего организма»:

«В любой мороз он прогуливается босиком по снегу... и не ощущает при этом никакого холода».

Показалось странным — неужели и правда не чувствует холода? Этот вопрос был первым, который я задал Порфирию Корнеевичу.

— Как это не чую холода! — воскликнул он. — Чую, да еще шибче вас. Только вы все его боитесь, а я не боюсь. Из вечного врага человеческого я сделал друга.

— И вы в самом деле никогда не болеете?

— Почему же? Все время болею. Болею мыслью, что я умею, а мне не дают передать свое умение людям.

— Говорят, что вы в бога верите.

— Брешут. Верил когда-то, пока не понял, что бог пребывает не на небе, а на земле — в людях, кои сумели держать победу над собой.

Интересна судьба этого необычного человека. Родился в бедняцкой семье; как и отец, стал шахтером. Впервые спустился в шахту в пятнадцать лет. Здесь был и плитовым, и катальщиком, и зарубщиком, и отбойщиком. В 1917 году забрали в армию.

— До фронта доехать не успел, — рассказывает Порфирий Корнеевич, — царя скинули с пути.

Повоевать все-таки пришлось, в партизанах. Пускал под откос эшелоны интервентов, однажды спалил английский самолет, за что получил благодарность от командования. После войны восстанавливал шахты в Донбассе, участвовал в колхозном движении, руководил артелью лесных рабочих.

Сейчас, когда ему идет девятый десяток, он поражает смелостью своих рассуждений. Он и всегда был таким — дерзким, смелым, думающим. Вот так однажды (было это на Кавказе, стоял он над морем, на высокой скале) пришла к нему мысль: «Почему люди так устроены, что лишь полжизни у них проходит в благополучии — пока молоды; а достигли зрелости, казалось бы, жить да жить на пользу другим, но не тут-то было: наваливаются на человека болезни, делают его неполноценным, заставляют больше думать не о деле, ради которого он и пришел на землю, а о себе. Болезни делают человека эгоистом. Не оттого ли многие беды людские происходят, что человек не умеет победить свою немощь? Сколько ни кутайся, все равно это не спасет от недугов. А что, если сделать наоборот — не прятаться от природы, а пойти ей навстречу, стать ближе к природе, слиться с ней!»

И Порфирий Корнеевич решил доказать — сначала самому себе, что «нехорошие силы природы» (его выражение) можно приручить и обратить их себе на пользу. Он стал выходить на мороз раздетым. Сначала на несколько секунд, потом на полминуты. С каждым разом все больше и больше. Дошло до того, что в метель уходил в одних шортах за околицу и часами гулял в поле среди ветра и стужи. Он возвращался весь заиндевевший, в клубах пара, и селяне не могли надивиться: неужели завтра не сляжет в постель с крупозным воспалением легких, а то и с чем-нибудь похуже?

Но это в прошлом. Сейчас, когда вышел на пенсию, Иванов одержим идеей передать свой уникальный (несомненно, уникаль-

ЭКСПЕРИМЕ

НТ ДЛИНОЮ В ПОЛВЕКА

ный!) опыт закалки людям, ученым. А что ученые? Не спешат пока. Может быть, не знают об Иванове?..

— Я обращаюсь к людям,— говорит Порфирий Корнеевич.— Дорогие вы мои, все ваши болезни от нежести вашей: от тепла, от вкусной пищи, от покоя. Не бойтесь холода, он мобилизует, как нынче модно сказывать, защиту организма. Холод кидает в тело гормон здоровья. Пусть каждый покумекает, что ему важнее — дело или малые радости. На все должна быть победа. Человек должен жить в победе; если ее не получишь, грош тебе цена в базарный день... Зачем лечиться, когда можно и дóлжно болезнь в тело не пускать!

Еще Маркс говорил, что цивилизованный человек должен так же уметь противостоять природе, как это умели делать древнейшие люди. Порфирий Иванов умеет противостоять природе. Опорой ему в этом служит его система. Он шел к ней почти полвека и почти полвека неукоснительно ей следует. Система эта на первый взгляд удивительно проста, содержит всего семь правил, некоторые из них вроде бы отношения к оздоровлению организма не имеют. Судите сами.

Первое правило. Живи с постоянным желанием сделать людям добро и, коли сделал, никогда не вспоминай об этом, поспеши сделать еще.

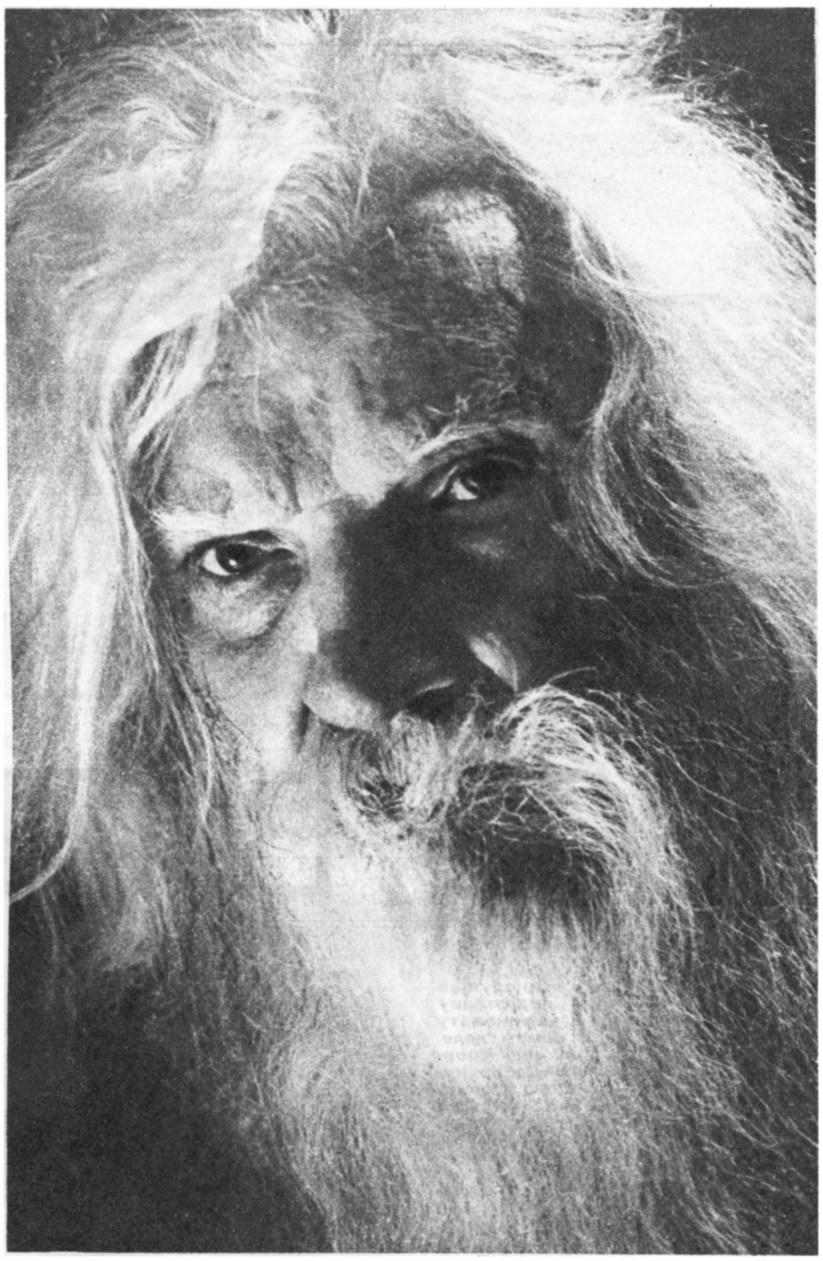
Правило второе. Все старайся делать только с удовольствием, с радостью. И пока не научишься дело делать с радостью, считай, что не умеешь его делать.

Казалось бы, не о здоровье речь, а по сути — о самом что ни на есть главном здоровье говорит старец—о здоровье души. Без него разве можно тело вылечить? Вот остальные его правила:

Не пей ни вина, ни водки.

Один день в неделю голодай, а в другое время ешь поменьше мяса и вообще ешь поменьше («А то сегодня люди просто страдают обжорством, едят вдвое

больше, чем природа их требует. Обильная еда голову ясности лишает»).

Ходи круглый год босиком по траве и по снегу хотя бы несколько минут в день.

Ежедневно, утром и вечером, обливайся холодной водой. (Нам обоим, фотокорреспонденту Эдуарду Эттингеру и мне, прелести этого правила пришлось испытать на себе. Сначала мы, конечно, наотрез отказались. Страшно было даже подумать; тем более, у меня болело горло и начинался насморк. Лишь когда мы увидели, как огорчился Порфирий Корнеевич («Значит, и вы мне не верите?»), решили рискнуть — ради оздоровления человечества. Когда он вылил нам на голову и на плечи по ведру ледяной воды (на улице было около десяти градусов), мы поняли, что такое неземные ощущения. Но через полчаса, кстати сказать, от моей простуды не осталось и следа. Обливались мы каждый день, но лишь к концу нашего пятидневного пребывания в доме Порфирия Корнеевича почувствовали вкус к этой процедуре.

Мы никоим образом, конечно, не призываем никого тут же следовать нашему примеру. Мы только излагаем факты.)

И последнее правило. Почаще бывать на воздухе с открытым телом, и летом и зимой. («Пусть тело дышит и учится брать тепло от холода».) Кому-то эта мысль Иванова покажется абсурдной, смешной. Но вот что по этому поводу говорит специалист в области термодинамики, к слову, один из последователей Иванова, кандидат технических наук И. Хвощевский:

— В результате своего беспримерного опыта П. К. Иванову удалось показать, что в человеческом организме в условиях холода начинают проявляться процессы, связанные с постоянной выработкой внутренней энергии. Не исключено, что это перекликается с гениальной, возможно, но пока не получившей убедительного обоснования гипотезой К. Э. Циолковского о медленном и бесплатном отнятии энергии от окружающих холодных тел. Мы действительно очень мало знаем о человеке, о его резервных возможностях. Не исключено, что в необычных, экстремальных условиях в организме открываются неведомые нам качества; пока мы можем только догадываться о них. Вот почему так важен опыт, который в течение полувека проводит на себе Порфирий Корнеевич Иванов. Трудно найти другой пример подобной целеустремленности...

На хуторе у Иванова много последователей. Первая из них — его жена, Валентина Леонтьевна. Когда-то она очень тяжело болела, теперь, в свои семьдесят, считает себя совершенно здоровым человеком.

— Я боюсь,— говорит она,— зимой пропустить и одного дня, чтобы не выйти раздетой на мороз, не окатиться ледяной водой. А вдруг болезни опять нагрянут, как это было двадцать пять лет назад.

Валентина Леонтьевна, так же как и Порфирий Корнеевич, очень мало ест. И несмотря на то, что весь день в работе (как и любая крестьянская женщина), устает теперь значительно меньше, чем раньше, когда еще не дружила с холодом и не ограничивала себя в еде. Вполне возможно, что оба этих фактора каким-то парадоксальным образом связаны между собой — одно помогает переносить другое.

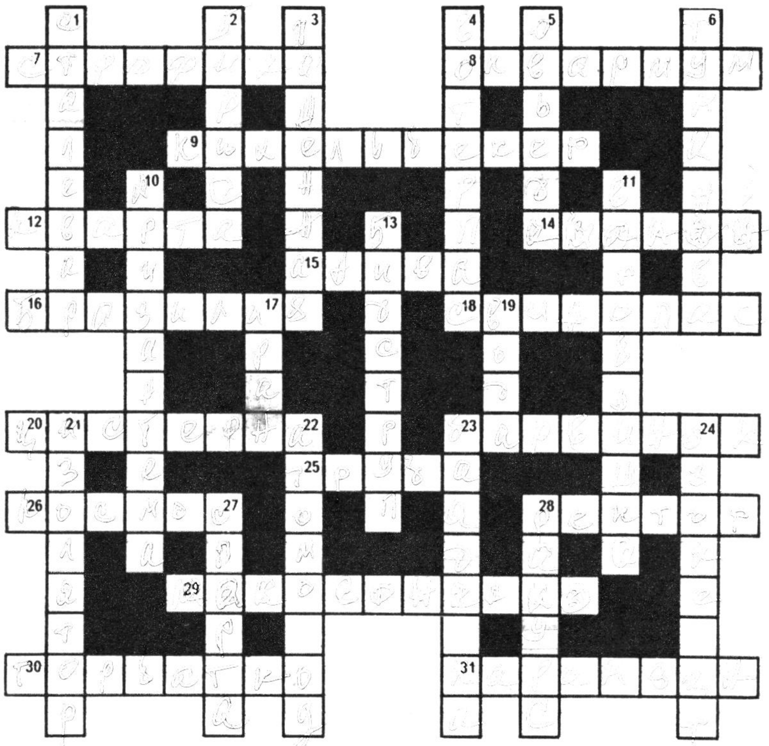
Поистине тайны человеческого организма неисчерпаемы!

По дороге в аэропорт заехали в Свердловск, районный центр, в райком партии поговорить о Порфирии Иванове. Секретарь райкома Надежда Константиновна Ковалева, между прочим, сказала:

— К сожалению, у нас нет возможности оценить по достоинству этого уникального человека. Нет здесь для этого специалистов. Да, откровенно говоря, и времени серьезно им заняться не хватает: район большой и сложный, уголь все-таки добываем. Вот если бы вы нам помогли привлечь к Иванову внимание общественности, ученых...

Что мы здесь и попытались сделать.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Раздел стиховедения. 8. Стеклянный сосуд для содержания водных животных и растений. 9. Поэт, декабрист. 12. Музыкальный интервал. 14. Река в Якутии. 15. Залив Охотского моря у берега Сахалина. 16. Государство в Южной Америке. 18. Сказка Х. К. Андерсена. 20. Резервуар для хранения или перевозки жидкостей. 23. Декоративное травянистое растение. 25. Духовой музыкальный инструмент. 26. Серия советских искусственных спутников Земли. 28. Руководитель вуза. 29. Действующее лицо в опере Н. В. Лысенко «Наталка Полтавка». 30. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 31. Русский писатель, историк.

По вертикали: 1. Рабочий-металлург. 2. Река в Восточной Сибири. 3. Народная артистка СССР, выступавшая в Малом театре. 4. Прибор для проверки горизонтальности в плотничьих и каменных работах. 5. Город в Испании. 6. Персонаж романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь». 10. Растение с пышными махровыми соцветиями. 11. Сказка М. Горького. 13. Датский художник-карикатурист, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 17. Государство на юго-западе Азии. 19. Самое распространенное вещество в природе, жидкость. 21. Устройство для предотвращения электрического контакта. 22. Судно с ядерной силовой установкой. 23. Балет Л. Ф. Минкуса. 24. Горный воск, природный битум. 27. Город в Греции. 28. Изображение в живописи, графике в перспективе.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали: 7. Рубидий. 8. «Хуторок». 9. Мопс. 11. Сеялка. 12. Овидий. 13. Прозоров. 14. Парк. 15. Кеть. 16. Скороговорка. 19. Гвадалквивир. 21. Балл. 23. Азов. 25. Танзания. 27. Лобзик. 28. Гаврош. 29. Купе. 30. Пианино. 31. Флексия.

По вертикали: 1. Триплекс. 2. Стотинка. 3. Мурена. 4. Пикап. 5. Зудов. 6. Солист. 9. Многогранник. 10. Соревнование. 17. Киев. 18. Киви. 19. Глазунов. 20. Раевский. 22. Анохин. 24. Озолин. 25. Ткань. 26. Ягель.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Атака. (См. в номере материал «Человек в военной форме».)
Снимок сделан с вертолета, пилотируемого летчиком первого класса майором Ю. К. Робулом.

Фото А. Награльяна

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Берег у Петропавловска-Камчатского.

Фото В. Кардашевского

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 01.02.82. Подписано к печати 16.02.82. А 00320. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 318. Заказ № 1873.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

На огневом рубеже.

ВСЕ ВИДН

Фото А. БОЧИНИНА

Гости, журналисты единодушно отметили отличную подготовку стадиона в Раубичах к чемпионату мира по биатлону. В самом деле, сравнительно молодой еще спортивный комплекс заметно обновился, расширились трибуны, реконструировано оснащение огневого рубежа, установлено новое электронное табло.

Первый день засветился советской команде золотом. Юниоры состязались на дистанции 15 километров. И тут отличился наш Юрий Кашкаров. Учащийся ПТУ пожарных из Свердловска доказал на белорусском снегу, как много в спорте значит трудолюбие и вера в свои силы. На предыдущем чемпионате мира в Лахти Юра оказался в середине второй десятки. Разуверься он в себе, и кончилась бы там его спортивная судьба. А Кашкаров упорно тренировался, искал в себе еще не открытые возможности, шлифовал характер. И в награду — золотая медаль. Добавим сразу, что хорошо выступал Юрий и в последующей программе. В юниорской гонке на 10 километров он «заработал» бронзовую медаль, а серебряную получил, в составе команды за второе место в эстафете 3 × 7,5 километра.

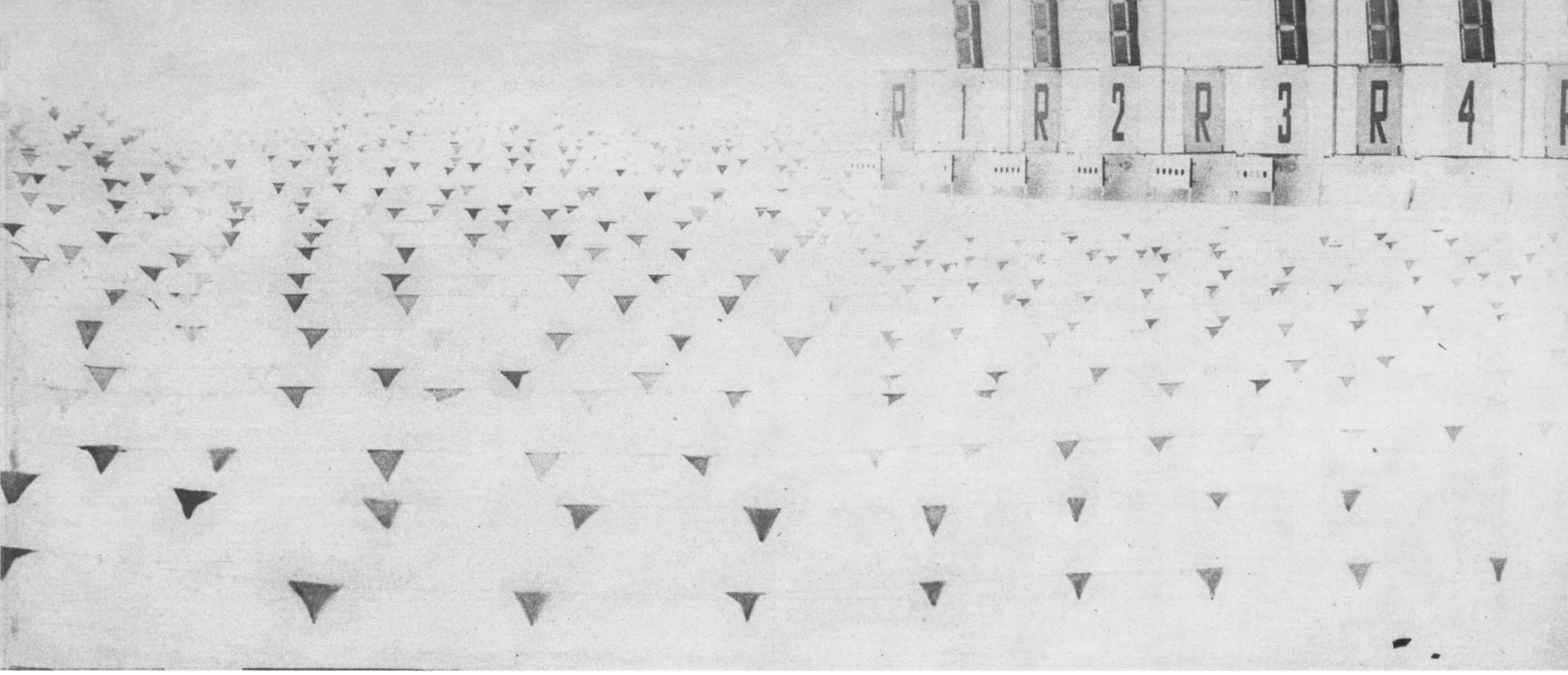
Увы, его старшие товарищи не сумели подхватить победную эстафету. Они не завоевали не только ни одной золотой медали, но и серебряной.

Все началось с того, что опытный Владимир Аликин, неплохо стартовавший в гонке на 20 километров, на первом огневом рубеже оставил нетронутыми все пять мишеней, что лишило его всякой надежды на успех. Победу одержал прославленный биатлонист из ГДР Франк Ульрих, а главным его соперником стал норвежский студент Эйрик Квалфосс. Быстрый, предельно собранный, он в гонке на 20 километров занял второе место, а на «десятке» Ульрих был вынужден уступить ему золото.

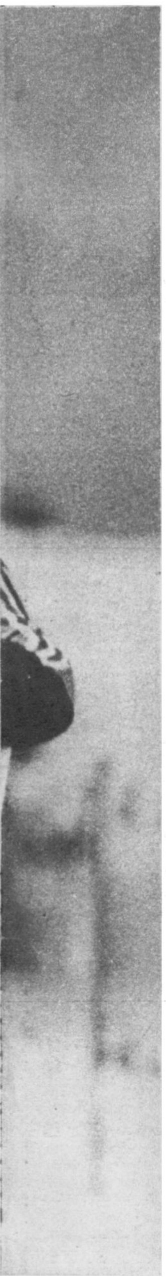
Вообще, что борьба на чемпионате будет вестись между спортсменами СССР, ГДР и Норвегии, это ожидали все, но можно ли было предполагать, что нам выше третьей ступеньки не удастся подняться? И завершили советские гонщики чемпионат третьими, завоевав бронзовые медали в эстафете.

Наших спортсменов подводила стрельба, не хватало им хладнокровия, выдержки. Почему так — по всей вероятности, расшифруют специалисты. Во всяком случае, на белом снегу отчетливо обозначились изъяны.

А. ЩЕРБАКОВ

О НА БЕЛОМ СНЕГУ

Юниор Юрий Кашкаров победил на дистанции 15 километров.

Болельщики.

Эстафета начинается.

Франк Ульрих (ГДР) после гонки на 20 километров.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663